

ИСТОРИКО-КАТЕХЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

КОСТРОМСКАЯ
СЛАВЯНА

1998
№№ 10-11

Оглавление

Николай СОЛОВЬЕВ. «Возвращение к истокам...»	1
Лариса СИЗИНЦЕВА. По вешному следу	2

АРХИВ

Любовь ПОРОСЯТКОВСКАЯ. Символы времени	6
Ольга КИВОКУРЦЕВА. «Да, великие силы таятся здесь...» (Губернская ученая архивная комиссия и костромская старина)	10
Татьяна ВОЙТЮК (ЙЕНСЕН). «Мы, подмастерья науки...» (коллекция этнографических материалов Костромского научного общества по изучению местного края)	18
Ирина ТЛИФ. «Уроди, Господи, хлеба...», «Уж ты, батюшка Егорий...» (по материалам анкеты КНОИМК «Культ и народное сельское хозяйство»)	24
Михаил МАГНИЦКИЙ. «Между двух огней...» (отчет об обследовании помещичьих усадеб Галичского уезда в 1918 г.) Подготовка публикации Татьяны ВОЙТЮК (ЙЕНСЕН)	30
Лариса КОВАЛЕВА. Кое-что о времени царя-плотника (из истории госучреждений, 1-я пол. XVIII в.)	39
Наталья КАШИНА, Евгений КАШИН. «Видя видеть, а слыша слышать...» (связь текста и миниатюр в «Синодике Богоявленской церкви, что близ Ипатьевского монастыря». XVIII в.)	43
Галина ДАВЫДОВА. «Здесь все теперь воспоминанье...»	46
Петр ПЕРЦОВ. Русская «комедия масок» . (к юбилею «Ревизора») . Подготовка публикации Галины ДАВЫДОВОЙ	50

Продолжение оглавления
смотрите на 3-й стр. обложки

*Государственный архив Костромской области благодарит
областную Думу и ее председателя
Андрея Ивановича Бычкова,
а также Отдел по делам архивов администрации Костромской области
и его начальника Анатолия Михайловича Елизарова
за оказанную помощь и поддержку по изданию этого номера журнала.*

*Редакция благодарит администрацию Костромского объединенного
историко-архитектурного музея-заповедника за предоставление для публикации
редких фотографий из фондов музея.*

«Возвращение к истокам...»

Уважаемый читатель! Перед вами юбилейный десятый номер журнала «Костромская старина». Первый номер вышел в свет в марте 1991 г. Что побудило к изданию этого журнала? Сотрудники Государственного архива Костромской области руководствовались одним - пробудить у читателя живой интерес к истории нашего края, к земле своих предков, возрождению богатых отечественных традиций. Кстати о традициях. «Костромская старина» выпускалась с 1890 по 1911 гг. Издавала ее Костромская ученая архивная комиссия, и всего было выпущено семь номеров. Потом Костромское научное общество (КНО) стало издавать отдельные книжечки по истории края. В 1930 г. голос архивистов умолк. Голоса новой жизни заглушили голоса старины. Началась ломка вековых российских устоев.

«Даешь!» коллективизацию, индустриализацию, электрификацию. Затем - война, восстановление народного хозяйства, специализация, химизация, мелиорация. Пожар 1982 г. в госархиве, и снова - все силы на ликвидацию последствий пожара.

И вот началась «перестройка», мы получили свободу и у нас появилось желание возродить забытые традиции, возобновить издательскую деятельность. Остановились на «Костромской старине». Сегодняшний журнал - вновь рожденное дитя. И я благодарю всех, кто помог ему родиться и «встать

на ноги» - редакторов Николая Муренина и Татьяну Войтюк, журналистку Татьяну Гончарову, краеведов Ларису Сизинцеву и Андрея Анохина, художников Наталью Будлакову и Сергея Волчикина, фотографа Георгия Белокова, сотрудников архива Ольгу Кивокурцеву, Галину Давыдову, Ларису Ковалеву, Любовь Поросятковскую, Марину Недомарацкую, Валентину Смирнову, Наталью Дружину, Ирину Тлиф, Марию Кузнецову и др.

Первые два номера «Костромской старины» выходили как приложение к газете «Костромские ведомости». Потом мы стали работать самостоятельно. С каждым годом, с каждым следующим номером становилось все тяжелее с финансовой точки зрения. Искли выходы, но отступать не хотели. Нам помогали спонсоры в лице дирекции фестиваля «Вехи», отдела по делам архивов Костромской области, областной Думы и ее председателя Андрея Бычкова.

Мы, т.е. коллектив Госархива, одним из первых начали выпускать нашу «старину», и лишь потом появились Ярославская, Тверская «старина» и др.

Нас признали. Решением Коллегии Госархива от 7 июня 1995 г. по итогам проведения Конкурса научных работ в области архивоведения, документоведения и археологии творческому коллективу работников «Костромской старины» присуждены призовые места и выданы дипломы.

Нас заметили. Вот что сказал гость «Костромской старины» - Сигурд Оттович Шмидт, доктор исторических наук, профессор, председатель Союза краеведов России: «Хочется пожелать вашему журналу сыграть объединяющую роль в возвращении к истокам культуры, ведь именно провинция всегда питала ее».

Еще раз спасибо

за самоотверженный труд краеведам, историкам, архивистам, фотомастерам, печатникам. Хочется верить, что МЫ БЫЛИ, МЫ ЕСТЬ, МЫ БУДЕМ!

Сегодня у нас двойной юбилей: выход в свет десятого номера «Костромской старины» и 80 лет со дня образования в области государственной архивной службы.

Государственный архив до по-

Отношение Главархива РСФСР губисполкому о назначении с 20 ноября 1918 года Е. Ф. Дубюка уполномоченным по охране архивов Костромской губернии.

жара имел в наличии 956.608 дел. Пожар принес невосполнимые утраты - погибло больше половины документов, а остальные, которые пострадали от огня и воды, приходится спасать. На сегодня все «горелки» разобраны, т.е. определены по фондам, реставрируются и на них создается страховой фонд. Работа продлена адво. Работа продолжается.

В трудное время нам выпало жить.

От всей души поздравляю архивистов области с 80-летним юбилеем, желаю крепкого здоровья, творческих успехов, пусть исполнятся все ваши мечты!

Николай СОЛОВЬЕВ,
директор Государственного архива Костромской области.

Ваше творчество ценно. Нам оно ближе и дороже. Чем все на свете есть.
A. B. Соловьев

ДИПЛОМ

Дипломом Коллегии архивов работ в области архивоведения, документоведения и археологии за 1991-1994 гг. награждаются:

СОЛЛОВЬЕВ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ

— член редколлегии Государственного архива Костромской области на протяжении журнала «Костромская старина», тем 1-3.

Дипломами Главархива награждены Татьяна Войтюк, Ольга Кивокурцева, Галина Давыдова, Лариса Ковалевка, Любовь Поросятковская, Лариса Сизинцева, Николай Соловьев.

Наше наследие

ПО ВЕЩНОМУ СЛЕДУ

След. Наследить. Наследство. Наследие. Первое из слов этого ряда - корень. Человек, проживая жизнь, вольно или невольно, оставляет следы. Вот костяной гребень, которым расчесывала косы костромичка восемь столетий назад, он сломался - и оказался в земле, неподалеку от обломков разбитого кувшина и осколков винтового браслета. Вряд ли она полагала, что через века люди достанут его из земли, и совершенно негодная к употреблению вещь станет памятником археологии, а слой земли, где лежали эти вещи, назовут КУЛЬТУРНЫМ СЛОЕМ.

С течением времени предметы меняли свой облик. Одни из них выходили из употребления, другие, напротив, входили в обиход. Люди выбирали их для насущных потребностей, по своему вкусу. Давно нет тех людей, но по вещному следу мы узнаем об их пристрастиях и занятиях. Сохранившиеся документы подтверждали право собственности человека на земли и вещи, потом они оставались в наследство и подтверждали дарения, купли, продажи. Люди вели летописи, потом - дневники, писали письма и воспоминания, печатали и читали книги... Так, не подозревая об этом, они готовили появление архивов и библиотек. Заказывая портреты для семейной галереи, сохраняя воинские награды, бабушкино платье, деловую шинель, вряд ли кто-то полагал, что все это не только наследство, но и наследие. И все это - тоже культурный слой.

Но наследие представлено не только предметами, документами, книгами. Города и села, усадьбы и монастыри - тоже память, тоже - памятники. И не только тем, кто их строил, но и тем, кто жил в этих зданиях, ходил по этим улицам. Люди, даже не оставляя материальных следов, передают из рода в род наследство, сохранявшиеся в обычаях и обрядах, в свойственных этому месту традициях, в языке. Это все тоже определяет своеобразие наших мест - там, где это еще не подчинено модным образцам.

Следы прошлого исчезают с легкостью - достаточно простого равнодушия к ним. Это наследство легко промотать, растратить, гораздо труднее сохранить его для тех, кто придет после нас. Для этого мало собрать вещи, книги, бумаги, сложить все это в сундуки и на

полки, повесить бирочки с инвентарными номерами. Надо сохранить их в культурном обиходе, раскрыть заложенный в них код, использовать в постижении логики времен и событий. Только таким способом мы и можем сегодня вступить в права наследия. Собственно для того, чтобы обеспечить эту встречу с прошлым и существуют сегодня архивы, библиотеки, музеи, да и не только они.

Как и всюду, на Костромской земле были места с особенно мощным культурным слоем, их можно назвать культурными гнездами. Среда там особен-

людей, оставивших свой след в истории государства Российского. Ипатьевский берег владык Годуновых и Романовых, в Маркарино-Успенском монастыре сохранились следы пребывания юного Михаила Федоровича со старшей Марфой, а в Богоявленском - шитое жемчугом оплечье князя Пожарского... В Успенском соборе Костромы на стенах висели знамена ополчений 1812 и 1856 гг., а в Старособорной церкви Солигалича показывали древние котлы, из которых, по преданию, некогда лили кипяток на головы врагов защитники городской крепости. В Тихоновой пустыни, неподалеку от Луки, показывали паломникам келийку малую, поставец и блюдо, сделанные руками преподобного основателя обители, смерть которого жития относят к самому началу XVI в.

Книги непременно были в каждом монастыре, но только в самых древних из них можно было встретить такие редкости, как знаменитый список с «Повести временных лет», более известный как «Ипатьевская летопись», или книги, вышедшие из типографии первопечатника Ивана Федорова.

Но монастыри были не только центрами духовными, в них шла достаточно напряженная хозяйственная жизнь, - а для этого надо было вести хозяйственную документацию, учитывать имущество, заключать договоры. Позже, с приезда в 1746 году в Кострому первого епископа, Сильвестра Кулябки, была основана костромская духовная консистория, которая постепенно превращалась в сложное, перегруженное канцелярской работой учреждение. Отсюда исходили многочисленные указы, циркуляры, инструкции, а сюда из монастырей и церковей епархии стекались многочисленные отчеты. Наверное, это была обычная бюрократическая структура, - но как мы, историки, рады тому, что дело обстоит именно так, ведь фонд консистории в Государственном архиве Костромской области один из самых больших и информативных.

Костромская епархия, собственно, создавалась в 1744 г. прежде всего для борьбы с расколом. И если сведения о раскольниках исправно собирали различные ведомства (прежде всего подчиненные губернатору), то сами раскольники

Богоявленский собор и колокольня.
В куполе помешалась библиотечка.

ная, насыщенная памятью, - а потому там трудно не соприкоснуться с традицией. К числу таких мест можно отнести большие и малые исторические города, значительные села, монастыри, усадьбы...

Взять, к примеру, монастыри. Многие из них были основаны ушедшими в бескрайние в ту пору леса учениками преподобного Сергея Радонежского, потом - учениками его учеников. Веками не прерывалась там традиция высокой духовной жизни, не гасла лампада напряженного монашеского делания. Для этого и строили храмы, писали иконы, собирали библиотеки. Как святники сохраняли предметы, связанные с именами преподобных. Это был видимый след невидимой зачастую духовной работы.

Городские и пригородные монастыри хранили память о высоком покровительстве царственных особ и других

предпочитали не держать при себе архаив: слишком велик был риск. Зато они всегда имели при себе иконы-складни, часто древние или отлитые по старым образцам, старинные книги и иконы.

Болезь всего ревнителем древнего благочестия ценились иконы, написанные в доиконские времена. Так, судиславец Н.А. Папулин, возглавлявший поморское согласие, был не только знатоком древней иконописи, но и настоящим коллекционером, ценителем тонкого письма. Стала легендой его величайшая удача - приобретение целого иконостаса одной из северных церквей работы строгановских мастеров. Ходили слухи, что там были и иконы преподобного Андрея Рублева. После ареста Н.А. Папулина некоторые предметы, иконы и книги оказались в Ипатьевском монастыре, где тогда помещалась консистория.

В то же самое время невдалеке от староперечских скитов в селениях, с их коренной крестьянской заботой о хлебе насущном, доживали древние поверья и традиции еще дохристианских времен. Их переосмысливали, дополняли, видоизменяли - забавлялся первоначальный смысл магических формул, орнаментов, ритуалов, но они сохранялись просто в силу ориентации крестьянской культуры на сохранение традиции.

Это проявлялось в неизменности форм и украшений вещей, которые от века изговаривались в этих местах, в мелодичном строе песен, в особенностях говора. Традиции хранил не только предметный мир - они же определяли способы выживания на этих бесплодных землях, отработанные веками борьбы за существование. Когда сеять, жать, выгонять скот - диктовали не языки городских агрономов, а опыт поколений предшественников. По традиции же выстраивались не только отношения с капризной северной природой, но и с лесной или домашней живностью, с чужаками-пришельцами и, наконец, друг с другом - в семье, в сельской общине.

И все же городская мода проникала и в деревню. Особенно способствовали этому отходники, отправлявшиеся на заработки в крупные города из Галича, Солигалича, Чухомы, Буя. Возвращаясь на родину, они привозили последние новости, сапоги со скрипом, чай с самоваром, шубу на льсяем меху, настенные часы и прочие изыски городского быта, - а вместе с ними следование моде, стремление к цивилизации.

В городах циклическое природное время размыкалось и вытягивалось по горизонтали, становясь временем историческим. Если в глухих селениях все еще хранили «преданья старины глубокой», то в городах гораздо большее вни-

мание уделялось «делам давно минувших дней». Этому способствовала меньшая зависимость от капризов природы и большая включенность в события исторического прошлого, которое оставило свои следы на улицах и площадях городов. Крепостные валы, старинные пушки на бастионах напоминали о былой доблести горожан, места и здания свидетельствовали о примечательных исторических событиях, записи о которых встречались на страницах летописей и летописцев.

Но города жили, конечно, не столько прошлым, сколько настоящим. Именно сюда в первую очередь приходили все новинки техники, достижения цивилизации, моды на идеи и на платья. Стиль определял декор, фасады и оформление интерьеров. В городах пульсировала общественная жизнь: деятельным людям было легче найти поддержку и сочувствие, актерам - зрителей, музыкантам - слушателей, библиотекам - читателей. Беспрепятственно создавались какие-нибудь общества и комитеты, благотворительные и просветительные организации.

Но более всего трудились на благо будущих историков (правда, не подозревая об этом) многочисленные городские учреждения, которые помогали фиксировать следы этой общественной и государственной жизни, поскольку сохраняли документы - утверждавшие, рекомендовавшие, запрещавшие... Событие прошло - но его документальные свидетельства сохранились.

Островками цивилизации в деревнях были усадьбы. Там значительно труднее удовлетворять культурные потребности: инфраструктура для этого хозяину надо было создавать самостоятельно, это требовало значительных средств и усилий. Зато все определялось вкусами владельцев.

Так, хозяйка солигаличской усадьбы Нероново, Черевина, коллекционировала оружие, выращивали в оранжерее редкие растения, владели чухомской усадьбы, расположенной в селе Понюжском, В.Е.Обрезков, не мыслил жизнь в усадьбе без театра, и в архиве долго хранилось его описание: «театр, в нем ложи, порттеры и занавеси»¹.

Независимо от финансовых возможностей владельцев, в каждой усадьбе был архив: необходимо было подтверждать свои права на владение движимым и недвижимым имуществом, крепостными крестьянами, свою принадлежность к дворянскому сословию. Родословные древа сплетались друг с другом, создавая историю России, а та, в свою очередь, не мыслилась вне истории рода человеческого. Из тех самых усадеб и поступили родословцы, поныне хранившиеся в архивной коллекции рукописей: «Генеалогия или родословие знатных

Усадьба Нероново.
Гостиная: камин и часы.

владельство, князей и царей, начинающиеся от Адама даже и до сего настоящего времени с прописанием лет...» или «Родословные таблицы библейской и русской истории...»

Все в усадьбе свидетельствовало о деятельности предков: парки, здания, одежда и мебель; портретная галерея, деловая библиотека, коллекции и архивы. Вероятно, не случайно усадьба воспринималась как пространство семейной памяти, и в этом смысле - как памятник истории рода. Алексей Федорович Грамматин, автор рукописи «Исторические известия о моих предках», так описывал свою работу: «...я обратился к веку прошедшему, искал жилищ моих кровных предшественников, чтобы сыскать самих их и воображением оживить их для себя... Бродил с места на место земли, принадлежавшей предкам моим, все пусто, едва и пепелищ след где... спрашивал людей пожилых о прежнем... Нужда или необходимость сохранили бумаги, кои дали мне узнать моих предков, их жилища и некоторые деяния...»².

Таким образом, оставленные волю или неволью, нечаянно или намеренно, следы человеческой жизни были осмыслены не только как наследство, но и как наследие, как память о прошедших временах и живших тогда людях. Обычная с виду вещь становилась семейной реликвией, предметом поиска для коллекционера. Культурный слой, наконец, оказался востребованным, включенным в обиход.

Не кажется удивительным, что среди

первых коллекционеров Костромской земли можно было встретить первых костромских краеведов, таких как Н.С.Сумароков, потомок старинного дворянского рода. В начале XIX столетия страстью к старине охвачены почти все сословия: древности собирали не только дворяне, но и мещане, священники. Славилась собрания галичского мещанина И.Тычинкина - и сельского священника М.Я.Диева. Последний помог собрать великолепную библиотеку своему брату П.Я.Актovu, ставшему чиновником; редчайшие предметы хранились в коллекции ректора Костромской духовной семинарии архимандрита Афанасия. Чуть позже, в середине XIX столетия, нумизматические коллекции составляли представители купеческих родов. Тогда же начал одним из первых в России собирать орудия каменного века перехотский помещик и костромской чиновник Г.М.Девочкин, им же был создан один из наиболее полных гербариев костромской флоры.

Частное коллекционирование, каким бы квалифицированным оно ни было, имело один недостаток: со смертью коллекционера собрание, как правило, утрачивалось, в лучшем случае - расхищалось по разным владениям. Но в середине века количество (коллекционеров и коллекций) перешло в качество: в 1860-е гг. на костромской земле появляются первые музеи. Реставрация, законченная в 1863 г., завершила музейфикацию Романовских палат в Ипатьевском монастыре, а по постановлению Губернского земского собрания от 2 октября 1868 г. уже известным нам Г.М.Девочкиным был создан земский музей, освещавший природные условия края и частично затрагивавший вопросы его древней истории.

Конечно, в музеях, принадлежавших различным церковным, государственным и общественным структурам, шанс сохранить предметы был выше, нежели в коллекциях, связанных с конкретным человеком. Впрочем, и там бывали случаи, когда собрание хранилось небрежно, предметы распылялись и утрачивались. И все же музеи позволяли сохранить преемственность в использовании предметного наследия.

Помощь сберечь архивы, утратившие владельцев, была призвана Костромская ученая архивная комиссия, созданная одной из первых в России в 1885 г. Юридической основой ее существования стало положение Комитета министров «О губернских исторических архивах и губернских архивных комиссиях» от 15 апреля 1884 г.

Основной задачей комиссии ее учредители считали приведение «в известность и сохранность» письменных источников, назначенных к уничтожению,

полагая «с их помощью начертить те данные, которые до сих пор оставались в неизвестности или дошли до нас как дорогие, но смутные предания»⁹.

К этой работе члены комиссии приступили без промедления. Они не только собирали архивы, оказавшиеся бесхозными по случаю ликвидации учреждений или смерти частных владельцев, но систематизировали и издавали их описания. Так, И.В.Миловидов в 1887-1888 гг. издал обзор под названием «Содержание рукописей, хранившихся в архиве Ипатьевского монастыря», позже, в 1895 г., Н.А.Альбицкий и И.Д.Преображенский издали описание «Долматовского» архива, а в 1913 А.Н.Куломзин и М.Г.Курдюмов подготовили к изданию «Архив селца Зиновьева», - и это далеко не все. Публикации отдельных документов постоянно появлялись на страницах продолжающегося издания Костромской архивной комиссии - «Костромской старины».

Формирование архива было важной, но не единственной задачей КГУАК. В провинции встречались самые разнообразные древности, а заботиться об их сохранении было некому, и потому деятели комиссии стали собирать не только документы, но и отдельные предметы старины, целые семейные библиотеки. Так, в дополнение к постоянно пополнявшейся научной библиотеке, в комиссию были переданы библиотека и архив семьи Грамматных, позже свою богатейшую библиотеку завещал ей один из председателей КГУАК, И.Н.Селифонтов.

Одной из задач архивной комиссии считали создание собственного музея, но из-за отсутствия помещения поступавшие предметы первоначально хранились у членов комиссии дома. И вот благодаря хлопотам И.Н.Селифонтова в 1891 г. костромское дворянство предоставило несколько комнат в своем здании на Павловской улице под музей, архив и библиотеку КГУК, что и позволило положить начало музею древностей. Позже для него было построено специальное здание рядом с домом дворянина, по проекту городского архитектора Н.И.Горлицина. Деньги на музей собирали по подписке, а первым посетителем его стал в 1913 г. последний император России - Николай II с семьей.

Тогда же, к высочайшему посещению,

Романовский музей.

был открыт и еще один музей - в здании Романовских палат Ипатьевского монастыря император посетил недавно созданное древнехранилище, представлявшее церковные древности, собранные по монастырям и храмам епархиальными членами Костромского церковно-исторического общества.

В начале XX в. переживала период расцвета земские музеи, которые ставили своей целью распространение передовых технологий, изучение естественных природных условий края, что должно было развивать традиции народного землепользования, приспособить его к ужесточившимся условиям рынка.

Вторая половина XIX в. стала временем открытия многих частных и общественных публичных книгохранилищ. Продолжала действовать библиотека Костромского Богоявленского храма, служившего теплой церковью при Успенском соборе. Она была основана при освещении его в 1791 г. и пополнялась в течение всего XIX в. Уникальное место ее расположения - в куполе, на высоком холме над Волгой, - привлекало сюда многих путешественников, которые рассматривали старинные рукописи и книги, любящую простором, открывавшимся из окон.

Но библиотеки появляются не только при таких серьезных организациях, как, например, Общественное собрание, но и в ночлежке, устроенной Ф.И.Черновым для костромских зимоговор, и в фабричном районе Костромы.

Боле того, библиотеки открываются в уездных городах (где в основу их нередко кладутся частные книжные собрания, как, например, Катенинское в Чухломе, Поливановское и Грибуинское в Юрьевце), и даже при маленьких сельских школах, в народных домах.

Можно сказать, что за вторую половину XIX в. и первые десятилетия наше-

го столетия намелился процесс приобщения к наследию все более широких кругов жителей Костромской губернии. Предметы, книги, документы - не только сохранялись от исчезновения, но и становились всеобщим достоянием. Правда, если в школьную библиотеку человек из народа уже готов был прийти, то в музей и архив КГУАК он прийти мог, но низкий образовательный ценз пока еще не позволял использовать увиденное должным образом.

В то же время сохранялись частные собрания, семейные коллекции и архивы. Шел органичный естественный процесс.

Он был нарушен в 1917-1918 гг. Слова «Марсельезы» - «Отречемся от старого мира, отряхнем его прах с наших ног» - напрямую коснулись архивов, библиотек, музеев и коллекций. Началась экспроприация частных собраний. Нужно было хлопотать об охранных грамотах и специальных документах, которые позволяли бы владельцу оставить их у себя. Все, что не было особым образом защищено, свозилось, смешивалось, утрачивало сведения о прежних владельцах.

Исчезали отдельные организации и ликвидировались целые ведомства, их имущество, архивы, библиотеки могли бы исчезнуть без следа, если бы не усилия, предпринятые людьми, понимавшими: если культурный слой уничтожить - поле культуры перестанет плодоносить.

В Костроме с 1912 г. действовало Костромское научное общество по изучению местного края. Его целью ставилось изучение Костромского края во всех отношениях, но первоначально оно больше занималось просветительской работой, преимущественно естественно-научной. Желание собрать музей, архив, библиотеку было трудно реализовать - собственного помещения у КНО (так сокращали название общества) не было.

Положение изменилось в 1917 г. Дело в том, что в состав членов Общества еще до революции входили представители различных политических партий левой ориентации. Когда в 1917 г. стало очевидно, что КГУАК прекратила свое существование (собственно, в годы войны просто было не до того), то секретарь Научного общества В.И. Смирнов начал хлопоты о передаче здания Романовского музея в пользование КНО, - и они увенчались успехом. Музей, расположенный в единственном специально для этой цели построенном здании, стал не только базой для работы КНО, но и пристанищем для многих упраздненных музеев (древнехранилища, земских музеев, музея Пултуского полка и т.д.).

Разрушались не только музеи, организации и учреждения. Разрушались, унич-

тожались целые пласты культуры. С первых же лет советской власти началась гонения на церковь - храмы подвергались разорению, изымались церковные ценности. И тогда краеведы входили в комиссии, чтобы спасти хотя бы наиболее ценное в художественном и историческом отношении. Разорались дворянские усадьбы - их владельцы насильно выселялись, лишались права пользования своим собственным имуществом, которое передавалось в учреждения, расхищалось чиновниками нового призыва, уничтожалось бессмысленно и жестоко: старинные документы и книги шли на растопку и козы ножки, мебель ломалась от использования в солдатских клубах, семейные коллекции исчезали без следа.

Исчезали не только следы «классового врага» - дворянства и духовенства. Резко менялся крестьянский быт. Шла не только ликвидация безграмотности, но и внедрение новых культурных ценностей, насильственная ломка традиций. Одновременно при разверстке земель уничтожались археологические памятники. Городской быт тоже менялся, еще немного и «прах» прошлого действительно был бы безжалостно отправлен в небытие.

И вот в условиях, когда не было ни транспортных средств, ни финансовых возможностей, члены КНО и представители Коллегии по охране памятников искусства и старины, основанной при содействии членов КНО, предприняли отчаянные попытки сохранить хотя бы некоторые материальные следы уходящего эпохи.

Это было просто физически трудно - совершать многоверстные обходы церквей и усадеб, доставать подвалы, и вывозить на них книги и документы, мебель и картины, фарфор и оружие, иконы и предметы церковной утвари. Так протрудился и умер молодой ученик В.И. Смирнова, основатель Галицкого музея, И. Яблоков.

Когда, за отсутствием средств, желаемые предметы крестьянского обихода невозможно было приобрести для музея, их фотографировали, зарисовывали прямо в крестьянских домах, а то и на костромском базаре. Денег на экспедиции не было, а потому ходили пешком, ездили на лодках (например, по реке Костроме), а титались толоком, разведенным в кружках колодезной водой.

Так пополнялся Музей местного края, в котором сотрудничали члены КНО, библиотека-коллектор, хранилища Губархива. Эти учреждения, по видимости, вновь созданные советской властью, на самом деле продолжали то, что начато было их предшественниками, и, в первую очередь, Ученой архивной комиссией, различными обществами и уч-

реждениями дореволюционной еще поры. Теперь просто надо было сохранить хотя бы что-то в этом бурно меняющемся мире. Но если в дореволюционную пору процесс сохранения наследия шел органично, то теперь он должен был противодействовать слепой и могущественной силе разрушения, - и в советском государстве можно было это осуществить, лишь став частью этого государства. А потому-то триада «архив-библиотека-музей», как правило, существовавшая в неразрывном единстве, разделилась и подчинилась различным ведомствам.

В 1920-е гг., благодаря усилиям отдельных лиц, удавалось избежать крайностей. Председатель КНО и директор Музея местного края В.И. Смирнов писал: «Существуют три основных ресурса для каждой научной работы, которые предельно должны быть созданы - Архив, Библиотека и Музей с неизбежными при них кабинетами и лабораториями». И действительно, активная краеведческая деятельность поначалу позволяла преодолеть ведомственные барьеры. Но наиболее активные члены КНО в 1929 г. были арестованы, отправлены в ссылку, в лагерь. И сложилось положение, когда книги из одной усадьбы находятся в нескольких библиотеках, портреты в разных музеях, а архив разделен между музеем и ГАКО, оно сохраняется до сих пор.

Нет, конечно, сегодня преодоление ведомственных рамок путем передачи предметов или документов в одно хранилище невозможно. Но, может быть, с развитием компьютеризации удастся создать хотя бы банк данных, который позволит объединить разрозненные целостности хотя бы в пределах виртуального информационного поля? Ведь по-прежнему, как и в 1920-е гг., «существуют три основных ресурса для каждой научной работы... Архив, Библиотека и Музей»...

Лариса СИЗИНЦЕВА.

1. Казаринов Л. Крепостной театр помещика Обрезкова/Исторический сборник. Чухлома, 1928. -С.29. (Труды ЧО КНО, вып.3).

2. Костромской историко-архитектурный музей-заповедник (далее КИАМЗ) И/В 8158. Предупреждение.

3. Журнал заседания Костромской губернской ученой архивной комиссии. 6.VI.1895 г.-Кострома.,1895.-С.11.

4. Отчет Костромского научного общества по изучению местного края за 1922 год.- Кострома, 1923.- С.26.

АРХИВ

Символы истории

Полагают, что история как наука обязана своим происхождением ...астрономии, которая вычленила его из пространства время и организовала его в солнечные и лунные календари¹. Появилась возможность устанавливать хронологию событий: «... в первый день второго месяца, во второй год по выходе из земли Египетской, исчислено все общество сынов по родам их»². С изобретением солнечных, водяных и механических часов люди открыли с помощью этих символов времени исторические знания, оформили их в летописи и хроники. Но существовали целые цивилизации и народы, не ведавшие «четвертого измерения». Они оставали в пространстве иные свидетельства о себе: курганы, могилы, гробницы, архитектуру, живопись... Умение сберечь или собрать все эти памятники - тоже примета истории, как и место хранения - библиотека, музей, архив.

Естественные и социальные катаклизмы имели двойственную природу воздействия на объекты хранения и предметы истории: разрушительную с одной стороны, созидательную с другой. Смена власти в феврале 1917 года возбудила стихийную потребность уничтожения в России полицейских и жандармских архивов, продиктованную разными причинами, в том числе, вероятно, желанием зачеркнуть постыдные страницы русской истории. Реакция краеведческой общественности на поджоги ГЖУ и полицейских управлений в Костроме и Галиче - спасти и сохранить их документы: в истории не может быть позорных страниц. Постепенно «под крышей» Костромского научного общества возник образ некоего учреждения, о котором мечтали архивисты XIX в. - Д. Я. Самоквасов и Н. В. Калачев. В необходимости объединения архивов они видели прежде всего формулу движения от неудобства к удобству поиска документа, его использования, приобретения независимости и самостоятельности, открывающих новые возможности статуса отрасли.

Централизация архивов по декрету СНК 1 июня 1918 года была продиктована иного характера причинами: во - первых, объявлялась государственная монополия на исторические источники - материал, из которого делается история и которым можно манипулировать в «интересах народа», в «интересах класса» и т.д. Другая причина - насущная необходимость, почти что нужда: закрыть «царские» учреждения, церкви и

Е. Ф. Дюбок. Кострома, 1907 г.

монастыри, выселили помещиков из имений: архивам угрожали разорение, чужие руки, гибель.

Как всякое рождение, создание архива сопровождалось болезненными процессами. Началось с того, что назначенный уполномоченным Центрархива по Костромской губернии Е. Ф. Дюбок одновременно занимал пост председателя КНО (в 1918 году), и его члены стали первыми добровольными архивными сотрудниками. С помощью анкет они выясняли степень сохранности уездных, волостных и пр. архивов, ставили их на учет. Любую поездку «книовца», в том

числе по личным делам, использовали для осмотра или вывоза заброшенных архивов в губернский центр. Двери старых архивохранилищ бывших учреждений Костромы опечатывали и закрывали на новые замки.

О том, чем заполняли полки архив в первые свои годы, рассказывали подробные отчеты Е. Ф. Дюбока и Ф. А. Разновского, уполномоченных по делам архива. Длинные перечни названий дореволюционных учреждений, «взятых на учет» или «принятых в актоохранилище», содержали сухие сведения о количестве фондов и возов, или взок и дел, и редко сопровождалась эмоциональными характеристиками, такими как: «Материалы по костромскому городском училищам с 1805 года заключают ценные сведения для истории народного образования в Костромской губернии»³. За скудными строками отчетов скрывались несметные сокровища XVI-XX вв., стекающиеся по воле судьбы в одно место и представляющие собой документы, символы своего времени.

Из принятых тогда на хранение материалов государственных, сословных, общественных и частных учреждений образовался самый крупный документальный комплекс в архиве. Все сферы деятельности человека на территории Костромской губернии довольно полно обеспечивали исследователей документальными иллюстрациями к процессам, разворачивающимся здесь с конца XVIII в. Административная, судебная, финансовая и прочие отрасли, начав развитие с Екатерининской реформы 1775 г., оттачивали почти до совершенства формы своих учреждений в преобразованных XIX в. Укращением же этого комплекса стали фонды самых ранних органов местного управления: Костромской приказной и Большесельской посадской изб, Чухломской воеводской и Костромской и Галичской провинциальных канцелярий. Современные архивисты считали бы их судьбу печальной, если бы не пожар в архиве 1982 г. Но

передвижение документальных фондов из архива в архив, организованное архивным управлением МВД в послевоенные 40 - 50-е годы в связи с окончанием административно-территориального деления и с образованием новых центральных государственных архивов, спасло от гибели в огне перечисленные коллекции¹. Поэтому пожар в Костромском архиве вынуждает лояльно относиться к неоправданному и необъяснимому изъятию многих его ценностей.

Другая совокупность документов, заполняющих костромские архивохранилища 20-х гг. - это усадьбные, помещичьи, личные фонды. В смеси жалованных грамот, французских писем и хозяйственных счетов трудно уловить закономерности хода истории, но можно осязательно и почувствовать аромат минувшей эпохи с едва уловимыми оттенками, т.е. то, что особенно «вкусно» и интересно всем. После пожара 1982 г. таких «деликатесов» осталось очень немного. Они использовались крайне редко, как неактуальные и некарьерные. Вероятно, по этой причине с такими документами легко расставались в кампанию архивных передвижек. Материалы Аксеновской вотчины графа Дмитрия-Мамонтова Чухломского уезда, Натальинской вотчины князей Куракинских и Чичеринских, Писцовской вотчины графов Остерман - Толстых, Сидоровской вотчины графов Орловых-Давыдовых Костромского уезда «по распоряжению Главного архивного управления Министерства внутренних дел СССР №12/314 от 21 ноября 1950 г. направили железнодорожным транспортом в Москву в Центральный государственный архив древних актов» в 1954 г.²

Еще раньше, 28 марта 1941 г., нарком внутренних дел Лаврентий Берия подписал постановление № 723 об организации Центрального государственного литературного архива на основе фондов литературного музея. После войны Костромской архив «поделится» с ЦГЛА девятью единицами хранения, составляющими собрание помещицы села Толстикова Буйского уезда поэтессы Юлии Валерьяновны Жадовской.

В 1949 г. фонды начальника Костромского гарнизона генерал-майора Дмитрия Петровича Парского и ветлужского предводителя дворянства Нила Петровича Колопанова были отправлены первый - в Москву, второй - в Горький. В 1952 г. Курганский областной архив вынул из Костромы фонд члена 2-й и 3-й

Государственных дум Николая Лукича Скалозубова, а Ленинград в 1958 г. - архив барона Нольде.

Мотивы передачи многих из названных фондов, на мой взгляд, были бесновательными. Документы ветлужского предводителя Колопанова отправили в архив Горьковской области, по территориальной принадлежности ушедшего из костромских владений в Нижегородские города Ветлуги, забыв, что Нил Петрович, кроме уездного, являлся еще и губернским деятелем, последние свои годы жил в селе Городище Костромского уезда и похоронен в Ипатьевском монастыре.

Впервые костромские архивисты проявили неоправданную расточительность или, может быть, неумение отстаивать собственные интересы в 1922 г. КНО готовило к опубликованию найденные в составе одного из фондов Губархина письма декабристов Сергея и Матвея Муравьевых-Апостолов. Но Главархив направил своего представителя в Кострому с миссией изъятия 47 бумаг XVIII в. товарища Астраханского губернатора Матвея Артамоновича Муравьева, 15 бумаг по делу о «присоединении к фамилии Муравьевых добавление Апостола», 307 писем на русском и французском языках 1799-1839 гг. от Муравьевых и других лиц и вместе с ними 5 писем писателя Сергея Тимофеевича Аксакова и письма генерала от инфантерии Михаила Дмитриевича Скобелева к генералу Петру Александровичу Черевину с пометой Ал(ександра) III³. Это было началом замены минимального вмешательства Центра в дела Губархина

на самое активное «циркулярное» руководство.

В 1921 г. Костромской губархив впервые взял на учет фонды советских учреждений, приняв некоторые из них на хранение. С этих пор произошло внутреннее разделение фондов на дореволюционный архив и архив Октябрьской революции. Два года спустя Е.Ф. Дюбюк получил предписание о выделении фондов или их частей, содержащих документы с секретной информацией, в политическую секцию. Предлагаемая работа, завершенная в 1924 г., опиралась на подробные инструкции, состоящие из списков комплексов типичных «секретных» документов бывших и существовавших губернских учреждений. Нельзя же было допускать к широкому кругу исследователей материалы о том, как делили старорежимную мебель и печатные машинки между собой советские учреждения в 1918 г.

Открытие политической секции по-

Архивохранилище № 3.

Бывшая Троицкая церковь по Широкому переулку. 1929 г.

Внутренний вид архивохранилища в 1928 году.

влекло за собой вынужденный уход Дюбюка: возрастающее требование беспрекословного подчинения коммунистической дисциплине всего архива, нацеленного на создание «краткого курса», не совпадало с индивидуальным взглядом первого руководителя на роль архива в исторической науке. Состав политической секции, позже названной секретным архивом, не был постоянным, а пополнялся, как из старых комплексов документов, так и из вновь поступающих, и во многом зависел от направления внутренней политики государства.

Вокруг национализации и муниципализации частной собственности разгорелись нешуточные страсти. Пресечь «раз и навсегда» притязания наследников прежних владельцев имущества оказалось совсем не трудно. В дополнение к циркулярам об уничтожении материальных архивов¹ Центрархив разъяснял: «Уничтожению подлежат наравне с но-

тарияльными архивами и соответствующие части архивов бывших окружных судов и судебных палат. Там, где уничтожение архивов еще не закончено физически, архивы эти рассматриваются как юридически не существующие. Выдача каких бы то ни было документов, копий и справок из дел и книг нотариальных архивов и соответствующих частей архивов бывших окружных судов и судебных палат, безусловно, воспрещается»². Попытка решения возникшей проблемы через уничтожение юридических документов оказалась средин известным грубым методом по укреплению позиций власти, таким, как фальсификация и др. Рука костромских архивистов не поднялась на объявленные вне закона документы, и политическая секция сохранила их для грядущих поколений.

Центр методично изыскивал новые источники комплектования для своих

архивов, разрушая привычные представления о неизыемости интеллектуальной собственности, о коллекционировании и т.д. Еще в 1919 г. постановление СНК отменило «все ограничительные для государства условия, на которых были переданы бывшими владельцами в публичные библиотеки и музеи рукописи, переписка и т.д. умерших писателей, художников, композиторов, ученых и других деятелей науки, литературы, искусства и общественной жизни, и объявило их собственностью государства с правом первого издания и правом представления для исследования с особого разрешения Наркомпроса»³, в ведении которого находились тогда архивы. За восемь лет, прошедших с тех пор до выхода нового циркуляра Центрального архивного управления «О сдаче архивных материалов учреждениями Главнауки и Наркомпроса органам Центрархива РСФСР» от 5 октября 1927

года, ситуация изменилась: архивы из ведения Наркомата просвещения были переданы Совету народных комиссаров, то есть получили равный с Наркомпросом статус. Это позволило включиться Центральным в ведомственную борьбу за раздел сфер влияния. На костромском уровне - Губархин устроил дележ документальных фондов с КНО.

Еще при увольнении из архива Дюбюк утаил ключи от одного из девяти архивных помещений, находившегося в здании музея КНО: для общества краеведов документы были необходимым условием для осуществления лекционной и публикационной работы, в то время как в архиве они лежали «мертвым материалом»⁹.

Но эта деталь не волновала представитель Губархина, так как считалось, что закон¹¹ на их стороне, а более гибкую его трактовку признавать не хотели. Ключи были отобраны, отношения испорчены даже с архивистами - членами КНО, которые старались не вмешиваться в административные передерги. В 1927 г. архив отказал музею предоставить документы ГУАК для датировки экспонатов, хотя фонд архивной комиссии хранился в помещениях музея.

В довершение конфликта архивным сотрудникам было поручено обследовать музей и научное общество во исполнение секретного циркуляра об изъятии документов учреждений, подведомственных Главнауке и Наркомпросу. «Шкафа с архивами не оказалось»¹², после чего пополнили слухи об уничтожении архива КНО заведующим окружным музеем В.И. Смирновым. При проверке выяснилось, что «Смирнов, будучи назначенным к увольнению с должности заведующего музеем, в присутствии служащих выразился, что, если его уволят со служб, то он свои труды лучше сожжет, но не оставит их никому, словом, поступит так, как поступил Гоголь с «Мертвыми душами»¹³. Василий Иванов своим поведением как бы иллюстрировал содержание третьего пункта вышеупомянутого распоряжения о «бывших людях, препятствовавших обследованию и передаче архива в ведение государственного учреждения, стремясь к отяжке и тормозу этой передаче»¹⁴, укрепляя тем самым уверенность в правоте циркулярного постановления. Мало кого трогала трагедия человека, посвятившего свою жизнь изучению Костромского края и удостоившегося в качестве «благодарности» звания «бывшего», ареста и ссылки.

Такие методы комплектования архива сравнимы с другими, более известными «крестовыми походами» в истории нашего государства. В их основе всегда лежали принуждение и нажим, сопротивляться которым практически было невозможно.

Документальные материалы Костромского научного общества, вокруг которых ломали копья архивисты и музейщики, составляют теперь содержимое фонда №838 в Костромском архиве и фондов Костромского историко-архитектурного музея-заповедника.

Очередным испытанием для целостности документального собрания Костромского архива стало проведение кампании по снабжению бумажной промышленности макулатурой. На сей раз ведомственным лидером был «объявлен» Госторг, который скупал через своих агентов архивные и делопроизводственные материалы учреждений на сырье для бумажных фабрик по цене несколько копеек за пуд. «Пользуясь спешностью кампании, некоторые лица умышленно кляли в кули с макулатурой делопроизводство по ревизии учреждений, по отчетности, [...] или сдавали материал, скрывая от архибюро факт сдачи»¹⁵.

С опозданием стало известно об уничтожении управлением Костромского территориального округа фондов карательной роты по охране артиллерийского склада, управления штаба частей особого назначения Костромской губернии (1921-1924), 122-го батальона особого назначения (1924), губвоенкомата, который содержал бумаги первого и второго костромских райвоенспортцентров, первого ратного участка, перевязочного отряда, военно-санитарного подотдела, команды выдворяющих, командного управления, губастей секретной и допризывной подготовки, губвещсклада и губконзаласа¹⁶. В Госторг были сданы архивы монастырей Галича и Больших Солей¹⁷. При таком положении дел легко могли попасть, и попали, в переработку ценные во всех отношениях материалы. Лес рубят, щепки летят? Или на щепки рубят лес? Существует негласное правило: совершение неразумных действий и бессмысленных поступков чревато наказанием. Полную картину потерь документов Костромским архивом уже не восстановить. Сомнительно или неосознанно факты утрат старались скрывать, оставляя как можно меньше документальных свидетельств. Но хранить тайны - тяжелое и бессмысленное занятие, требующее

слишком больших энергетических затрат. Кто знает, как много пройдет времени, чтобы высвободилось место для осмысленной, предприимчивой деятельности.

История государственного архива Костромской области, как и других существующих ныне учреждений, составляет отрасль большой науки - Историю. Как всякое явление, вероятно, она имеет свои границы и рамки, о которых, к счастью, никто из смертных пока не знает, и пока для исследователей в этом колоссале нет дня. Каждый документальный фонд и каждая его единица хранения таит в себе бездну возможностей для историков. Как символы своего времени они нуждаются в расшифровке, в то же время каждый документ несет знания в копилку истории своего создателя и, наконец, своего хранителя, т.е. архива.

Многих материалов теперь уже в хранилищах нет. Одни исчезли безвозвратно в пожарах и сырьевых переработках. Другие просто поменяли место хранения, перебравшись в центральные, ныне российские архивы, в архивы соседних областей, в Центр новейшей документации, бывший партийный архив, продлив тем самым свою жизнь, и в этом можно увидеть проведение. Но здесь сменится ночью, а старый век - новым тысячелетием, и это временное пространство удастся заключить в типовую девятиэтажку по адресу: ул. «Северной правды», 24.

Любовь ПОРОСЯТКОВСКАЯ.

1. Шленгер О. Закат Европы. М. «Искусство», 1993.
2. Библия. Четвертая книга Моисеева. Числа.
3. ГАКО. Р.34. Оп.3. Д.4. Л.2.
4. Поступила в 1949 и 1953 годах в Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА).
5. ГАКО. Р. 34. Оп.1. Д.246. Л.8.
6. Отчет КНО за 1922 год. Кострома. 1923. С.5.
7. Текст секретного циркуляра не найден.
8. ГАКО. Р. 34. Оп. 3. Д. 1. Л.19.
9. Систематическое собрание законов РСФСР. М. 1929. Т. 1. С. 341.
10. Отчет КНО за 1925 год. Кострома. 1926. С.8.
11. Имеется в виду закон о Едином государственном архивном фонде. (ЕГАФ).
12. ГАКО. Р. 34. Оп.3. Д.16. Л.18.
13. Там же. Л. 17.
14. Р. 34. Оп. 3. Д.13. Л.10.
15. Р. 34. Оп. 3. Д. 10. Л.18.
16. Р. 34. Оп. 3. Д. 26. Л.57.
17. Р. 34. Оп. 3. Д. 16. Л.18.

Ольга КИВОКУРЦЕВА

«ДА, ВЕЛИКИЕ СИЛЫ ТАЯТСЯ ЗДЕСЬ...»

Шестого июля 1885 года костромская ученая архивная комиссия вступила на тернистый путь служения миру костромской старины, получив напутствие самого директора Императорского археологического института Н.В. Калачова, сенатора и профессора.

За помощью и содействием только что созданное учреждение обратилось к местному духовенству, властям, учительству. Благодаря их уважаемой поддержке «Археологическая карта»¹ Костромской губернии заполнялась отметками о городищах, курганах, «панских могилах», об архивных и этнографических памятниках, церковных древностях.

Перед членами КГУАК открылись двери ведомственных и частных архивов. За счет подношений многочисленных радетелей старины стали складываться исторический архив, библиотека, музей. Было положено начало издательской деятельности, ежегодно проводились археологические изыскания.

Потребность осознать место края в общерусской истории привела к появлению особой темы в собирательстве и изысканиях - «Романовы и Костромской край». 26 августа 1897 года в музее комиссии открылся «Романовский отдел»².

Коллекции разрастались, возникла идея о строительстве специального здания для их хранения и экспонирования³. Комиссия не чувствовала себя изолированной ни от своих предшественников, ни от коллег в столицах и провинциях. В числе корреспондентов КГУАК была Российская академия наук, Императорские историческое, географическое, генеалогическое общества, археологическая ко-

миссия, редакции крупных журналов, Императорский Эрмитаж. Знаменитые российские ученые считали за честь быть ее почетными членами. Академик А.И. Соболевский, профес-

Председатель КГУАК Н. Н. Селифонтов (1891 - 1900).

сора С.Ф. Платонов и Н.В. Покровский принимали участие в подготовке и проведении 4 областного археологического съезда в 1909 г. в Костроме⁴. Число наиболее активных деятелей КГУАК не превышало двух десятков. Именно они работали в церковных библиотеках и архивах, составляли музейные каталоги, проводили археологические раскопки, рецензировали рукописи, выступали с докладами, переписывались с корреспондентами, совмещая общественные обязанности со службой, и даже привлекая свои собственные средства. Благодаря Н.Н. Селифонтову КГУ-

АК получила «Линевский архив», состоящий из 3 самостоятельных частей: «Линевского», «Лосевского», «Шевягинского» собраний. Государевы грамоты, частные письма, выводные записи, служилые и заемные кабалы XVI-XVIII вв. были разобраны, обработаны и опубликованы в сопровождении указателей, родословных схем, предисловий⁵. Столь же добротны были представленные общественности «Долматовский», «Шаховской», «Зиновьевский» архивы. Но особой гордостью Н.Н. Селифонтова был архив Большесольской посадской избы и ратуши. 5000 документальных памятников, размещившихся на полках исторического архива, отличались завидной полнотой, непохожей сохранностью и давали надежду на интересные исследования и неожиданные открытия по истории русского права. Поиски архивных источников проводились не только в губернских пределах. Сенатский архив присылал в Кострому законченные в делопроизводстве дела. В столичных архивах помощники КГУАК готовили копии грамот, писцовых и дзорных книг⁶. Еще на первом заседании комиссии профессор Н.В. Покровский настоятельно подчеркивал особое значение сохранения, описания и изучения церковных древностей. Монастырские библиотеки и архивы радовали местных историков удивительными находками. В 1887-1888 гг. И.В. Миловидов опубликовал рукописи Ипатьевского монастыря. Итогом работы И.К. Херсонского в Макарьево-Унженской обители стало описание древних богослужебных и поучительно-повествовательных книг, царских и патриарших грамот, хозяйственных документов⁷. Из-под пера

Группа членов IV Археологического съезда на крыльце Троицкого собора Ипатьевского монастыря. 1909 г.

П.А. Ильинского вышел исторический очерк «Луховская Тихонова пустынь Костромской губернии». И.В. Баженов занимался рукописями Богоявленского монастыря Костромы, И.Д. Преображенский - Богородице-Игрицкого. Церковным памятникам Поветлузя посвятил свои изыскания Д.П. Деметьев⁸. Монастырские ризницы хранили подлинное сокровище. В этом убедились участники 4 археологического съезда, познакомившись с выставкой, развернутой в Ипатьевском монастыре. Неудивительно, что сами священники обращались в комиссию за содействием в сохранении древних храмов, желали знать мнение ученых о ценности богослужебных предметов. Довольно быстро пополнялся экспонатом музейный отдел древностей. Это было безусловной заслугой Н.М. Бекаревича, И.Д. Преображенского, А.П. Поливанова и их помощников. Из-за недостатка средств раскопки проводились в близлежащих к Костроме местностях. Только знаменитое Богородское городище располагалось в дальнем Варнавинском уезде⁹. Археологи торопились: многие обиталища распахивались, разорялись кладонскаателями. За 5 лет с 1895 по 1899 гг. членами КГУАК было вскрыто и исследовано

более 800 курганов¹⁰. Работа проводилась по открытым листам Императорской археологической комиссии. Ежегодно КГУАК представляла в столицу дневники, отчеты и находки. Были установлены связи с антропологическим отделом исторического общества Московского университета, которое согласилось провести исследование обнаруженных при раскопках черепов¹¹. В 1901 г. на первом археологическом съезде в Ярославле внимание участников привлекла этнографическая коллекция костромичей. Костюм галичанки, головные уборы, ткани, кружева, вышивки, украшения и ларцы были лишь небольшой частью значительного собрания КГУАК¹². Благодаря программе, разосланной во все уезды губернии, были собраны описания обрядов, заговоров, причитаний, песни и сказки. Усердно занимались этнографическими исследованиями Н.Н. Виноградов и В.А. Андроников. Общими усилиями была сформирована библиотека КГУАК, основу которой составляли собрания Н.Н. Селифонтова и Грамотинных. Труды русских историков соседствовали с работами членов провинциальных комиссий, приобретались специальные издания по нумизматике, геральдике, палео-

графии и археологии. Особый раздел составляли старопечатные книги, юбилейные издания, карты. Благодаря КГУАК мир старины не исчез, не растворился во времени. Он стал основой новых собраний. А преданность членов первого в крае ученого союза призывала на многотрудное поприще новых хранителей, собирателей, исследователей.

1. Члены КГУАК и ее именитые наставники трактовали термин «археология» как «совокупность разнообразных сведений о памятниках древности». Энциклопедический словарь. Брокгауз Ф.А. Ефрон И.А. Т. 2. - СПб, 1890. - С. 246.

2. Отчет о деятельности КГУАК за 1897 год. // Журнал заседания Костромской губернской ученой архивной комиссии (далее Ж.з. КГУАК). 25 июня 1898 года // Отдельный оттиск (далее Отд.отт.). - С. 8.

3. Ж.з. КГУАК, 28 февраля 1903 года. Отд.отт. - С. 15.

4. Отчет о деятельности Костромской губернской ученой архивной комиссии за 1907 год. - Кострома, 1908. - С. 15-20.

5. Подробная опись 440 рукописям XVII, XVIII и начала XIX столетий Первого собрания «Линевского архива» с двумя приложениями. - СПб, 1892; Подробная опись 272 рукописям конца XVI до начала XIX столетий Второго (Шевлягинского) собрания «Линевского архива» с приложениями. - СПб, 1892; Подробная опись 142 рукописей XVII до начала XIX столетий Третьего (Лосевского) собрания «Линевского архива» с 8-ю приложениями. - СПб, 1893.

6. Государственный архив Костромской области (далее ГАКО). Ф. 179 Оп. 2. Д. 67, Л. 71-73 и др.

7. Описание старинных рукописей, хранящихся в архиве Макарьево-Угженинского монастыря Костромской губернии члена Костромской губернской ученой архивной комиссии И.К. Херсонского. - Кострома, 1887.

8. Костромская старина. Сборник. Выпуск третий. - Кострома, 1894; Выпуск четвертый. - Кострома, 1897.

9. Исследование Богородского городища Варнавинского уезда, произведенное членом комиссии А.П. Поливановым. // Костромская старина. Выпуск пятый // - Кострома, 1901. - С. 265-299.

10. Дневники раскопок курганов, произведенных членами комиссии в 1895-1899 гг. Н.М. Бекаревича // Костромская старина. Выпуск пятый // - Кострома, 1901. - С. 439.

11. ГАКО. Ф. 179. Оп. 2. Д. 65. Л. 53, 126.

12. Бекаревич Н.М. Об участии Костромской архивной комиссии на I областном съезде исследователей истории древности Ростово-Суздальской земли // Ж.з. КГУАК 25 ноября 1901 года // Отд.отт. - С. 24-25.

Предлагаемое вниманию читателя небольшое документальное повествование призвано рассказать о тружениках КГУАК, их соратниках и помощниках, о тех, кто спасал костромские древности, кто изучал, просвещал, опекал¹.

ВОДИТЕЛИ И НАСТАВНИКИ

Из речи директора Археологического института Н.В. Калачова.

6 июля 1885 года.

... Да, великие силы таятся здесь, как и в других краях нашего дорогого отечества, те силы, которыми, конечно, воспользуются наши потомки, если сохранят в своем сердце ту глубокую любовь, какую имели наши предки к своей родине, будут неустанно работать на общественную пользу. Но если эта будущность так увлекательна, то прошедшее не только в его многочисленных памятниках, но и самые следы его исчезают, можно сказать, на наших глазах, безвозвратно. Вам, милостивые/государь/, гораздо лучше, чем мне, это известно и от некоторых из вас я слышал, как забываются или меняются даже названия древних местностей и урочищ, как исчезают курганы и насыпи, теряются случайные находки древностей. Забываются предания и оставляются прежние, даже хорошие, обычаи. Если будем медлить еще далее, не заботясь о сохранности этих памятников старины, то ничто уже не спасет их. И потомство будет справедливо упрекать нас за нашу небрежность. Учреждаемая здесь ученая архивная комиссия начнет таким образом работу, которая так нужна для истории края и рядом с учреждением исторического архива устроит себе историческую библиотеку и музей...

Костромская ученая архивная комиссия. Журнал заседания (далее - Ж.з.) 6 июля 1885 года.
Отдельный оттиск (далее Отд.отт.)

Письмо И.Е. Забелина¹ А.И. Шипову².

16 апреля 1893 года.

Ваше Превосходительство, Милостивый Государь, Авдий Иванович!

Позвольте усерднейше просить Ваше Превосходительство засвидетельствовать перед Достоличимому Губернско-Ученому Архивному Комиссией мою глубочайшую сердечную благодарность за оказанную мне великую честь избранием меня в Почетные ея Члены в великий исторический день 14 марта³.

С чувством безграничной признательности за столь дорогое для меня внимание комиссии к моим посильным трудам приношу Вашему Превосходительству мои искреннейшие уверения в глубочайшем почтении и совершенной преданности.

Иван Забелин.

ГАКО. Ф. 179. Оп. 2. Д. 66. Л. 42. Подлинник.

Письмо графини П.С. Уваровой⁴ КГУАК.

19 апреля 1893 года.

Получив от сего 7 апреля за № 42 извещение об избрании моем почетным членом Костромской губернской архивной комиссии, считаю своею обязанностию передать всем господам членам комиссии и председателю выражение моей глубочайшей преданности за оказанную мне честь. Надеюсь своим посильным трудом в области археологии принести посильную пользу целям, преследуемым комиссией, прошу указать... не могу ли быть полезной комиссии доставлением ей трудов по археологии и каких именно.

Графиня Уварова.

ГАКО. Ф. 179. Оп. 2. Д. 66. Л. 44. Подлинник.

Письмо Н.В. Покровского⁵ А.И. Шипову.

7 мая 1893 года.

Приношу глубокую благодарность за ту высокую честь, которой удостоила меня Костромская Ученая Архивная Комиссия избравшим меня в число своих почетных членов. Хотя до сих пор обстоятельства не позволяли мне сделать многого для археологии Костромского края, но я счастлив уже тем, что вижу в этом родном крае достойных деятелей, которые делают честь русской археологии, археологии и истории и сердечно сочувствуют их успехам.

Примите, Милостивый Государь, уверение в совершенном почтении и преданности, с каковыми честь имею быть Вашего Превосходительства покорнейшим слугою Николай Покровский.

ГАКО. Ф. 179. Оп. 2. Д. 66. Л. 60-60 об. Подлинник.

¹ Тексты подготовлены в соответствии с "Правилами издания исторических документов в СССР". М. 1990. Несмысловые погрешности содержания устранены без оговорок, применены упрощенные заголовки, нерасшифрованные слова отмечены отточием.

ТРУЖЕННИКИ И ИХ ТРУДЫ

Письмо И.К. Херсонского В.Г. Пирогову.

7 февраля 1889 года.

"*Многоуважаемый Василий Геннадьевич!*

... Согласно письму Вашему посылаю в комиссию 37 копий рукописей Макарьевского монастыря при особом списке. Я, конечно, не думаю, чтобы все они были напечатаны комиссией. Покорнейше прошу выбрать наиболее пригодные по усмотрению Вашему и других членов, а лишнее со временем мне возвратить. В виду уничтожения пожаром архива Костромской консистории, по моему мнению, должны быть сохранены в церквях и монастырских архивах все бумаги, имеющие значение для истории и характеристики епархиального управления прошлого времени... Может быть, когда-нибудь в епархиальных ведомостях найдут нужным напечатать подобные документы... Выписи о церквях Ужвенской десятины... я не посылаю, в виду ее довольно значительного объема. Вместо я прилагаю грамоту 1671 года, в которой упоминается об атамане Илюшке из шайки Стеньки Разина, но я считаю долгом предупредить, что копия с этой грамоты послана мною М.И. Семевскому..."

С глубокой благодарностью имею честь возвратить Вам копию с инструкции для разбора архивных дел, с которой мною снята/сняты/ копия...

С истинным моим уважением к Вам и совершенною преданностью имею честь быть Вашим покорнейшим слугою Иван/И Херсонский".

ГАКО. Ф. 179. Оп. 2. Д. 67. Л. 17-18 об. Подлинник.

Из реферата Н.Н. Селифонтова о первом собрании "Линевского архива"

11 июня 1891 года.

... Настоящее собрание рукописей касается преимущественно местности нынешнего Плесского стана Нерехтского уезда разных селений, раскинутых на площади около 900 кв/адратных/ верст...

... В значительном большинстве свитков, составляющих преимущественный материал собрания, говорится очень много о местных вотчинниках и помещиках (начиная с начала XVII в/ека/) Титовых, Тихменевых, Мамалаховых, Никитиных, Павловых, Рубцовых, Иевлевых, Сухотных, Кучиных, Ерыковых, Исаковых, Шуваловых, Максимовых, Басаргиных, Строевых, Высоцких, Мальгиных, Ушаковых, Пустобояровых, Шениных, Стрешневых и князей Долгоруковых. Особенно много говорится о Титовых, родословная которых становится очень полною...

... Всех рукописей XVII и XVIII столетий 440. Они, как переходившие из одного рода в другой вместе с самими именами, имеют, без сомнения, все более или менее тесную внутреннюю между собою связь. Чтобы не разрушить этой связи, часто неудобной при первом исследовании рукописей, составитель настоящей описи образовал из них отдельное собрание, разделив его на тринадцать отделов..."

Ж.з. КГУАК 11 июня 1891 года. Отд.отт.

Из доклада Н.М. Бекаревича.

23 сентября 1898 года.

... Так самой ценной археологической находкой должен считаться погребальный горшок с остатками пищи. Еще в 1895 году при выемке глиняных горшков из курганов мы полагали, что ставились они в ногах древнего поселника нашего края с пищей. На что указывали уцелевшие на краях горшка остатки бересты, которой они и были, по всей вероятности, прикрыты...

... ныне же горшок был прикрыт не берестой, а половиной другого горшка, прикрывавшей довольно плотно содержимое его, почему нам и удалось ознакомиться с загробной пищей погребенного мерянина. Прежде всего приведем описание кургана целиком из дневника, веденного при наших работах: "курган близ деревни Исаева Гриндской волости Костромского уезда. Высота кургана 65 сант/метров/, диаметр - 2 м/етра/. Основание обложено большими валунами. Почва суглинистая. На глубине 50 сант/метров/, в западной/ части кургана обнаружен глиняный горшок с покрывшой. На глубине 95 сант/метров/ лежит значительно истлевший скелет в направлении с Запада/ на Восток/ лицом вверх, руки сложены на груди. Каких-либо других вещей при костяке не обнаружено. Горшок, найденный в этом кургане, из слабо обожженной глины, с примесью хряца, не разнобокий... своей формой он походит на обыкновенный русский кашлик, только с более широким отверстием, на наружной поверхности близ верхнего края по горшку проходят две параллельно вдавленные линии..."

... При тщательной препаровке содержимого горшка мы видели многие кости скелета щуки и яичные скорлупы. Итак, погребенному мерянину, жившему на берегу рыбной реки Покиши, была дана провизия на тот свет из местных произведений, да и яичная скорлупа могла принадлежать яичам диких уток, обильно водившихся на древней многоводной лесистой Покише..."

Ж.з. КГУАК 23 сентября 1898 года. Отд.отт.

Письмо Г.В. Юдина¹ КГУАК.

1 июня 1903 года.

"Окончив печатание двух томов "Материалов" для истории Чухломы, заключающих в себе переписи, дозорные и писцовые книги с 1615 (том 1) и ревизские сказки по 1858 год включительно (том 2), и, желая первый из них, относящийся сполна к XVII веку, посвятить Костромской Ученой Архивной Комиссии, имею честь покорнейше просить ее согласия."

Оба тома "Материалов", по соблюдении цензурных формальностей, будут высланы комиссии для библиотеки.

Член Комиссии, Потомственный Почетный Гражданин Г.В. Юдин".

ГАКО. Ф. 179. Оп. 2. Д. 65. Л. 61. Подлинник.

Зал Дворянского депутатского собрания. Перед первой публичной лекцией, устроенной КГУАК. 22 декабря 1896 г.

СОБИРАТЕЛЬ И ДАРИТЕЛЬ

Из отчета о деятельности КГУАК.

6 мая 1886 года.

...Комиссия обратилась к местным *отцам/благочинным* с просьбою уведомить ее: не хранятся ли при церквах и соборах, состоящих в заведывании каждого из них, старинных рукописей (грамот и проч/ее!) и дел, представляющих исторический интерес и, если таковые имеются, то к какому времени относятся оне и не может ли быть в обидных чертах указано их содержание. В ответе на эту просьбу уже получено несколько сообщений *отцов/благочинных*, и в некоторых из них содержатся указания на хранящиеся при церквах памятники древней письменности или списки с них, - между прочим на жалованную грамоту 1618 года/ Никольской церкви гор/ода/ Чухломы и челобитную Соловецкого монастыря царю Алексею Михайловичу, а также указание на одну надгробную надпись при церкви *села/ Соболева Буйского уезда*, относящуюся ко времени царя Алексея Михайловича.

Для музея, который со временем может устроиться при историческом архиве комиссии, доставлены: а) Е.И. Якушкиным - каменный топор, найденный несколько лет тому назад в Нерехтском уезде и б) ветлужским уездным исправником *господином/ Ильинским* - каменный молоток, старинный клинок, часть *азурита*^а и несколько больших костей и окаменелостей, найденных в Пыщужской, Николо-Шанской, Одоевской, Тониавской, Подгородной и Заречной волостях Ветлужского уезда...

Отчет о деятельности КГУАК. Отд. отд. // Костромские губернские ведомости (далее - КГВ). - 1886. - № 19.

Из отчета о деятельности КГУАК.

14 марта 1892 года.

...В только что основанный при архивной комиссии исторический архив вошло около 4-х тысяч экземпляров рукописей и дел...

...Более выдающиеся пожертвования в пользу комиссии были: 1) от председателя комиссии 440 рукописей с систематическою описью, изготовленную для печати, 2) от супруги губернатора Л.А. Калачовой 282 рукописи из села Есипьева Кинешемского уезда, 3) из архива помещиков Ермоловых 1000 рукописей (приобр/етены/ за весьма небольшое денежн/ое/ вознаграждение/), 4) от *господина/ Ерлькова* из его частного архива 1183 рукописи, 5) от члена архивной комис-

сии Д.П. Деметьева 283 рукописи, 6) из одного частного архива 535 экземпляров рукописей, доставленных в исторический архив комиссии членом делопроизводителем И.Д. Преображенским, 7) от почетного члена архивной комиссии П.В. Исакова 46 рукописей и 8) от члена архивной комиссии М.Д. Рябищева 60 рукописей...

...Положено начало библиотеки из нескольких десятков книг старинного письма (рукописных сборников) и старинной печати, не восходящих, впрочем, ранее XVII в/ека/ и сотен до двух книг и брошюр новых преимущественно, или трудов разных археологических обществ и архивных комиссий, или книг исторического содержания, в числе которых есть в библиотеке комиссии печатные труды членов комиссии: Н.О. Токмакова, В.К. Трутовского, А.А. Титова, А.В. Селиванова и И.В. Миловидова...

...В помещении архивной комиссии положено начало музея древностей или пожертвованных архивной комиссией разными лицами, или присланных ей Императорской археологической комиссией, причем самый численный отдел вновь основанного музея составляет коллекция старинных серебряных и медных монет, Из древнейших вещей в музее есть небольшое количество орудий каменного века, как палеолитического, так и неолитического периодов, доставленных в комиссию разными жертвователями. В числе древних предметов местного производства в музее архивной комиссии имеется пожертвованная супругою бывшего губернатора Л.А. Калачовою часть старинного золотого золотого убора, найденная в земле в Кичинском уезде около села Есиплева...

...Альбом фотографических снимков с церковных древностей Костромской губернии, в количестве 53 экземпляров, пожертвован архивной комиссией членом ее костромским фотографом А.Ф. Шмидтом".

Ж.з. КГУАК 14 марта 1892 года. Отд.отт.

Письмо председателя КГУАК священнику церкви села Семеновского Нерехтского уезда отцу В.П. Орнатскому. Июнь 1893 года.

"Ваше Преподобие, Милостивый Государь, Василий Петрович.

Доставленную Вами мне рукопись под заглавием "История г. Нерехты" - сочинение/ отца протоиерея М. Диева я представляю в Костромскую губернскую/ ученую архивную комиссию в ее полное распоряжение.

Хотя означенное сочинение покойного протоиерея М. Диева под заглавием "История г./Нерехты/" и было напечатано, тем не менее * рукопись Ваша имеет весьма важное археологическое значение, так как она вся правлена рукою автора и представляет, таким образом, документальный его автограф.

Совет комиссии поручил мне выразить Вам свою искреннюю благодарность за сделанное Вами пожертвование.

Председатель/ комиссий "

Член делопроизводитель/ель/..."

ГАКО. Ф. 179. Оп. 2. Д. 66, Л.76-77. Черновик.

Из доклада А.Н. Рождественского "Краткие заметки о каменном веке и о находках, хранящихся в музее КГУАК". 6 октября 1899 года.

...Но самая полная коллекция... это коллекция, доставленная г/осподином/ Поливановым, и собранная им при раскопках у Богородского городища в Варнавинском уезде. В ней мы имеем разнообразные предметы из быта человека этого периода. Здесь есть и обломки кремня, как остаток при выделке орудия. Есть скребок из сланца. Кости животных, имеющиеся в этой коллекции, показывают, что человек, живший у Богородского городища, употреблял в пищу мясо медведей, кабанов, оленей, грызунов, ловил и употреблял в пищу рыбу, о чем свидетельствуют находящиеся в коллекциях рыбы позвонки. В коллекциях г/осподина/ Поливанова есть просверленные зубы зверей, они могли служить для украшения. Дырочки на зубах служили для нашивания их на ремешок. Один небольшой и острый зуб с отверстием мог служить иголкой для шивания звериных шкур для одежды /с/ помощью ремней вместо шток. Есть в коллекции и костяная игла - это тоненькая, верхка в 1 1/2, кость, заостренная на одном конце и с отверстием на другом. Есть также кости верхка в два заостренные и служившие, по-видимому, наконечниками стрел. Много черепков грубой глиняной посуды. Эта посуда по краям имела украшения из точек и черточек. В упоминаемой нами коллекции есть один предмет, назначение которого трудно угадать: это глиняный кружок с старым пятком величиной, с отверстием в середине и с точками в качестве украшения..."

Ж.з. КГУАК 6 октября 1899 года. Отд.отт.

Из доклада Н.Н. Селифонтова. 8 сентября 1900 года.

...Значение Великопольского архива как материала для бытовой истории местного края (среднего Приволжья), а равно и как материал для истории вообще Русского права - вне всякого сомнения...

...Во-первых, он более других доступен для разбора, описания и издания...

...Во-вторых, архив этот отличается своею цельностью. Сначала, а именно с 16-го века, это был архив Большой-польской земской избы, а с времени Петра Великого — местной посадской ратуши, куда он и был, надо полагать, передан весь без раздробления...

...В-третьих, все акты сгруппированы около одной местности, отчего они гораздо нагляднее показывают всю

* Далее со слов «тем не менее» зачеркнуто автором.

** Подписи отсутствуют.

систему самоуправления некоторых общин и отношения этого самоуправления сначала к волостелю с их тшучами, затем к воеводам, и в данном случае, то к костромским, то к специальным за некоторые годы великосольским воеводам и далее к московским приказам, к властям Горького монастыря и Петровским магистратам и коллегиям...

...Описание Великосольского архива по важности и по цельности, и по ценности заключающихся в нем документов, должно быть, очевидно, самое полное и тщательное с полною транскрипцией текстов всех актов, состоявшихся до 1613 года...

...К описанию следует приложить азбучные указатели именные лицам и предметам, в описи упоминаемым, а также указатель географический и, буде окажется нужным, частные списки, например, местных воевод, губных старост, земских посадских старост...

Ж.з. КГУАК 8 сентября 1900 года. Отд.отт.

Сообщение И.А. Молчанова о библиотеке Граматиных.

4 апреля 1902 года.

"Совет комиссии в заседании 10 сего марта постановил поручить мне принять библиотеку, пожертвованную действительным/ статским/ советником Николаем Платоновичем Граматиным.

14 марта я отправился в имение господина/ Граматина и там, получив от управляющего имением разрешение, заехал в течение 15 и 16 чисел все имеющиеся книги, которых оказалось 1633 книги. Шкафы, в которых хранились книги, тоже перевезены в комиссию, всех возов было восемь.

Исполнив, по возможности, возложенное на меня поручение, покорнейше прошу совет комиссии принять от меня приведенные мною книги и шкафы, при этом осмеливаюсь доложить, что громадную услугу в этом деле мне сделал командированный чиновник губернской управы Абрам Иоасафович Русаков...

Действительный член комиссии Иван Молчанов".

ГАКО. Ф. 179. Оп. 2. Д. 65 а. Л. 220. Подлинник.

ПОМОЩНИКИ И ПОМОЩДАТЕЛИ

Отношение отдела антропологии исследовательского общества Московского университета КГУАК о проведении совместных исследований.

28 апреля 1893 года.

"На отношение Костромской ученой архивной комиссии за № 45 Отдел антропологии Императорского Московского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии имеет честь известить, что он охотно примет на себя изучение тех черепов, которые были найдены при раскопках курганов летом прошлого 1892 года в Костромском уезде. При этом отдел просит дать подробные сведения о местонахождении курганов, о глубине, на которой были выкопаны черепа, способе/ погребения, предметах и всей обстановке, окружающей скелеты.

Кроме того, Отдел антропологии просит известить, должны ли эти черепа быть возвращены обратно в комиссию или же они могут быть приобщены к собраниям отдела, хранящихся при антропологическом музее.

Секретарь отдела Н. Гильченко".

ГАКО. Ф. 179. Оп. 2. Д. 66. Л. 53. Подлинник.

Отношение Галичского уездного исправника о препровождении КГУАК зуба и кости мамонта.

20 июня 1895 года.

"Имею честь препроводить при этом в архивную комиссию зуб и кость мамонта, найденные в реке Нолы Галичского уезда, и клык, найденный в реке Кострома Буйского уезда.

Уездный исправник Чистяков".

ГАКО. Ф. 179. Оп. 2. Д. 66. Л. 300. Подлинник.

Из журнала заседаний КГУАК.

13 декабря 1902 года.

"...Должено письмо учительницы Жуковского народного училища о желании ей послытно помочь комиссии собираньем этнографического материала, для чего она просит выслать руководящую программу.

Постановили: просить В.А. Андроникова снестись с учительницей Жуковского училища по предмету собиранья этнографических материалов..."

Ж.з. КГУАК 13 декабря 1902 года. Отд.отт.

Отношение священника церкви с. Спас-Вежи КГУАК о сохранении древней деревянной колокольни.

15 декабря 1903 года.

"Прихожане моего прихода намерены/ устроить каменную колокольню в селе Спас вместо древней осьмизанной деревянной колокольни, ... между тем как по древности и устройству вместе с церковью она заслуживает особенно-

го интереса в археологическом отношении как памятник древности.

Посему имею честь довести о сем Костромской ученой архивной комиссии: не найдет ли нужным комиссия сделать с колокольни и церкви фотографический снимок как памятника древности и свое мнение о ломке.

Священник Сосипатр Добровольский".

ГАКО. Ф. 179. Оп. 2. Д. 65 а. Л. 21-21 об. Подлинник.

ПОПЕЧИТЕЛИ И ПОКРОВИТЕЛИ

Из речи губернатора В. В. Калачова на заседании КГУАК.

14 марта 1891 года.

"...В настоящее время настает, по-видимому, лучшая пора для деятельности архивной комиссии. Костромское дворянство по ходатайству господина/ губернского предводителя уступает в дворянском доме удобное помещение, земство назначило ежегодную субсидию, председателем комиссии, по всей вероятности, не откажется быть такой знаток и любитель старины как член комиссии, сенатор, действительный тайный советник Николай Николаевич Селифонтов, обязательно сообщивший мне весьма широкую программу для дальнейшей деятельности комиссии..."

Ж.з. КГУАК 14 марта 1891 года. Отд. отд.

Выписка из журналов заседаний Комитета министров 4 и 18 февраля 1897 года.

18 февраля 1897 года.

"...Комитет полагал: испросить Высочайшее Его Императорского Величества соизволение на:

1) Образование при Костромской ученой архивной комиссии особого Романовского отдела для собрания и хранения сведений о предках родоначальника ныне благополучно царствующего дома царя Михаила Федоровича.

2) Предоставление уполномоченному от названной комиссии права доступа для обозрения соответствующих документов и снятий с оных копий в архивы: Государственного Совета, Комитета министров, его императорского величества канцелярии по учреждениям императрицы Марии, министерства: императорского двора и уделов, иностранных дел, военного, морского, внутренних дел, путей сообщения, народного просвещения, финансов, земледелия, государственных имуществ и юстиции, государственного контроля и духовного ведомства православного исповедания...

3) Предоставление председателю поименованной комиссии права обращаться с приглашением к частным лицам, доставлять в комиссию документы, записки и прочее, касающиеся предков родоначальника царствующего дома царя Михаила Федоровича.

Государь император в 15 день февраля 1897 года на сие высочайше соизволил...

Управляющий делами Комитета, статс-секретарь А. Куломзин".

ГАКО. Ф. 179. Оп. 2. Д. 74. Л. 109 об.-110. Заверенная копия.

Из журнала заседания КГУАК.

24 мая 1908 года.

"Слушали..."

...2) доклад правителя дел комиссии о том, что в 1896 году от господина Юдина поступило на нужды комиссии 500 р.; в 1906 году деньгами 800 р. и книгами на 2400 р., и в текущем 1908 году на постройку собственного здания Романовского музея 10000 рублей. По всестороннем обсуждении этого вопроса члены комиссии

Постановили: почтительнейше просить Господина Непременного попечителя архивной комиссии, в интересах дела, которому служит комиссия, и по вниманию в особенности к патриотическому усердию Господина Юдина, выразившемуся в его последнем пожертвовании, ходатайствовать пред Высшею властью об удостоении господина Юдина дальнейшей Высочайшей награды..."

Ж.з. КГУАК 24 мая 1908 года. Отд. отд.

1. Забелин И.Е. (1820 - 1908) - русский историк, археолог, бытописатель г.Москвы, один из организаторов Государственного исторического музея.

2. Шпнов А.И. - в 1893 году тайный советник, костромской губернский предводитель дворянства, почетный член КГУАК.

3. 14 марта 1613 года в Ипатьевском

монастыре был благословлен на российский престол Михаил Федорович Романов.

4. Уварова П.С. (1840 - 1924) - графиня, археолог, председатель Московского археологического общества, организатор Всероссийских археологических съездов.

5. Покровский Н.В. (1848 - 1917) - про-

фессор, директор Археологического института (с 1898 года).

6. Семевский М.И. (1837 - 1892) - общественный деятель, писатель, редактор журнала «Русская старина».

7. Юдин Г.В. (1840 - 1912) - библиофил, издатель, почетный член КГУАК.

8. Аэролит - т.е. метеорит.

Татьяна ВОЙТЮК (ЙЕНСЕН)

«Мы, подмастерья науки...»

За время своего существования с 1912 по 1929 гг. КНОМИК предприняло издание целой серии анкет и программ. Первая по времени в этом ряду программа «Предварительные указания к изучению Костромской губернии» давала лишь общее направление для сбора информации. Один из разделов программы

содержал указания о сборе сведений и предметов, относящихся к быту населения: «Опишите суеверные и лечебные, свадебные, при рождении ребенка, погребальные обряды и другие народные обычаи и игры, перечислите средства, употребляемые в народной медицине и их применение, представления народа о небе и небесных явлениях... Особенности местных воззрений религиозного характера. Раскол и секты. Отличия быта. Этические понятия народа и особенности нравов». Сведения, собранные по программе, печатались в Трудях КНОИМК¹.

Позднее общество собирало сведения и материалы другим путем - путем распространения конкретно разработанных программ, многие из которых имели форму анкеты. Таким образом были собраны материалы по анкетам «О влиянии войны на жизнь местного края»², «Как у вас строятся избы и дворы»³, «Культ и народное сельское хозяйство»⁴, «Программа по изучению народной космографии»⁵, «Вопросы для изучения быта домашнего скота»⁶, «Программа для соби-

рания сведений по гончарному производству»⁷, «Программа по сбору сведений об орудиях земледельческого труда»⁸, «О пьянстве и хулиганстве в деревне»⁹.

Собранные по анкетам и программам материалы хранились в архиве Этнографической станции при КНО-

двух, представляющих для данной темы значительный интерес, - «Анкеты по вопросу о влиянии войны на жизнь местного края» и анкеты «Культ и народное сельское хозяйство».

«Анкета по вопросу о влиянии войны на жизнь местного края» была предпринята научным обществом в

Члены КНО, сотрудники музея местного края. В центре председатель общества В. И. Смирнов. 1920-е годы.

конце 1914 г., в начале следующего года, отпечатана в виде небольшой тетради, в которой рядом с вопросом предусмотрено было и место для ответов. В предисловии к анкете общество изложило цели ее издания: «...Уже и теперь, на исходе четвертого месяца войны, заметны изменения в строе народного хозяйства, уже и теперь формируется в народном сознании какая-то новая психика. Важно проследить эти ростки и зародыши какой-то новой эпохи, надвигающейся на Россию, - эпохи,

ИМК. После разгрома краеведческого движения и ссылки многих его членов часть архива была утрачена. В настоящее время сохранившаяся часть архива Этнографической станции хранится в Костромском историко-архитектурном музее-заповеднике¹⁰. Часть материалов станции попала на хранение в ГАКО¹¹, отдельные материалы - в Государственный музей этнографии¹².

Комплексы ответов на отдельные анкеты, полученные КНОИМК, частично сохранились, что дает возможность первичной обработки этих материалов и применения к ним статистических методов. Из перечисленных выше анкет остановимся подробнее на

наступление которой хотя и смутно ощущается всеми... В этой книге рядом с холодными бесстрастными наблюдениями должны быть влетены страницы народных чаяний, в ней должны быть запечатлены заветные чувства и думы народа. Для такой истории, создавать которую будут труды целых поколений, необходимо сейчас же, не откладывая ни дня, ни часа, собирать нужный сырой материал»¹³. Эти цели логично вытекали из общей направленности краеведческого движения, стремившегося успеть собрать и зафиксировать как можно больше. «Мы подмастерья науки...», - считал талантливый и неутомимый председатель КНОИМК В.И. Смирнов. Одна-

ко это несколько не мешало писать самим краеведам талантливые научные работы по истории, археологии, антропологии, экономике края.

Анкета издавалась под грифом КНОИМК и имела следующий формуляр:

- уезд, волость, селение, к которым относится наблюдение;
- имя, отчество и фамилия корреспондента;
- звание и род занятий корреспондента;
- подробный почтовый адрес.

93 вопроса анкеты были разбиты на 6 разделов.

1. Что сделало местное население для обеспечения призванных на войну и их семей - 28 вопросов раздела касались помощи сельских обществ, волостей, фабрик, заводов и других промышленных заведений.

2. Что сделало местное население в деле помощи раненым - 4 вопроса.

3. Местное население и пленные - 6 вопросов, касающиеся отношения местного населения к пленным, к «чужим», «виноватым в войне».

4. Отношение населения к войне - 5 вопросов, охватывающих весьма широкий круг явлений: что думали и говорили в народе о войне, усиление интереса к газетам, солдатские письма и отношение к ним деревни, песни, частушки и пословицы о войне, случаи добровольного ухода на войну.

5. Прекращение казенной продажи пшеницы - 16 вопросов об отношении крестьянства к этому явлению и влиянию его на жизнь деревни.

6. Влияние войны на экономическую жизнь деревни - 34 вопроса.

Правление КНОИМК просило сообразить и о том, возможно ли публиковать присылаемые ответы. Значительная часть анкеты была разослана при «Известиях» Агрономического отдела губернского земства агрономическому персоналу, земским гласным, волостным правлениям, народным библиотекам, страховым агентам - всего около 1700 экземпляров¹⁴. Другая часть - 1200 экземпляров - вместе с «Епархиальными ведомостями» предназначалась сельскому духовенству, 300 экземпляров - учителям Костромского уезда и столько

же членам КНОИМК во всей губернии. Всего, таким образом, было распространено около 3500 анкет, из которых заполненными вернулись в научное общество только 276 анкет, причем наименьшее количество анкет дали уезды, где был сильнее развит отхожий промысел. Большая часть ответов была получена от крестьянства - 121 анкета (44%); лица духовного сословия - 82 анкеты (30%); учителя - 21 анкета, все остальные принадлежали лицам разных сословий и профессий.

В мае 1915 г., сразу после получения последних анкет, КНОИМК предприняло обработку анкетных данных, результатом которых стал специальный сборник «Костромская деревня в первые годы войны»¹⁵, в котором были опубликованы очерки и статьи А.Языкова «Общественная помощь призванным и их семьям»¹⁶, Л.Захаровой «О влиянии трезвости на жизнь деревни Костромской губернии»¹⁷, Е.Дюбюка «Экономическое положение деревни осенью 1914 и зимой 1914-15 гг.»¹⁸, В.Смирнова «Отношение деревни к войне»¹⁹. Отдельно в качестве приложения был опубликован полностью один из ответов на анкету, данный псаломщиком с. Спас Красная Гора Макарьевского уезда А. Виноградовым²⁰. Таким образом, КНОИМК сразу же провело первичную обработку анкет. Исследователь в этом конкретном случае имеет возможность обратиться и к печатным трудам, и к первоисточнику - анкетам, сохранившимся в фонде Этнографической станции.

Для того, чтобы раскрыть историческую ценность этого источника, по природе своей имеющего статистический характер, остановимся лишь на одном разделе - «Об отношении деревни к войне». Ответы на вопросы этого раздела были обработаны В.И. Смирновым, сгруппированы по темам и опубликованы в сборнике с небольшими комментариями автора. Они свидетельствуют о том, что первая мировая война «вскрыла» настроения крестьянства, его думы, чаяния, надежды на будущее. Она, как лакумовая бумага, выявила те скрытые внутренние изменения, которые про-

исходили в общественном сознании крестьянства.

Для русского крестьянина война была неожиданностью. «Объявление войны и мобилизации 17 июля 1914 г. последовало для нашего населения неожиданно. Не читая газет ранее, простой народ совершенно не знал о политическом состоянии Австрии, Германии и России. В народе хотя и ходили слухи о готовящейся войне, но они были нелепы и основывались главным образом на суверенных приметах и предрассудках» (волостной писарь, Варнавинский уезд)²¹. Война встрянула русскую деревню, в определенной степени политизировала ее, поставив перед крестьянством новые вопросы. Ответы на анкету говорят о том, что деревня пыталась понять причины войны, следствием чего явилось обострение отношений и неприятие «русских» немцев, живших в селах и деревнях. Многие порицали немцев как виновников войны, жалели, что «врагов-немцев согрели на груди и поздно догадались» (крестьянин фабричного села Нерехтского уезда, священник Нерехтского уезда)²². «Крестьяне сознают необходимость войны, чтобы избавиться от немецкого засилья, и очень были бы рады, чтобы земля в России была отобрана у немцев, как нужные для русских, а немцы были бы выслены из нашего отечества» (псаломщик А.Полягаев, Нерехтский уезд)²³. Некоторые крестьяне думали, что войну «накликали забастовками». Анкета отмечает подъем патриотизма в деревне и случаи отправки крестьян добровольцами на фронт. «Случаев ухода в добровольцы, - пишет крестьянин Нерехтского уезда А.Чупаев, - было два. И слухат хорошо, и искренне рвутся в бой. Добровольцы - ребята здоровые, развитые, и если бы таких добровольцев было много, то думаю, что это человек добровольцев могут заменить и больше сделать пользы войне, чем триста человек ратников»²⁴.

Многие корреспонденты отмечали пробуждение в деревне гражданской ответственности и активизацию общественной жизни. «Вместо домашних будничных дряг поднялся интерес к общественности, самосознанию. Все ог-

У ратных землянок. 1914 - 1917 гг.

лядываются назад и говорят: «...после японской войны в какие-нибудь 8 лет и не узнаешь нашу деревню, так она изменилась к лучшему» (священник Ветлужского уезда)²⁵.

Война вызвала прилив религиозного чувства в народе. Почти все корреспонденты отмечали, что «видна в народе горячая молитва к Богу», «более стали усердствовать Богу и делать милосердия», «Переполнены храмы Божии народом», - писал крестьянин Нерехтского уезда В.Мамонтов, - и молят Бога о победе нашим войскам»²⁶.

Материал анкет со всей достоверностью свидетельствует, что крестьянство надеялось в войне прежде всего на Бога и Царя. «Немцы как ни злы и ни хитры, но при помощи Бога наши дорогие мученики, серые солдатики, с таким главнокомандующим, как Николай Николаевич, разобьют всех врагов в пух и прах и защитят свою Родину грудью» (крестьянин П.Кузнецов, Кинешемский уезд)²⁷.

Что думала деревня о будущем, на что надеялась? Большинство корреспондентов писало, что живут настоящим, ожидая кормильцев с войны. Некоторые, однако, очень конкретно определяли, что в награду за все понесенные жертвы крестьянство ожидало прибавки земли, сложения налогов, переустройства многих порядков и все свои надежды связывало с окончанием войны. «Думают, что наделят пашней, которой у кого нет» (И.Зем-

сков, Нерехтский уезд)²⁸. «Крестьяне надеются, что после войны им дадут больше прав, сложат налоги» (крестьянин Н.Николаев, Костромской уезд)²⁹.

«Думают и говорят, что крестьянам поможет правительство выбраться из общины и разъехаться на хутора. Тогда жить бы стало лучше, стал бы каждый работать пашни по своему усмотрению и не стал бы зависеть от общины» (И.Нуждин, Костромской уезд)³⁰. Некоторые ответы свидетельствуют и о том, что деревня после войны ожидала реформ в области самоуправления, народного образования, «уравнения в правах с другими сословиями».

Ответы на анкету подчеркивают, что грамотность становится одним из главных ценностных ориентиров крестьянства. Оно надеялось, что после войны «улучшат быт крестьянства разного рода просветительскими», «кажда грамотности и просвещения усилится» (крестьянин Ф.Вятюков, Ветлужский уезд; крестьянин И.Зимин, Кинешемский уезд)³¹. Война вызвала в деревне необычайный интерес к газетам и спрос на них. Газетами стали интересоваться не только грамотные крестьяне, но, как сообщал фельдшер П.Малинов из Кологривского уезда, «даже есть такие, что сами неграмотные и газету выписывают для грамотного соседа». Почти все корреспонденты отмечали тот факт, что с базаров крестьяне непре-

менно вели газеты и картинки о войне.

«До войны, - писал крестьянин М.Соловьев из Ветлужского уезда, - никто из крестьян не выписывал, а теперь выписывают человек 40 или больше». Священник К.Рязановский из Галичского уезда сообщал: «Из 180 домов в приходе выписывают 20, чего раньше не было». «Чуть ли не половина населения выписывает газету», - крестьянин И.Смирнов из Галичского уезда³².

Нередко крестьяне выписывали газету вкладчину, «сообщая». На этот факт указывали 24 корреспондента. Один из них писал: «В деревне Большое Андрейково всей деревней на деньги за неподходящие к разделу княвня, на деньги, что шли она пропив», выписывают газету «Курьер»³³.

Однако число читающих газеты было значительно больше, так как многие крестьяне брали у тех, кто их выписывал постоянно - у учителей, священников, помещиков. Крестьяне, по свидетельствам анкет, активно обменивались впечатлениями о прочитанном (нередко передавая факты в искаженном виде). Деревня, по собственному признанию, мало разбираясь в направлении газет: «различия в газетах крестьяне почти не имеют... нам трудно разобраться, которая газета говорит правду, которая врет» (крестьянин И.Маслов, Макарьевский уезд). Ценили более столичные газеты, так как они очень подробно описывали военные действия. Однако, «не разбираясь в направлениях газет», отдельные крестьяне указывали, что «Русскому слову» не очень верят, потому что тут Михайловский де очень придумывает», «читают его все потому, что все хотят победу, о которой он во всех нумерах пишет» (крестьяне Н.Николаев, А.Зимин, Костромской уезд)³⁴.

Сотрудники Костромского научно-общества подчитали случаи выписки столичных и местных газет. Согласно анкете они располагаются в следующем порядке:

• «Биржевые ведомости» - 63 указаний;

• «Сельский вестник» - 51 указание;

- «Копейка» - 34 указания;
- «Современное слово» - 21 указание;
- «Раннее утро» - 18 указаний;
- «Петроград» (Всеобщая малая газета) - 18 указаний;
- «Русское чтение» - 17 указаний;
- «Утро России» - 14 указаний;
- «Волгарь»;
- «Петроградский листок» - 11 указаний;
- «Русские ведомости» - 8 указаний.

Гораздо реже встречались в анкетах указания на случаи выписки местных газет - «Поволжского вестника», «Курьера»; единичные - на «Колокол», «Торгово-промышленную палату», «Петроградские ведомости», «Воскресное чтение».

Интересен тот факт, что первоначальный бурный интерес к газетам и вера в печатное слово со временем уступили место рассказам очевидцев и письмам: «Газеты перво-наперво шли нарасхват, но в настоящее время никто не стал газетам и верить, потому что газеты ничего не пишут правды» (крестьянин Д.Кедров, Кинешемский уезд); «Газеты газетам верят по случаю белых пятен» (крестьянин Варнавинского уезда); «крестьяне больше верят письмам и рассказам возвратившихся с войны» (священник А.Пасмынов, Нерехтский уезд)¹⁵.

Деревня «в результате войны» стала знакомиться с географией, экономикой, международным правом и историей.

Безусловный интерес для данной темы представляют и другие разделы анкеты: «Местное население и пленные», «Общественная помощь призванным и их семьям», «О влиянии трезвости на жизнь русской деревни». В сборнике (в качестве приложения и в текстах) опубликованы также извлеченные из анкет частушки, анекдоты, стихи, рассказы, рожденные крестьянством во время войны.

Материалы анкеты показывают, что в крестьянстве сформировался целый слой, с интересом следящий за политической и общественной жизнью страны.

Дадим общую характеристику еще одной анкете - «Культе и народное сельское хозяйство», которая не

была опубликована в печатных трудах общества, хотя, как свидетельствуют документы КНОИМК, в 1924 г. сотрудники станции обрабатывали полученные материалы и готовили их к печати. Извлечения из ответов на эту анкету, касающихся быта домашнего скота, были опубликованы в качестве приложения к очеркам А.Ф. Журавлева «Домашний скот в поверьях и магии восточных славян» в 1994 г.¹⁶

Анкета «Культе и народное сельское хозяйство» была разработана КНОИМК в 1922 г. под патронажем Центрального Бюро Краеведения Российской Академии Наук (Петроград) и по постановлению Совета Народных Комиссаров от 26 декабря 1922 г. подлежала бесплатной пересылке, что увеличивало шансы получения большого объема анкет. КНОИМК ставило целью сплошное одновременное обследование территории Костромского края в 1923 г.

8 тысяч анкет было разослано во все уезды губернии, из которых заполненными в общество вернулось 1592 экземпляра, что составило 20%. Основное количество ответов, как и в пре-

дыдущем случае, было получено от крестьян, далее по убывающей шли священники, учителя и лица других сословий. В анкете указывался точный адрес (название селения, волость, уезд, сведения о корреспонденте). Анкета включает 31 пункт, каждый из которых состоит из нескольких объединенных общей тематикой вопросов, и в целом дает представление обо всех сторонах хозяйственной жизни крестьянства, связанных с ней верованиях, обрядах, приметах, заговорах, об отношении крестьянства к земле и труду. По сути анкета фиксировала более ранние традиции хозяйственной деятельности и устойчивое бытование их в 1920-е гг. Смена хозяйственной традиции, ломка всей традиционной крестьянской культуры, обусловленные этими процессами изменения в общественном сознании крестьянства, происходившие позднее, в годы коллективизации, логически подводят черту под тем явлением, которое мы называем менталитетом русского крестьянства.

В настоящее время материалы анкеты хранятся в двух костромских хранилищах - ГАКО и КИАМЗ. В Го-

Полевая церковь близ позиций (под обстрелом), 1916 г.

сударственному архиве Костромской области до пожара 1982 г. хранились 54 дела, содержащие около 300 ответов на анкету, присланных из 51 волости Костромского, Кологривского, Галичского и Чухломского уездов¹⁷. Это типографские бланки большого формата, заполненные рукописным текстом. После пожара было обнаружено и описано 34 дела, в которых содержится около 100 ответов. Прибли-

тельно 1000 ответов на анкету (339 ед.хр.) находится в архиве Этнографической станции и хранится в Костромском музее-заповеднике. Эти материалы относятся к Нерехтскому, Буйскому, Галичскому, Солигаличскому, Варнавинскому, Костромскому, Чухломскому уездам. Отсутствуют материалы Макарьевского, Ветлужского, Кишелевского и Юрьевецкого уездов. Таким образом, материалы анкеты охватывают две трети губернии и сохранность ее (1100 ответов из 1592 полученных КНОИМК в 1923 г.) достаточно высокая.

Анкета дает представление о роли крестьянской общины в сохранении культурных сельскохозяйственных традиций: проведение общественных молебнов (о дожде в засуху, о ведре в ненастье, об избавлении от червей и падежа скота и т. д.). На вопрос о том, помогают ли молебны, почти все корреспонденты ответили, что помогают, но молодежи относится к молебнам по-разному (верят и не верят в их силу). Отдельные анкеты сохранили записанные крестьянами народные молитвы и обряды перед началом пашни или сева, гадания об урожае хлебов, трав, приплода скота в Новый год и Семенин день, приметы погоды и урожая на разные дни, связанные с праздниками. Анкета даст исследователю

возможность соотнести официальную структуру сельского быта и наиболее распространенные неформальные группы крестьян, так называемые пучки и братчины. В Костромской губернии наиболее распространена была Никольщина (Микольщина), которая, как писали крестьяне, велась у них испокон веку и справлялась не каждый год, а по мере надобности, когда скотина околевала и т.п. - да-

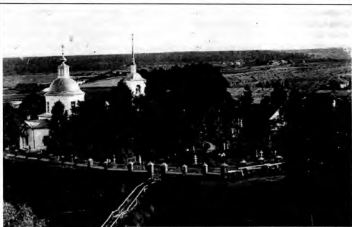
обряд сам по себе уже выражает религиозную потребность.

В этой связи встает вопрос о том, правомерно ли видеть в соотнесении основных этапов сельскохозяйственных работ (и в целом календарной обрядности крестьянства) с православным церковным календарем только механическое соединение в сознании народа древних магических действий и языческих пережитков с христианской

молитвой и господствующей церковной практикой? Этнографы склонны отвечать на этот вопрос отрицательно¹⁸. Этот вопрос нуждается в специальном исследовании, однако ясно, и материалы анкет подтверждают тот факт, что церковная практика и народные обряды были слиты в мировосприятии крестьянства воедино.

В целом анкета содержит ценнейший комплекс источников, которые зафиксировали отношение крестьянства к труду не в экономических и материальных, а в морально-этических, нравственных, религиозных категориях.

Интересные результаты может дать сопоставление материалов Костромского научного общества (1910-20-е гг.) со сведениями, полученными в результате сплошного обследования территории Костромской области (в современных границах) уже в 1990-е гг. Возможность провести такой сравнительный анализ фольклорных и этнографических материалов есть. В течение нескольких лет, с 1990 по 1996 гг., Областной научно-методический центр народного творчества целенаправленно проводил сбор материалов по программам, составленным Государственным архивом Костромской области, в основе которых лежали анкеты и программы Архивной комис-

Сельский храм.

вало крестьянское общество обещание «повеличать великого Миколу».

Ответы на вопрос об обетных приношениях в церковь, добровольных помочах на храм и причту, об освящении хлеба, меда и плодов конкретизируют отношение сельской общины к церкви и духовенству.

На последний вопрос анкеты - о влиянии революции на народные воззрения в области верований, связанных с сельским хозяйством, - большинство крестьян ответили односложно: «Не наблюдается, не заметно» или же вовсе поставили прочерк.

Анализ данных этой анкеты (крестьянские ответы и ответы лиц словесий) подтверждают факт религиозного восприятия окружающего мира и религиозного осмысления хозяйственного труда русским крестьянством. Внешним аспектом этого явления была церковно-обрядовая сторона, но

син и КНОИМК: «Обряды и обычаи Костромского края», «Праздничная культура Костромского края», «Этнография детства. Игра и детский фольклор», «Народное питание Костромского края», «Народный костюм Костромского края» и другие. По этим программам в 24 районах области одновременно работали сначала 50 «агиткультбригады», прошедших стажировку в центре и усвоивших «азы» полевой экспедиционной практики. Они состояли из 2-3 человек, в должностные обязанности которых ранее входило «культурное обслуживание» «неперспективных» деревень, и в распоряжении имелись автомашины, благодаря чему они могли добираться во все «медвежий уголь». Позднее к этим сотрудникам присоединились работники сельских домов культуры и библиотек, этнографы. В результате за несколько лет был собран богатейший архив информации, носителями которой оказались, как правило, люди от 70 до 90 лет³⁹.

Не вдаваясь в подробности, отметим, что анализ собранных материалов констатирует факт практически полного исчезновения среды современного крестьянства информации о сельскохозяйственных обрядах. Исключение могут составить только празднование Егория весеннего (первого выгона скота в поле) и особого почитания Николая зимнего в русских деревнях. Наиболее «живучим» оказались семейные обряды и обычаи, в том числе свадебный и похоронный и в том числе некоторые календарные обряды. Собранные по программам материалы (календарные, праздничные, семейные обряды, легенды, песни и частушки) были частично опубликованы⁴⁰.

Сопоставление и анализ этнографических сведений, зафиксированных в начале и конце нынешнего века, могут стать предметом специального и весьма перспективного исследования, которое дает возможность, в частности, ответить на вопрос о том, почему, несмотря на ломку всего крестьянского уклада, в глубинных пластах сознания крестьянства продолжали и продолжают существовать и воспроизводиться уже в новых условиях культурные и религиозные традиции минувших веков?

Этнографические труды, опубликованные КНОИМК, часто базировались на полевых сборах, материалах, полученных в ответ на анкеты и программы. Особенно следует выделить среди них работы председателя общества В.И. Смирнова, анализ которых позволит осветить такие явления в общественном сознании и быте крестьянства, как:

- историческая память;
- отношение к смерти;
- фатализм и отношение к «судьбе»;
- народная педагогика;
- воспроизведение мифов и легенд и многое другое.

В заключение хочется отметить, что материалы анкетирования КНОИМК, которые по своей изначальной цели были своеобразными «социологическими обследованиями», являются весьма достоверным и аутентичным тем источником. Костромские «социологи», образно говоря, стремились прослушать пульс общественного сознания в момент названия крупных катаклизмов: вспомним почти пророческие слова предисловия к анкете о влиянии войны на жизнь местного края («важно проследить эти ростки и зародыши какой-то новой эпохи, надвигающейся на Россию, - эпохи, наступление которой хотя и смутно, ощущается всеми...»), чтобы оценить социальную чувствительность создания анкеты. Совершенно очевидно, что материалы этой и другой анкет объективно фиксируют это ощущение и, следовательно, реакцию крестьянского сознания на эти путающие новые события. Мы можем проследить варианты оценок этих событий представителями разных слоев сельского населения, увидеть нюансы, которые раньше (до XX века) не просматривались.

1. Всего за годы существования с 1912 по 1930 гг. КНОИМК выпустил 41 сборник печатных «Трудов...». В общей сложности вместе с филиалами, действовавшими в Солигаличе, Галиче, Кологриве, Чуломне, Буге, Нерехте было издано 66 сборников статей. Четыре выпуска Трудов КНОИМК были посвящены исключительно вопросам народного быта и получили название этнографических сборников, были опубликованы и отдельные работы по этнографии и этнографические очерки В.И. Смирнова и М.М. Зимины.

2. Анкета по вопросу о влиянии войны на жизнь местного края. КНОИМК. Кострома, 1914.

3. Как у вас строятся избы и дворы? Анкета / КНОИМК. Кострома, 1914.

4. Кудыл и народное сельское хозяйство: Анкета / КНОИМК. Кострома, 1923.

5. Савтский Д.О. Программа по изучению народной космографии / КНОИМК. Кострома, 1927.

6. Смирнов В.И. Вопросы для изучения быта домашнего скота / КНОИМК. Кострома, 1928.

7. Катнигина Л.С. Программа для собирания сведений по гонимому производству / КНОИМК. Кострома, 1928.

8. Программа не сохранилась. Была подготовлена в 1924 г.

9. Программа не сохранилась. Была подготовлена в 1926 г.

10. КИАМЗ. Архив этнографической станции и картотека, включающая и сведения из несохранившихся материалов, описан частично, что затрудняет пользование им.

11. ГАКО. Р.838. Оп.2. (Архив Костромского народного общества по изучению местного края). ГАКО. Р.550. Оп.1, 2. (Личный фонд В.И. Смирнова и Л.С. Катнигиной).

12. ГМЭ. Ф.7. Д.558-692. Записи В.И. Смирнова: Ф.2. Д.34, 38, 40, 43, 69, 86-87, 95-98, 100.

13. Анкета по вопросу о влиянии войны на жизнь местного края / КНОИМК. Кострома, 1915. С.1-2.

14. ГАКО. Ф.205. Оп.2. Д.954.

15. Костромская деревня в первые годы войны. Сборник / Труды КНОИМК. Кострома, 1916. (Далее - Костромская деревня).

16. Там же. С.1-26.

17. Там же. С.27-42.

18. Там же. С.43-82.

19. Там же. С.83-127.

20. Там же. С.128-134.

21. Костромская деревня. С.84.

22. Там же. С.85.

23. Там же.

24. Там же. С.86.

25. Там же. С.89.

26. Там же. С.90.

27. Там же. С.90.

28. Там же. С.98.

29. Там же. С.99.

30. Там же.

31. Там же. С.98.

32. Там же. С.104.

33. Там же. С.105.

34. Там же. С.107.

35. Там же. С.108.

36. Журавлев А.Ф. Домашний скот в деревнях и нагул восточных славян. М., 1994.

37. Материалы анкеты составляют отдельную опись в фонде КНОИМК (Р. 838. Оп.2. Д.1-54).

38. См., например, исследование С.В. Кузнецова «Религиозно-нравственные основания русского земледельческого хозяйства». / Православие и русская народная культура. М., 1994. С.31-53.

39. Материалы находятся на хранении в Областном научно-методическом центре народного творчества и сгруппированы по районам и по программам.

40. Костромская старина. 1993. №5. (Специальный выпуск); Ветлужская сторона. Вып.1. Историко-краеведческий сборник. Кострома, 1996.

Ирина ТЛИФ

"Уроды, Господи, хлеба..."*

«Уроды, Господи, хлеба на церковь Божью, на нищую братию, на всех христиан и на птиц небесных!» - такой молитвой начинала весенний сев Костромская губерния. В иных селениях молились еще короче - «Господи, благослови!»¹...

«Господи, благослови!» - позади студеной зима с долгими под луну вечерами, с пролетевшими под колокольный звон зимними праздниками. Амбары и сусеки многих хозяев опустели, но грach уже возвестил весну, яркое солнце прогрело землю: «Уроды, Господи, нового хлеба...»

Во многих местах, открывая сев, ходили по полям крестным ходом, служили водосвятный молебен, кропили освященной водой семена и пашни. В Чухломском уезде шли в Авраамиев монастырь и приносили плащаницу преподобного - «Ходим с этим почтенным старцем Авраамием». В Кологривском уезде сеяли только в «легкие» дни - вторник, четверг, субботу. Перед севом ржи молились Илье пророку, овса - Николаю чудотворцу, за лен молили Олену-львицу.

Труд земледельца тяжел, а достаток

умерен. Почва не всегда отзывалась на радение крестьянина, засуха и неастье вызывали страх за будущий урожай, пожары уничтожали порой не только хлеб, но и все селение. Люди искали защиты у Бога, прибегали к помощи чудотворных икон. В деревне Шабаново Кологривского уезда твердо верили в то, что в 1891 году их поля защитила от «червобая» икона Спасителя. С тех пор в «особо важных случаях» брали чудотворную икону и служили молебны. В 1920 году во время лесных пожаров огонь двинулся на деревню Лом - крестьяне вышли с иконами, «и ветер повернул в другую сторону». Охранителем деревни Матково Чухломского уезда считали преподобного Сергия с тех незапамятных времен, когда икона его была обретаена «в поле на сосне».²

В память особенно разорительного бедствия в селениях устанавливали «заказные» или «обреченные» дни. Их посвящали тому или иному святому-покровителю в надежде, что общая молитва, молитва «всем миром», охранит от несчастий и стихийных бедствий. Работать в эти дни запрещалось, а кто запретом пренебрегал - терпел наказание. Кре-

стьянка из деревни Свино Чухломского уезда в «пожарной праздник» «ушла за ягодами, вместо того чтобы идти за образами - в тот же день у нее сгорела избышка». Селянин деревни Халипино Костромского уезда в обреченный от градобоя день святого Тихона выехал в поле; на замечание, что «в праздник работать грех», ответил: «Наш Тишка-пьяница именинник - поэтому что ли нельзя?» - На обратном пути селянин «с воза упал головой в землю и помер тут же».³

Рассказов о чудесах, свершившихся по слову молитвы, было ничуть не меньше. Случай чудесных явлений крепко помнили и передавали из поколения в поколение. Начинали обычно так: «Говорили, лет сто назад...», продолжали в разных местах по-своему и все же очень похоже: «...как назначат на день-два молебен, и у жасу, в тот самый момент, когда отправляют молебен, найдет небольшое облако и пойдет сильный дождь»

Отголоски древней славянской культуры уживались в народном быту с христианскими традициями и образами. Мало кто помнил об их языческом происхождении, говорили - «делаем так, как в старину делалось».

«Лей, лей, дождь,
На бабину рожь,
На дьяконову пшеницу,
На девкин лен -
Полливый ведром!»⁴

- выкрикивали крестьянские дети,ждавшись первого дождя. Стар и млад выходили на весенние разливы, умывались смывали зимнюю слабость свежей дождевой водой. Услышав гром, бабы и девки «трижды переметывались через голову», «катались по земле», «кувыркались» в молодой луговой траве, набирая сил для грядущей жатвы, - «Гром греми - спина не боли!» Дважды за лето катались они по матушке-земле, утешая натруженную спину - «Оржаные жнivity, подайте мою силу...», и точно так же, убрал овес.

Если «хлебны небесные» открывались надолго и грозили затопить посевы, дети меняли припевку:

«Дождик, дождик, перестань,

На уборке сена. Фото нач. XX в.

* По ответам на вопросы анкеты КНО «Культ и народное сельское хозяйство» жителей Костромского, Кологривского, Чухломского и Галичского уездов. 1923 г.

Мы подем в Судиславль*
 Богу молиться,
 Христу поклониться,
 У Христа сирота
 Отворяла ворота,
 Ключиком-замочком запирывала,
 Аленьким платочком закрывала!»⁵

К Духову дню с посевом яровых старались управиться. Земля, разбухшая от тепла и влаги, готовая выгнать из себя зеленые хлебные побеги, в этот день считалась именниницей. В Духов день нельзя было землю беспокоить, вообще замирали все работы: «девица косы не плетет, птица гнезда не вьет». В этот день сам Господь благословлял природу на летнее плодоношение.

На Ивана Купала, когда луга приходили в пору полной сочности и цветения, праздновали именины травы. Но купальские праздники и грех, и небезопасно праздновать православному христианину. «В ночь на Ивана Купала запрещается ходить в лес и, в особенности, близко к реке. Говорят, что в эту ночь торжествуют все бесы, и водные и ружьки, от которых можно сойти с ума. В эту ночь цветет папоротник, и если его увидит кто, тот не считает себя человеком» (с. Андреевское, Чухломской у.).

Купальское цветение - заповедный праздник колдунов и знахарей, которые собирали в эту ночь налившиеся чудесным соком травы. В Галичском уезде бытовало поверье: «Если сорвешь на Ивана день в ночь цветков - крапива цветет, как огненный шар, - то с ним можно ходить куда угодно и никто не увидит. Если взять Адамову голову - корень лопуха - ...на нем есть и глаза, и уши, и волосы, - и положишь к себе в сундук, тогда все можешь сделать чего захочешь: на суд пойдешь - ренат в твою пользу, занять - никогда не откажут...»⁶

На утро Иванова дня крестьяне выходили на поля проверять, нет ли в хлебах «переженин» и «заломов». О заломках в XX в. почти забыли, а переженин хорошо знали и суеверию опасались увидеть полоску сжатых колосьев, идущую через поле. «Если бы знали, что это делает, — говорили в д. Кабаново Чухл. уезда - голову б сломали!» Их соседи по уезду старухи деревни Сванино утверждали, что переженин «производится колдунами, в других селениях как раз старухи и считали колдуными...»

«Хитрые люди», «знахарь», «колдуны» ли - в ночь на Ивана Купала они

Крестьянские дети.

«открывают свой амбар, чтобы хлеб мог сам высыпаться в суслоны...и летят пережениать поле, «переженивая», упираются рукой в землю и катятся вроде как на голове», и когда «идут так, кинузу головой, из глаз у них сыплют искры...» Говорили: «кто увидит на поле колдуна - останется без головы», или - «если колдун увидит первый встречного - встречный умрет, если встречный колдуна - умрет колдун». Верили, что хлеб, убранный в первый день жатвы, уходит в амбары этих колдунов. Не потому ли во многих селениях в первый день начинали по два снопа, и лишь на следующий приступали к работе в полную силу?

Начиная жатву, служили молебен Матери Божьей, Илье пророку, им же в благодарность оставляли на полях своеобразные подарки - символы. Несжатую гореть колоски «прикручивали к земле», тут же клали кусок хлеба и покрывали сверху снопом сена. Особых молитв и заклинаний при этом не творили - «каждая жница импровизирует посвоему». Завивали «бороду Илье», «Илошнику бородку» для того, «чтобы хлеба хватило до Ильина дня следующего года», вили жгутки льна Олене-льнянице «чтобы лен родился», делали плетешки из колосков - «Богородице на посек»⁷. В Чухломском уезде вязали из соломы куклу, сажали ее на несжатые колосья, соломой же устилали вокруг нее землю. Молодые жницы и жинцы садились крутом куклы и пели песни. «Бородой...» называли последний сноп

овса, который жали в полном молчании, уносили домой и ставили под божницу до Покрова. В Покров день «молчаливый сноп» во всех уездах скармливали скотине, чтобы она «молчала», «не вопила», т.е. была сытой (хватило бы корму) до самой весны⁸.

В последний день жатвы готовились «ячичница-дожняльница», которую устальные жинцы съедали прямо на поле на свежей стерне. В тот же день, возвращаясь домой, хозяйки ломали «помелья» (веники из сосны или березы), первыми входили в избу и «гоняли мух»:

«Кшите, мухи, вон,
 Илет хозяин в дом,
 Вы лето летовали,
 Нам дайте зиму зимовать!»⁹

В селе Новографском Галичского уезда в Семин день 1 сентября устраивали еще и «похороны мух». Мух «хоронили» в темноте, до солнышка - «сажают в лапоть, вонот и везут за веревки:

Ой, мухи-горюхи,
 Поганые ваши духи...»¹⁰

После этого изба должна была очиститься не только от мух, а вообще от всех докучливых и вредных насекомых. «Именины овина», «замолотных», «опашка» завершали хлебную страду. «Спасибо, батшока, послужил!» - кланялись овину после молотбы; благодарили Господа и всех святых и угодинок за помощь в полевых работах. В селениях в эти дни устраивали пирушки, ходили друг к другу в гости, угощались пивом и пирогами - «Нынче, слава Богу, благополучно работали, и на будущий бы год Бог так дал».¹¹

* В Ярославль, на Ердань, на Рестаень - варианты. И.Т.

Сарай и житница.

«Уж ты батюшка Егорий...»

В Покров день переводили домашнюю скотину на стойловое положение. До апреля не видеть ей свежей травы, а питаться сеном и теплым пойлом, которое каждый день запаривала заботливая хозяйка. Изба, в которой «на дворе и кур не поет», считалась в любом селении воплощением бедности и уныния. В губернии, где по весне добавляли в печено «не мякину, так лебеду», без мяса, молока, яйца прожить было невозможно; привычный зимний гардероб не справиться без шерсти и овчины.

В зажиточных семьях держали по 2-3 коровы, лошадь, поросенка, овец, и уж, конечно, кур. Это трудолюбивое, дышащее теплом и терпением «хозяйство» отдавали «под опеку» Георгия Победоносца, святого, которого считали покровителем сельских работ в губернии вообще. Рядом с грозным Георгием нередко называли святых Власия, Модеста, Флора и Лавра; просили «охранить скотинку» и Николая угодника. Складывалась некая иерархия «скотских богов»: Егорий - «по всему скоту главный» и особенно заботлив к лошадям, Власий - «коровий бог», Анастасия - покровительница овец, и, наконец, «голцендура боже», таинственный бог, которому «молились куры»¹².

«Голцендура боже» висел на насесте в виде дырявого лалта, ненужного с отбитым конном рукоюйника, рыльца от старого дощика или чайника, но чаще

всего курам приходилось «молиться» простому «ноздраватому камню» или «камню с дырой». «Курный бог» жил в реке, проточной воде, а помещенный на насест защищал свою «пасту» от разных болезней и прodelок «суседко - домового».

Своей «суседко» не только нещадно опинывал кур, заставляя их не ко времени полошиться и не на месте нестись, но, если невзлюбит, жестоко донимал и крупную скотину... «Если утром лошадь вся потная, шерсть на ней вся сплоснена, грива и хвост испутаны, значит, ее не любит домовый. Если «две-три коровы... придут с поля на один двор все веселые, а ночью одна... все стонет, тяжело дышит», не любит ее «суседко» и изведет, если бедной скотине не помочь. Вот тогда-то хозяева и обращались «к лекарю или лекарке, которые могут лечить дворы... придет, пощепчет во двор, и, к изумлению, в ту же ночь, корова та же самая лежит спокойно, свободно, не бьется и не стонет». Для укрощения домового в Костромском уезде вешали на дворах «траву чертополох» и во всех уездах в Крещение на воротах и дверях чертили углем или выжигали свечкой кресты. Но чаще всего с домовым-дворовым старались поладить мирно: «Батюшка домовый, любви да жалуй скотинку!» - уговаривали его, оставляя на дворе кусочек хлеба¹³.

Не всегда и не во всех бедах винили «суседко», в Кологривском уезде под большим подозрением были плотники, которые, если с ними нелюбезно обращались, устраивали «штуки» почище домового. Зароют на дворе «живую кошку» или «собаку», «горшок с кашей» или «мстуду», заткнут «навозом окошко» - и не будет у хозяев «повода в скоте». Спасали от такой беды «неизвестные странники», в частности «неизвестный странник Дормидонт» (нач. XX в), который, похоже, не раз обошел эту округу и указал не одно место, где был зарыт «злополучный клад»¹⁴.

Если нет у кого-то «повода в скоте» - не ведется, хилеет, плохо плодится - рассыпали по двору муравейник, который «надо было найти в лесу под деревом с восточной стороны», подкуривали в «глиновом ошметке на каленых углях... росного ладана во всех 4-х углах: - «Враг-сатана, уйди со двора, пусти Пресвятую Богородицу!» (Кол. у.) Прикармливали скотину «по зорям» хлебом и травами, над которыми шептали захары, тайные, ведомые только им слова. (Чухл. у.) Для «повода овец» варили выменивое у соседей баранье мясо, мелко его рубили и давали овцам в пойле, а в Кологривском уезде с той же целью закапывали в землю «дохлого крота». В доме жениха молодых, вернувшихся из под веша, проводили на скотный двор и там благословляли иконой и хлебом-солью, с верой, что это принесет здоровье животным и благополучие хозяевам. Не было двора, который бы не охраняла иконка Егория или Николы¹⁵.

Если все же скотина пала, новую предпочитали брать не на базаре, а с деревенских дворов. Приобретение было окружено множеством примет и суеверий. «Лошадь смотрят по зубам, а корову по рогам». Впрочем, если корова «с шестью зубами во рту» - никто не возьмет: плоха к молоку... «Лошадь с черным небом - долго не проживет». Возьмешь скотину «не в масть» - не примет домовый: была раньше добрая пеструха - пеструю и бери, она «ко двору». Без повода или уздечки никто не возьмет ни лошадь, ни корову, к корове просили еще кринку или горшок. Хорошая примета прихватить со старого двора навоза - на новом месте скотинка не будет тосковать.

Славив попкуку, крестились на ближайший храм и, приняв «из поля в полу» повод, вели животину домой. В воротах растелили перед ней пощ со словами: «Вот, как пощ лежит вокруг меня, так и ты держись моего дома!». При этом сдвигали, не задевая ни пощ

ногий; если заденет - зимы не переживет, нет - будет жить благополучно. В Кологривском уезде скотине - «чтобы знала хозяйина» - давали кусок хлеба, которым перед этим обтирались сами, в Чухломском уезде - встречали с опарицей - «чтобы к хлебу-соли нового хозяйина привыкала», а чтобы скотина не плутала, домой приходила без пастуха - принесенные с базара уздечку или повод обвязывали вокруг печной трубы на чердаке...¹⁶ «Батюшка домовой, возлюби новую скотинку, как старую люби...» - не забывали попросить «уседек», оставляя животину в непривычном для нее месте.

Полезь деревенских знахарей при разных болезнях и странных случаях была общепризнана, со временем привыкли и стали уважать ветеринаров, но перед массовым падежом скота и заговорами, и знания порой оказывались бессильны. В такие дни, когда в короткий срок деревня могла лишиться всего скота, вспоминали древнейшие способы защиты: вытирали «живой огонь» и «опахивали» селенья. При «опахивании» девушки, вдовы, старухи, девочки (в каждом селении по-своему) впрягались ночью в соху или косулю и проводили глубокую борозду вокруг деревни. В деревне Шатерино Костромского уезда «шесть девиц вели, а одна держала за руки плуг;

Крестьянка деревни Пашма Кологривского уезда.

косматые в белых рубашках», в деревне Шанарино собирались для этого дела «двенадцать девиц и вдов, все в белых рубашках, с распущенным косам», в деревне Петровское Чухломского уезда в косулю впрягались «голые женщины», а деревню Гушино опахивали простоволосые в белых рубашках девочки, причем «одна из них шла впереди... с иконой». Еще в 1922 году в Костромском уезде в деревне Гора делали «обарыма-

ние от падежа и холеры», при этом «все девушки в 12 часов ночи в день на Ивана Купала... запрягались в плуг и объезжали селенье с иконой в руках, со свечей и помелом»¹⁷.

Вера в очистительную силу «живого огня» была не менее сильна, этот обычай также дошел до XX века. В Кологривском уезде добывали огонь «трением березовых поленьев друг о дружку на стойке». «Огонь вытирают и ходят через него от заразы» (д. Церковное), с ним же «обходят все дворы и подкуривают скот» (д. Ивановское), через него «скотину переводят, будто огонь очищает всякую болезнь» (д. Марлинское)¹⁸.

Опахивание и вытирание огня были достаточно редкими явлениями, но зато раз в год-то уж точно каждое селенье «праздновало» горькую память какою-либо мора или падежа. В деревне Матюково когда-то была «моровая язва, каждый день падало по несколько голов скота. И вот, чтобы умилостивить Гнев Божий, народ обещался в этот день не работать и молиться... Служили молебен сначала посреди деревни, потом стали служить... по дворам, отслужив по дворам - начали вокруг полей...» Моровая язва прекратилась, а день этот - 26 июня - ежегодно стали праздновать как «обреченный» от падежа скота. В Ильин день в деревне Андреевское Чухломского уезда в невесть какие времена «и старики-то не были свидетелями этого, примерло очень много скота». С тех пор накануне Ильина дня скот не выпускают со дворов, а в праздник в часове служат общественный молебен и кропят

Уголок крестьянского двора.

Сельская улица.

скот святой водой... В книге, что хранилась в часовне деревни Шабаново Костр. уезда, была запись, что здесь праздновал «обременный от падежа скота день с 1695 года»¹⁹.

Для «здоровья» приплода и «очищения» молока обходили с зажженной свечой и иконой корову после отела, для «здоровья» же в чистый четверг, когда все хозяйки скребли и мыли жилища, жарко топили бани - подстригали хвосты и гривы лошадям. Кое-где лошадей стригли и в Егорьев день, в некоторых местах в Егорьев день первый раз их купали. Но по губернии куда более известны были «Спасовы омуты», получившие имя от старинной и крепкой привычки купать лошадей именно в Первый Спас. В Кологривском уезде в обязательном порядке заводили в воду тех лошадей, «на которых был увезен покойник в течение года». В этот день во всех церквях служили молебны, после чего в тех местах, где есть водные источники, «церковный причт с иконами и прихожане шли на реку и святтили воду». «Когда священник обмочит в воду крест, тогда бросаются все в воду купаться, которые стояли уже давно наготове; тут купаю и лошадей и саманарод... В священной воде нужно купаться для здоровья, не считается с тем, когда бывает холодный с севера ветер...» (Колгору.)²⁰.

...К Спасу второму заканчивались основные работы в полях: сено в стогах,

хлеб сжат, сеют уж озимь. Уже попробовали каравай из новой муки и по традиции 6 августа понесли в церковь святить летние плоды. Приносили аблоки, мед, зерно, овощи - часть из них оставляли причту. На иконы вешали холсты, полотенца - также в подарок церкви. Церковь благославляла посева, кропила святой водой созревающие хлеба, освящала жатву, молилась за все крестьянские труды... В красном углу под божницей уже стоит «молчаливый сноп», который в свой срок, в Покров день, отдадут скотине, чтобы она «молчала, не вопила» до самой весны, до Егорьева дня, когда взорвет весеннюю утрениую тишину гром деревянных барабанов и звонкие детские голоса возвестят:

«Господин, сударь-хозяин!

Встань, проснися,
Умойся - утрися,
Егорию помолися...»

На Егорья первый выгон скота в поле. На дворах обходили каждую скотину с хлебом - солью, иконой, свечами. Окропив с вербочкой Боговлянской водой, считали, что на все лето сдали ее на руки Егорью. Накануне выгона в Чухломском уезде «ребятишки до 14 лет собираются партией, иногда целой деревней славить Егорья. Берут его образ и ходят от дома к дому и перед окнами поют...гимн:

Уж ты батюшка Егорий,
Макарий преподобный,

Спаси нашу скотинку,
Спаси и сохрани!..»

В Кологривском уезде окликали Егория и дети, и взрослые. «Один из группы берет по барабану, один носит корзину для собирания яиц, а другой шест, на котором прикреплен из бересты тюрок для приемки яйца из окна... «Окляльщики» подходили к домам и пели под бой барабанов:

«...Лесному зверю, волку -
медведю,
Пень да колода, да белая береза.
Нашей матушке - скотинке,
всей животинке,
Травка-муравка,
зелененький лужок!..»

Приняв в берестяной тюрок поданные «за Егорьевское вопление» яйцо или деньги, ватага благодарила хозяев, желая им:

Триста коров,
Полтора ста быков!
Они в поле-то идут да помывкают,
А из поля-то идут да поигрывают...»²¹
...Скот вышел в поле. На дворе весна; амбары и сусеки многих хозяев опустели, но яркое солнце прогрело землю, крестьянин ладит соху и коосу - «Уроди, Господи, хлеба на церковь Божию, на нищую братню, на всех христиан и на птиц небесных!».

1. ГАКО. Ф. Р-838. Оп.2. Д.50. Л18,10.
2. Там же. Д.18. Л.58. Д.54. Л.54.
3. Там же. Д.43. Л.1. Д.11. Л.13.
4. Там же. Д.20. Л.22. об.
5. Там же. Д.35.
6. Там же. Д.11. Л.14. об., Д.49. Л.15 об.
7. Там же. Д.49.13об.,15об., Д.25.
8. Там же. Д.46.Л.6.
9. Там же. Д.54.Л.51.
10. Там же. Д.49. Л.18.
11. Там же. Д.46. Л.6.
12. Там же. Д.54. Л.26
13. Там же. Д.34. ЛЛ.18-20.
14. Там же. Д.46. Л.7.
15. Там же. Д.22. Л.51. Д.49. Л.2. Д.25. Л.13. Д.22. Л.9.
16. Там же. Д.18. Л.39. Д.22. Л.53. Д.35. Л.57. Д.22. Л.45. Д.54. Л.52.
17. Там же. Д.18. Л.49,15. Д.49. Л.24. Д.17. Л.70. Д.18. Л.33.
18. Там же. Д.22. Л.15,47,43.
19. Там же. Д.54. Л.56. об. Д.34. Л.18. Д.49. Л.29. Д.18. Л.58.
20. Там же. Д.34. Л.20. Д.35. Л.65.
21. Там же. Д.35. Л.64.

Предание о том, как Никола и Касьян ходили на землю

Однажды Господь призывает к себе Николау и Касьяна, велит им одеть белоснежные одежды и идти посмотреть на землю, что там делается и как живут люди.

Собрались Никола и Касьян и спустились с неба на землю. Идут по земле и рассуждают о том, как тяжело мужик работает. И вот видят, что ехавшая за ними крестьянка, которая на своей клячонке везла телегу навоза, попала одним колесом в колею. Колесо соскочило с оси, и крестьянка никак не могла надеть колесо на ось. Никола говорит Касьяну: «Брат Касьян, пойдем поможем ей надеть колесо». А Касьян отвечает: «Нет, брат Никола, не пойду. Для того, чтобы надеть колесо, надо будет поднять телегу, телега грязная, и мы так свои белоснежные одежды перепачкаем, что нам с тобой нельзя будет и перед Господом предстать». - «Ну, как хочешь ты, Касьян, а я пойду!» Пошел, помог крестьянке надеть колесо и при этом достаточно перегрелся.

Пришло время, возвратились они на небо, предстали перед Богом. Смотрит на них Господь и говорит: «Где ты, Никола, так перегрелась свое платье?» Никола рассказал Господу историю с женщиной, говоря, что не мог равнодушно смотреть на такое положение, в котором очутилась крестьянка. Выслушал рассказ Никола Господь и сказал: «За то, Никола, что ты помог крестьянке в беде, по всей земле будут праздновать тебе два раза в год, а ты, Касьян, сохранивший свои белоснежные одежды и оставивший в беде без помощи требующего помощи, тебе за это будут праздновать один раз в четыре года, а твое имя будет страшным для людей».

ГАКО. Р.838. Оп.2. Д.20. Л.27-28 об.

КАЛЕНДАРЬ

23 апреля¹ - день Великомученика Георгия Победоносца. На Руси два Егория: холодный (26 ноября) и голодный (23 апреля). Юрий работы начинает, Юрий и кончает. Егорий с водой, а Никола с травой. В Егорьев день разве ленивая соха не выезжает.

21 мая - Святых равноапостольных царей Константина и Елены. Алена - длинные льны. На Алenu сей лен, так же ярицу, гречу, ячмень и позднюю пшеницу.

16 июня - Святого Тихона, епископа Амфунтского. На Тихона и птицы затикут (кроме соловьев).

24 июня - Рождество св. пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна. День Ивана Купала. Иваном день пришел, траву собирать пошел. В этот день ведьмы собираются на ласой Киевской горе: этот день их, ведунов, колдунов и т.п.

«Просите детки (либо попы) дождя до Ивана, а после Ивана и сам я упрошу».

29 июня - Святых верховных апостолов Петра и Павла. С Петрова дня - красное лето, зеленый покос. Ладь косы и серпы к Петрову дню.

20 июля - Славного пророка Илии. Илья зажинает, лето кончает. Петр с колоском, Илья - с колобком. Илья грозы держит, на огненной колеснице ездит.

1 августа - Происхождение Честных Древ животворящего Креста Господня. Первый, мокрый, медовый Спас. На мокрый Спас лошадей купаю, а пчелы перестают носить медовую взытку.

6 августа - Преображение Господа Бога и Спаса нашего, Иисуса Христа. Яблочный Спас. Второй Спас - всему час (плоды зреют). На Второго Спаса

освящают плоды и мед, едят яблоки, а до него - только огурцы.

15 августа - Успение Пресвятой Богородицы. Успенщина, Госпожинки, Спожинки, Дожинки, Обжинки. Конец жатвы. Молодое бабье лето с Успенья по Семин день (1 сентября; с 1 сентября - старое бабье лето).

18 августа - Мучеников Флора и Лавра. Лошадный праздник, кропят их на Флора и Лавра. На лошадах не работают, чтоб падежа не было.

25 сентября - Преставление преподобного Сергия Радонежского. Сергиев день.

1 октября - Покров Пресвятой Богородицы. Покров, натопи избу без дров! Захвати тепла до Покрова (вычлени избу), а не захватишь до Покрова - не будет такова. Покров - конец хоровам, начало посиделкам.

¹ Здесь и далее даты приведены по старому стилю.

Михаил МАГНИЦКИЙ

"МЕЖДУ ДВУХ ОГНЕЙ..."

В начале лета 1918 г. вследствие национализации земли начались погромы бывших помещичьих усадеб. Их владельцы нередко обращались в Костромское научное общество (КНОИМК) с просьбой защитить от разорения родовые культурные ценности: архивы, библиотеки, коллекции картин, оружия, фарфора и др. Научному обществу стало известно о том, что собраниям древностей в усадьбах Кузюминых, Дмитриевых, Львовых, Грамбах, Колычева, Сивягина, Лузина, Вишневого и др. грозит опасность. Поэтому решено было командировать в разные уезды членов КНОИМК, чтобы в случае нужды «охранить их на месте от угрожающей им гибели или совершенно изъять их и передать в музей местного края на известное время или навсегда»¹.

КНОИМК «время предприняты шаги к спасению от гибели библиотек А.Н. Островского, прекращено разрушение библиотек усадеб Нероново, спасена обстановка ус. Клусеево и ус. Денисово и остатки усадебного имущества в Кологривском уезде»².

В Галичском уезде по заданию общества работал галичский краевед И.В. Яблоков, которому удалось через отдел народного образования УИКА получить для общества около 25 тыс. книг, собранных из усадеб и духовных школ.³

Через Н.Н. Виноградова были получены библиотека Кузнецовых из села Селища, а также из принадлежащей им усадьбы Патино Солигаличского уезда собрание предметов и усадебной старины.⁴

С целью выявления и сохранения усадебных ценностей в Кинешемский уезд в усадьбу Есиплево и в усадьбу Новинки был командирован М.М. Зимиц, в усадьбы Нероново, Погарь и Еськино - Ф.А. Рязановский, в Галичский уезд - В.К. Магницкий, в Чухломской уезд - В.В. Звездин, в Кинешемский и Буйский уезды - член КНОИМК Соколов.

Отчеты, составленные Ф.А. Рязановским, В.К. Магницким и В.В. Звездиным, хранились в фонде КНОИМК, но были утрачены во время пожара в архиве в 1982 г. Копии отчетов В.В. Звездина и В.К. Магницкого были сделаны костромским краеведом А.А. Григорьевым и находятся сейчас в его личном фонде. Предлагаем вашему вниманию увлекательный рассказ В.К. Магницкого о том, как он в 1918 г. обследовал галичские усадьбы.

Татьяна Войтов (Йенсен).

1. ГИМ. ОПИ. Ф. 54. Д. 742. Л. 45.

2. Там же. Л. 3 об.

3. ГИМ. ОПИ. Ф. 191. № обр. Письма Яблокова И.В. Смирнову В. И. 1922-23 гг. Письмо №1.

4. ГИМ. ОПИ. Ф. 54. Д. 742. Л. 44.

Во исполнение поручения Научного общества мною посещены усадьбы Галичского уезда с 19 октября по 5 ноября сего 1918 г.

Этот уезд называли мне дворянским по преимуществу. По нему было выдано 600 уставных грамот, которыми зарегистрировано 600 дворянских фамилий, не считая мелкопоместных. (...) Постепенно, однако, дворянские гнезда переходили из дворянских рук в руки купцов - например, Рогозино, Тарасово, Сынково, Бачманово, Сынготино, крестьян - Селиваново, Рубцово, Лежнино, Лысково, Туровское и другие, разночинцев - Дюльгово, Кокорожино, Чмучтово, евреев - Знаменское, Харитоново, Оздермирово, Поповское, латышей и эстонцев - Бакланово, отчасти Турлиново и Туровское.

Нашествие на уезд евреев началось и развивалось особенно с продвижением железной дороги на Вятку и в Сибирь. Вдоль этой дороги в разных расстояниях от нее быстро стали возникать лесопильные заводы, началось истребление лесов и вздорожание строительных и отопительных материалов, уменьшение лесных дач, высыхание почвы и так далее.

Переходя от дворян в чужие руки,

усадьбы то обновлялись и развивались в хозяйственном отношении, сохраняя свой типичный вид, то падали и сходили на положение частного крестьянского хозяйства. К первой категории усадеб типично дворянских, то есть с особняками - домами, окруженными садами и цветниками, или следами от них, с удаленными сельскохозяйственными строениями, с прудами и промышленными учреждениями, каковы ветряные мельницы, кузницы, кирпичные заводы, водопроводы и т.п., можно отнести Нагатино, Гущино, Сынготино, Сынково. Большие усадьбы второго разряда.

На положении простых крестьянских хозяйств в одном приходе Егория Верхнего насчитывается до 11 усадеб, в приходе Троицы Вознесенской волости я лично знаю 4 таких усадьбы по Галичскому уезду и 2 по Солигаличскому уезду. В Туровском же приходе 5-6, если не более.

Вокруг озера по Векове усадьбы идут непрерывным рядом, сходясь на расстояние версты и менее, и расходясь от соседних не более чем на 6-7 верст.

По Векове расположены Гришино, Рогозино, Вознесенское, Сынково, Знаменское, Тарасово, Лысково, Лежнино, Ту-

ровское - с двумя усадьбами Чалеевых и Сумароковых; Барское, Поповское, Лукьяново, Быково; версты на 3-4 удалены Алексино, Адамово, Оздермирово. Некоторые из них исчезли совершенно, обратившись в пустоши или поглощенные деревней (Сынково, Барское). Только некоторые усадьбы уцелели за своими коренными владельцами в приличном виде. Такова, например, усадьба Воскресенское князя Вяземского, на эту усадьбу указывали мне как на единственную в данном отношении. Хозяйственно живы Гришино и Гущино. Но после смерти последнего хозяина, Постникова, года 4 тому назад, Гущино стало уже опустынь. Очень дорожил своим именем Знаменское Марков. Но на таких усадьбах отразилась последняя война сокращением посевой площади, уменьшением скотоводства, маслоделия и других промыслов. На это жаловался Г. Готовцев, хороший, но не особенно удачливый барин-хозяин и земский начальник. В течение 4-х лет войны подготовлялось что-то катастрофическое, оно предчувствовалось владельцами как неотвратимое бедствие, и вывилось в форме социализации частной собственности и земли.

С этой социализацией, хотя, так сказать, она только что началась, усадьбы переживают разные превратности судьбы. Один - разгромлен, например, Знаменское. Председатель Вознесенского Совета сказывал мне, что в доме не осталось камня на камне, и в него страшно было войти. Была дорогая мебель, зеркала, украшения. От него остались, как я лично убедился, одни только стены с наглухо заколоченными дверями и окнами (так же Жадовские в Солнгалычском уезде).

Усадьба Пановой-Хотинской, пишу тут мне, Корольянон - тут расхищено и растащено как движимое, так и недвижимое имущество, остались один голые стены.

А между тем дом в этой усадьбе строился в 1812 (скорее - в 1813 г.) пленнымими французами, его зал - в два света, с потолками, разделанными лепными украшениями и масляными картинами, и вообще архитектура во вкусе Александра I. Я получил эти последние сведения из трех источников. После дома есть и в других усадьбах.

Размер дома 10x8 сажен довольно обыкновенен. Есть дома в 12-19 и более комнат. Таковы в Олифине, Алексине, Воскресенском, Гушине (с мезонином), в Гришине. В Олифине зал с органом, усадьба славилась своим оркестром на всю губернию. Очень многие дома совершенно исчезли, то от пожаров (Шиповское), то от времени (Туровское, Лысково, Барское, Рубово, Селиваново).

В других уездах такая же судьба постигла еще более крупные и богатые усадьбы с драгоценными памятниками старины, какова, например, в Ветлужском уезде усадьба князей Гагариных.

К счастью, разгромлены очень немногие усадьбы. Большинство принято на учет волостными Советами и сохранено. Из последних, однако, обстановка выведена владельцами в предоставленный им срок. Сами владельцы эмигрировали в разные места, но больше в Галич. Некоторые из них пристроились на места, другие живут на склонах ранее, третьи - нищенствуют и бедствуют, и только трудящиеся предоставлены усадьбы в их распоряжение. Таковых имеется немного: Свицдерские в Харитонове.

Престарелые владельцы выселены из своих покоев во флигеля: в Корольянон, Олифине, Гришине. Барские же покинут заняты Советами или назначены для библиотек, музеев, клубов или под коммуна. Из клубов функционирует пока один: в Гришине Вознесенской волости, он открыт 1 октября. Открытие других откладывается до революционных торжеств.

При выселении владельцев имели место случаи столкновений крестьян с Советами, или Советов с приговорами крестьян, или волостных Советов с уездным

Советом. В то время как на местах крестьяне и местные Советы находили пребывание прежнего владельца в усадьбе полезным для сельского хозяйства и оставляли их в усадьбах с правом владения земель и инвентарем, уездный Совет, согласно постановлению 5-го съезда Советов, решительно настаивал на изгнании помещиков и владельцев усадеб из их усадеб, невзирая на их трудовую цену. Так, были выселены Остен-Сакен, отец и сын, из Ивановского Пречистенской волости, доктор Кавер из Кокорюкина (впрочем, как мне передавали, он, по настоянию крестьян, возвратившись вновь), Завьялов из Нагатина, Лопатин из Малышева.

Кроме Советов, на места выселенных владельцев явились новые хозяева в лице коммун (Поповское) или управляющих из крестьян с работниками и работницами. Последний порядок наблюдается в большинстве усадеб.

Я умолчу о впечатлении, которое у меня осталось от этого хозяйничанья. Но положение помещичьих и частновладельческих хозяйств довольно критическое. И один Бог знает, как они из него выйдут. Можно ожидать, что многие из них исчезнут без следа с лица земли. На самом деле новые усадебные насельники, в виде ли коммунистов, простых артельщиков или управляющих с работниками и работницами по назначению и выбору от Совета, для изменений люди совершенно чуждые и даже чужие. Пристраиваются они к усадьбам из-за голода и нужды. Они идут в усадьбы, чтобы прокормиться до весны за счет усадебных запасов, которых едва на это хватит.

В Поповском живут три семьи. Хлебаржаного с трех десятин должно бы хватить, но собран он и убран неумело и не вовремя. Яровой хлеб и клевер совершенно стравлены. Запасов сена не сделано. Вследствие этого скот (4 коровы, бык, телка и 3 лошади) едва ли прокормятся. Так и сама коммуна, таким образом, должна пережить известные разочарования. Но, возможно, те из них, которые только рассчитывают на даровой хлеб, его вовсе не получат. Их не пугает в усадьбе, чтобы сберечь запасы последних. Отсюда явится желание мести. Последнее может явиться и с другой стороны. Не секрет, что усадьбы обещаны соседним крестьянам, последние считают себя вправе владеть ими как бывшие их частные арендаторы, или исполщики, или прежние крепостные. И вот их предпочитают каким-то коммунистам, или управляющим с работниками, равнодушным к земле вообще и к усадебному добру как к чуждому и временно им доставляемому. Отсюда опять злое чувство мести и решение: «Не доставайся никому». Положение - между двух огней. Один управляющий поэтому боится спать без оружия и ждет-не дожидается как бы откажутся от своей завидной должности.

БИБЛИОТЕКИ

Переход усадеб из рук в руки и продажа их по частям, пожары и другие причины очень печально отразились на местных библиотеках.

Можно положительно сказать, что в усадьбах их нет. В некоторых об них нет и помину, в других есть только кое-какие периодические издания последних лет. То же нужно сказать об архивах и предметах музейного характера. Они исчезли из усадеб вместе со своими владельцами и рассыпались по случайным местам. Вот почему можно их найти и на тыле крестьянской избы (так найдена композиция старорусского «Милость мира»). На полях находят сочинения Волтера или «Древний народный лечебник». Чаше других мест их можно встретить у священников и у писарей. Мне, однако, назвали несколько усадеб, где и теперь еще предполагаются старинные библиотеки с редкими книгами.

Приведу библиотечные сведения в связи с краткой историей усадеб по отдельности.

ХАРИТОНОВО

Первой была посещена усадьба Харитоново Рылевской волости. В ней два господских дома, один почти пуст, с двумя кроватями и туалетным столиком, и ни одной книги или картины. Так показал осмотр, и то же подтвердил волостной Совет, «ин корпус» помещающийся в особом доме бывшего правления. Бывший владелец усадьбы, Е. В. Елизаров, долгое время жил в ней безвыездно молодым еще человеком.

Отсутствие детей позволяло ему быть отшельником. Но хозяйство стало отбиваться от рук, и он пошел служить. Сначала был помощником исправника в Кинешемском уезде, потом исправником в Бусе, в Нерехте и в Костроме (1913 г.). К концу служебного поприща он уже построил в усадьбе новый двух-этажный дом, который после раздела с братом продал Сукачеву, тамбовскому фабриканту, а тот продал его акционерному обществу «Сосна». Недалеке от этого дома стоит другой дом, тоже усадебный, молодых племянников Елизарова - Свицдерских. Этот дом уже не имеет типичных черт барского дома с его дворовыми строениями вплотную. При доме живут молодые хозяева Свицдерские, живут своим трудом и оставлены при усадьбе.

ГУЩИНО

Усадьба Гушино принадлежала Постникову А. В., уроженцу села Николы Мокрого, сану дьяка. Он сделал карьеру, окончив только, как выражаются, «Галичскую академию» (Духовное училище). Пробыв с год учителем в Рыле-

Усадьба Дубины у новых владельцев.
Стены разбирают на кирпич для лесопильных заводов.

ве, он перешел к помещику Воронову, страховому агенту, в качестве его письмоводителя, или помощника. Сестра Воронова, владелица усадьбы Игнатовой, просила брата порекомендовать ей надежного человека для управления ее делами, или конторщика. Между делами было «отправление дилжанисов». И вот мы сами видели Постникова «радчиком».

В этом чине он оставался недолго, уступив его другому специалисту по учтенской части - Н.И. Загапову (последний скоро победил всех своих конкурентов). Теперь А.В. Постников - управляющий Игнатовкой.

В той же Игнатовке, у той же Опуриной, женщины физически здоровой и веселой, живет дворняжка Постельникова на положении призраемой, или опекаемой. Эта девица - припадочная, но колоссально богатая.

Любимым ее развлечением было раскладывать свои драгоценности, хранящиеся в шкатулке. В одно из таких развлечений с Постельниковой случился припадок, и разложенные ценности исчезли. Исчезла и сама обладательница их. Сначала ее возили по русским психиатрическим заведениям. Здесь в приеме везде отказали. И она очутилась в Италии. А у А.В. Постникова оказалась усадьба Гушино, за которую было заплачено 10000 рублей от самого ли или от наследников какого-то Писемского, родственника Алексею Феофилактовичу, известному чухломцу, писателю-романисту. Постников уже женат на племяннице Опуриной, получившей музыкальное образование в консерватории. Про-

шло три года, и вдруг Постельникова обнаруживается. Выскопоставленное русское лицо обнаружило ее в одной из психиатрических больниц Италии. Началось дело, Опурина скоропостижно скончалась. А Постников остался свободным хозяином Гушина и занялся окрутлением границ. Теперь скупаются кругом обрезки. Число десятин в усадьбе доходит в последнее время до 2000. Окрестные крестьяне почти все оказались в смежности с землями Постникова, что вынуждало крестьян работать на барина «за выгон». С расширением усадьбы растут и хозяйственные постройки. Я насчитал их более 20-ти.

В Гушине 2 ветряные мельницы, кузница, водопровод, 2 бани, колодец, скотный двор, две конюшни, всевозможные сараи - для сена, соломы, мякны и пр. Господский дом занимает центральное положение. Перед ним сад, но залупенный и почти пустой. В стороне, через дорогу, низкие и длинные флигеля, вероятно, отводились для приезжающих гостей в доброе старое время. Но на все постройки уже легла печать разрушения, хотя хозяин-приобретатель умер недавно, а его дело продолжала жена с сыном. Но их постигла трагическая участь. Они были вынужены весной 1918 г. убиты в числе 10 человек последние. Это было в канун Вознесенья. Подробности убийства, судьба убитых, случаи из жизни Постникова - особая тема.

Господский дом в Гушине представляет из себя смесь со старой барской претензией на комфорт. Поражает обни-

лие дверей и перегородок, даже нынешним летом две наследницы, дочери Постникова, оставшиеся в живых, может быть, потому, что в роковую ночь их не было дома, успели построить две перегородки в лучших комнатах. Но их выселил волостной Совет. Дом предназначается для советского хозяйства и просветительного пункта.

Библиотека в Гушине едва ли в состоянии обслужить задачи последнего. Зерном ее служат книги Опуриной и Вороновых, юридического и морского содержания, в соответствии с профессиями ее первых основателей. Далее идут учебники и словари иностранных языков.

Много периодических изданий. Из книг со специальным (профессиональным) содержанием взяты только некоторые, для образца.

Например, «Полный Русский страпчий» - многотомное старинное сочинение. Но если бы Научное общество пожелало образовать полный комплект свода законов и судебных уставов, в Гушине нашлось бы большинство таких томов, а недостающие могли бы найтись в библиотеке князя Вяземского. Отобраны для Костромы книги преимущественно общенаучного содержания. Новых изданий почти нет. И это вполне понятно, Постников не любил читать. Он приобретал книги как случайный товар, и преимущественно в старых усадьбах. Поэтому же и между периодическими изданиями преобладают старые, гораздо полнее представленные в библиотеке князя Вяземского, где и будет дан их перечень. То же нужно сказать и о докладах земских - уездного и губернского собрания. У Постникова они есть, но не в таком количестве, как у князя Вяземского. И если бы научное общество пожелало образовать и этот новый комплект докладов по делам и вопросам местного края, оно нашло бы немало материалов в этих двух библиотеках.

Библиотека в Гушине занимает особую небольшую комнату и состоит из двух шкафов по одной - западной - стороне с отделениями внизу в виде ларей. Последний шкаф совершенно пустой. Несколько книг найдено в других комнатах и наверху в мезонине. Между ними немало с сельскохозяйственным содержанием. Разбитые книги и периодические издания валяются в библиотеке на полу.

Тетрадь и бумаг почти не оказалось. Взяв мною, между прочим, дневник хозяйки. Беглый его просмотр не обнаружил интересного содержания. Есть отметки вроде выдачи работникам денег или заметки, «что попы не удостоили своим посещением». Много листов найдено с отметкой температуры и часов для приема лекарств, это следы продолжительной болезни Постникова.

Произведений искусства не оказалось.

за исключением одного портрета размером 11 $\frac{1}{2}$ х11 $\frac{1}{2}$ аршина, по предположению, это Писемский, у которого куплено эта усадьба, но, возможно, что это Опурин или один из Вороновых. Есть еще 3 картины 17х13 вершков, изображает одна что-то вроде «Благочестиво-го семейства», другая - как будто «Рождество Богородицы», третья - тройку. Замечательна картина небольшого размера (в 1/2 листа обычной писчей бумаги) с изображением, как будто на слоновой бумаге, в рамке за стеклом - Глава Спасителя в терновом венце и с надписью: «Единый, единою чертою». Председатель Рылевской волостной совета, считающий себя осведомленным с делом живописи, ценит эту вещь в художественном отношении очень высоко. Это вполне допустимо. Но другие говорят, что эта картина в западном крае и особенно в Польше совсем не редкость. Кроме того, надпись «печатать разрешается». Профессор Голубицкий говорит, что она была у Троицы Сергея в цензурном комитете и, во всяком случае, не представляет оригинала. Ни одной из этих картин мне воспользоваться не позволили. Но председатель Рылевского волостного совета Д.А. Александров на мою просьбу снять с последней картины хоть какую-нибудь копию, хотя домашними средствами, изъявил свою готовность и свои услуги.

Все книги и бумаги, отобранные в Гущинской библиотеке, уложены в стальной (расширенный) ящик, заколочены гвоздями, завязаны веревками и сланы, до удобного пути, для слани на галичский вокзал заведующему отделом просвещения Рылевского волостного Совета Александру Ивановичу Бобровскому.

ГРЕМЯЧЕВО И НЕЛИДОВСКОЕ

Здесь же, в Харитонове, неделю спустя (23-30 октября) мною были на обратном пути разобраны две библиотеки из усадьб Гремячево и Нелидовское. Названные усадьбы находятся в стороне от Макарьевского тракта, недалеко от Харитоновы. Они принадлежали двум братьям Готьевицким - Петру и Алексею Кирилловичам, из которых один был страховым агентом и в молодых еще летах умер от невольной жизни, другой же, выставленный из усадьбы, жинет, как будто бы, в Галиче. Библиотеки из той и другой усадьбы были привезены в Харитонов на одном возу. В одну кучу свалены и книги, оставшиеся в Гущине. Из общей массы и должна быть образована в Елизаровском доме одна совеская Рылевская библиотека. Ее открытие предполагалось в дни революционных торжеств.

Разборка книг произведена мною в два приема. Отобрано не более 30-40 книг,

между ними несколько на французском языке: донесения о Петре II, Николае I и содержании II. Книги все исторического содержания.

ВОСКРЕСЕНСКОЕ

Это усадьба князя Вяземского. Она расположена по Макарьевскому тракту верстах в 20-ти от Харитоновы и в верстах 12-ти от Палкина. Принадлежит к Преображенской волости, совет которой находится в Палкине, в каменном доме Юнкюва.

Особый отпечаток порядочности и порядливости отличает эту усадьбу, он замечается и в доме, и в библиотеке, и в домоводстве, и в переписке, и на коллекциях, и даже в ученических тетрадках детей князя Вяземского.

Рязнообразие жизненных проявлений также отличает князей Вяземских. Они и сельские хозяева, и музыканты, и охотники, и пчеловоды, и переплетчики, и слесари, и столяры, коллекционеры. Кажется, все виды сельского хозяйства одинаково их интересовали: и лесоводство, и полеводство, и травосеение, садоводство, огородничество, цветоводство, скотоводство (крупный рогатый скот). В доме хороший рояль, несколько скрипок.

В сарае наверху старый клавесин и орган. Там же, в другом помещении, рыболовные принадлежности. При доме было несколько ружей, отобранных Советом. Есть сад, хотя и застарелый, пчельник, несколько прудов с карасями. Есть одна садовая статуя, несколько бюстов (6 больших и 4 малых), одна статуэтка. Внутренность дома говорит, что хозяева выехали только недавно и, может быть, не совсем. Часы идут, зеркала, стулья, столы стоят на своих местах, отрывной календарь показывает 24 августа 1918 года, и только некоторые комнаты получили новое, не свойственное им, назначение. По стенам висят картины, в библиотеке много фотографий, групповых и одиночных карточек, в углах сохранились святые иконы.

Библиотека (Павла Семичева). Сказанное, в частности, подтверждается и видом, и составом библиотеки. Она очень богатая, и только отчасти распрелана. Лучшая ее часть - украшение - библиотека Павла Семичева, сохраняет свой систематизированный вид. Эта библиотека Павла Семичева расположена в 4-х шкафах за №№ 1-4. Все книги заперены, все в одинаковых переплетках. Всех таких книг 1180 номеров.

Чтобы ознакомиться подробнее с содержанием библиотеки Павла Семичева, приведу перечень ее отделов:

1. Энциклопедии и история на французском языке, № 62 (между прочим есть История русской революции 1760 г.).
2. Духовные книги.

3. Законы.
4. Учебники.
5. Нравственно-критические книги.
6. Литература (беллетристика).
7. Путешествия.
8. История.
9. Театр.
10. Романы и повести.
11. Разного содержания.

Из этих книг мною не взято ни одной. Я не смел разрушать цельную систему литературного и научного богатства XVII в., собранного с такой полнотой и охраняемого с таким тщанием. Чувство, близкое к благоговению, говорило мне, что мой долг содействовать перемещению этого сокровища целиком из далекой и не безопасной глуши в центральную Кострому.

Я уверен, что, оставшая эта библиотека в Воскресенском, научное общество подвергает ее почти неминуемой опасности. Эта опасность угрожает с двух сторон: во-первых, от пожара, который, если случится, истребит все дотла, а во-вторых, от раздела этой библиотеки на части.

Заведующий отделом образования И. А. Голубицкий передавал мне, что это уже решено. Решено образовать в волости три библиотеки: в Палкине, в Крутцах и, кажется, в Малышкове. Так как более, чем у Вяземского, книг нигде нет, то и образовывать библиотеки будет не из чего, кроме той же библиотеки Вяземского. Потому научному обществу необходимо возможно скорее обратиться через уездный отдел образования в волостной отдел о немедленной присылке каталога библиотеки Павла Семичева в подлиннике на самое короткое время с обязательством возврата, например, в двухнедельный срок. Далее, тому же волостному отделу указать или напомнить, что согласно отношению губернского отдела просвещения № 2831 он обязан тщательно охранять библиотеки усадеб от расхищения, разрома и дележа по другим библиотекам. Наконец, с открытием санного пути, заручившись необходимыми полномочиями, имея у себя копию каталога, организовать перевозку этих книг в Кострому способом, который будет более удобным только.

Медлить с этим делом нельзя - потеря этих книг будет вовек невозвратимой потерей. Мало того. Так как перевозка книг до Галича за 40 верст стоит дороже, чем от Галича до Костромы, с другой стороны, в распоряжении волостного Совета есть несколько лошадей, то просить или, если можно, вменить в обязанность волостного Совета оказать содействие обществу натурой, распространяя это содействие и на книги, уже мною пригтовленные к отправке.

Между другими способами получить книги можно рекомендовать и гужевой транспорт - прямо из Воскресенского в

Кострому. Расстояние, как слышно, всего 120 верст.

Прочие книги, оставленные в Воскресенском. В связи с вопросом о перевозке книг из Воскресенского необходимо сказать несколько слов о книгах, которые я видел там, но которые не взял. Например, Физика на французском языке издания 1780 г., Геометрия, такая же древняя, Памятник из законов, Жалованная грамота дворянству, География 1730 года. Новейшее руководство к пользованию законами 1826 г., Гражданское право 1821 г.

Периодические издания: «Московские ведомости» 1730 г., «Отечественные записки» 1818 г., «Библиотека для чтения» 1834 г., «Сын Отечества» 1840 г., «Летопись войны» 1914 г., «Современник» и «Вестник Европы» 1805 г., «Русский архив», «Мир Божий», «Вестник иностранной литературы», «Московский телеграф», «Русское богатство», «Право», «Труды вольного экономического общества» за старые годы, «Новь», «Нива», «Иллюстрированное приложение», «Северный архив», «Заря», «Семейные вечера», «Всесообщая историческая библиотека» 1842 г.

Сюда не относятся следующие книги: «Свод законов», «Гражданское право», «Сибирская окраина», «Естественная история растительного царства», очень богатая энциклопедия по сельскому хозяйству (11 томов), «Сибирская дорога» (кажется, упакована), «Сибирь», «Алтай», «Полное домоводство» в 9-ти книгах, все книги по сельскому хозяйству и его разным видам, доклады губернского и уездного земских собраний по Костромской и по Олонцкой губерниям, Брэма «Жизнь животных».

Кстати, приведу названия книг из шкафа № 1 библиотеки Павла Семичева: Херасков, «Телемахиды», Богданов, Озеров, сборники и переводы, письма, путешествия XVIII в., история Щербатова, Плутарх, Пугачев, «История крестовых походов», Мишо - «История Наполеона», Бутурлина - «Екатерина II», «История русского народа» Полевого, «История Польши», водевили. Кроме книг, погружено много архивных бумаг и переписки. Есть также портреты, немного гравюр и картин.

Вещей мало, эплеты уложены, повторы, но много бумаг безжалостно перерты, и разобраться в них будет очень трудно. Это очень жаль ввиду того, что у Вяземских все бумаги хранились в перевязанном виде.

Положен 1 ящик (их 25) коллекций насекомых. Не положено ни одной монеты из коллекции монет, ни из коллекции почтовых марок, русских и иностранных, которые оставлены для местного музея.

С той же целью удержаны гипсовые изображения русских князей, начиная с Рюрика, размером с серебряный рубль.

Попытки отклетить их сопровождались разрушением. Их можно взять все или оставить все. Оставлены 6 бюстов больших и 4 малых, оставлены 3 каретных фонаря. Вся разборка библиотеки и упаковка окончены в 2 1/2 дня, причем последние поднята ушло на проверку и выемку отобранных уже мною вещей.

ИВАНОВСКОЕ. МАЛЫШЕВО, КРУТИЦЫ. ТУРИЛОВО. МИНДЮКИНО. ЗАВЕДЕНИЕ И ТЕМНОВО

30 октября я был в Воскресенском, направляясь к Галичу. Дорогою были собраны сведения о библиотеках и усадьбах Ивановское, Малышево, Крутицы и др. Во всех поименованных усадьбах библиотеки совершенно отсутствуют, хотя в некоторых из них они были. Например, в Ивановском, принадлежавшем Osten-Sakenу, отцу и сыну, выставленным из усадьбы. Той же участи подверглись отец и сын Лопатины из Малышева. Оба пристроились в Галиче, хотя сын и заслужил лучшего обращения за свое умение и желание заниматься сельским хозяйством. Говорят, это бывший артиллерист. Итак, если возможно предположить в этих двух усадьбах какие-либо книги, то не иные, как новейшие периодические издания, сельскохозяйственные и беллетристического содержания, но от них едва ли что осталось.

То же нужно сказать о Турилове и о Темново. То есть, если в них что и есть, то это беллетристика и книги по сель-

кому хозяйству.

Впрочем, в Турилове должны быть медицинские книги. В нем находится земская больница имени Александра Федоровича Горгалова, который выстроил ее за свой счет, затративший до 30 тысяч рублей и подаривший земству. Говорят, что в настоящее время больница не имеет лекарств. При Турилове есть показательные поля латышей, с них имеются в Галичском земстве снимки в особом альбоме юбилейного, 1913-го года. О Темнове можно сказать, что там книг вовсе нет, так мне сказали, и кто живет там и живет ли - неизвестно, хотя усадьба эта стоит недалеко от Харитоновой и большой дороги. Ее прежний владелец, лично мне известный, В. Я. Апушкин, лет 40 назад был видным деятелем Галичского земства, состоя ряд лет председателем управы.

Нет книг ни в Заведении, ни в Миндюкино. В последнем едва уцелела фамилия прежних владельцев - Банковских. На вопрос, не сохранилось ли у вас, Юлия Антоновна, чего-нибудь из старины, моя знакомая ответила: даже не сохранилось и земли, теперь у меня всего 27 десятин. Через полчаса я покинул эту усадьбу.

БОХЧИНО. ЯКУШКИНО, КОКОРЮКИНО. НОЖКИНО, ОЗДЕМИРОВО

Вблизи Галича расположены эти усадьбы. В каком состоянии они находятся - сказать определенно никто не мог. Старые владельцы давно переехали за исключением Кокорюкина. В последнем живет доктор Кавер. Проблешив

Неизвестная усадьба. Галичский уезд. Фото В. Кларка. Начало XX в.

несколько лет умственным расстройством, он оправился и начал управлять хозяйством. Совет его выставил, но крестьяне возвратили его в имение. Возможно, что у него есть библиотека. Остальные усадьбы давно перешли от своих коренных владельцев и книжных богатств своих не сохранили. В частности, про оземировского барина, известного Н.Л. Владимирову, известно, что он своими руками передал свои книги татарам, а потом вместе с имением - евреям.

Бохчино принадлежало его же роду, но еще отцом его передано было земству под училище, а Якушкино старши принадлежало галичскому купцу Грому, но охотнику до книг.

По другую сторону озеро мною обойденные следующие усадьбы:

ЗНАМЕНСКОЕ

Оно, как и другие усадьбы, расположено около озера и по реке Вексе. Усадьба занимает высокое положение, охватывая вереницы своих могучих сверстников - великанов елей, сосен и берез, всю котловину озера и все высокие усадьбы и деревни по другой его стороне.

Старый барин И.В. Марков сиднем сидел в родном гнезде, не покидая его даже для службы. Он был бережливым во всем, особенно к лесу, и вел обширное хозяйство. Многочисленные пустоши давали ему даровых косяков, лесинков, землеробов. Но он держал и наемных работников. При нем дом был полная чаша с дорогой мебелью и книгами. После него таким же сиднем сидел в Знаменском его сын, берега отчуждая достояние. Но хозяйство стало сокращаться, пустоши стали понемногу продаваться, леса сдаться на сруб, и, наконец, все было продано сразу за 250 тысяч рублей. Новыми владельцами выстроены лесопильный завод. Книжное богатство исчезло. Говорят, что последний Марков библиотеку частью вывез в какую-то деревню, часть продал, а частью подарил своему родственнику, известному Маркову - 2-му, бывшему члену Государственной думы. Но как будто для этой усадьбы испытаний было мало. Осенью 1917 г., во время пьяного погрома в Галиче, человека 2-3 пьяных кулиганов, набрав банду из подростков, переселились из Галича на другую сторону озера, направились в Знаменское и учинили там такой сокрушительный разгром, что теперь стоят от него одни стены.

Не уцелело ни икон, ни дверей, не говоря уже о мебели, зеркалах и прочем убранстве.

Меня не впустили в дом, так как прокинуть в него было нельзя сквозь забытые двери. Усадьба приняла вид как будто в ней только что похоронили хозяина. Несмотря на обилие строений, при

заводе - ни души.

«У Маркова все кончено», выразился один мой знакомый. Завод, однако, будто может работать, только приводных ремней нет. Они срезаны и украдены, вероятно, на подожвы.

СЫНКОВО, ВОЗНЕСЕНСКОЕ, РАГОЗИНО, ГРИШИННО, КОПТЕВО

Сынкovo отстоит от Знаменского верст 4-5. Прежде оно принадлежало Шигориним. Продано бывшими женовиками из Шокши Каликиными. С тех пор в нем велось интенсивное хозяйство. Такое же хозяйство велось и в далее расположенных усадьбах: Вознесенском, Рагозино, Гришине. Везде были коровы по несколько десятков, лошади, мелкий рогатый скот. Теперь все сокращено и роздано по деревням «белотен». В Вознесенском Юрениных будто бы нет ни коровы, ни лошади, ни курицы. Менее благоустроено было Коптево, потому что хозяин, Поленов, сам оставил свое добро, заколотил дом и уехал управлять в Самарскую губернию.

Все эти усадьбы взяты на учет Советами, к ним приставлены «управляющие, которых на местах называют «комиссарями». Книги переписаны и оставлены на местах. Эта книжная опись была у меня в руках. Оказалось, что книги есть только в Вознесенском и в Гришине. По Вознесенскому зарегистрировано 78 авторов, а книг всех 283. Журналы переименованы отдельно, их 16 названий. По Гришину, принадлежавшему фамилии Борисенко, значится книг 99 номеров. Есть также много периодических изданий, некоторых за несколько лет. Есть несколько десятков иностранных книг, но они не названы. Из этих двух библиотек - Вознесенской и Гришинской - мною предназначены к изъятию следующие:

1. Эллинская культура (По Бергу).
2. Древний мир.
3. Крестьянские начала семейной жизни.
4. Дворянство в России.
5. Народный лечебник.

(По 2-му отделу Вознесенского catalogs №№ 13, 22, 23, 25, 19 и 27)

Из Гришинской библиотеки:

1. Древняя история Востока (2 книги).
2. Древний Вавилон. (Никольского).
3. Сочинения Тьера.
4. Современная наука.

Что же касается до библиотеки в Сынкovo, то волостной совет даже не нашел нужным ее описать. И действительно, как я после узнал из достоверного источника, она представляет из себя кучу разбитых по полу листов, из которых удалось извлечь только одну целую книгу - «Новое слово».

О своем выборе книг для изъятия я

сообщил заместителю председателя (кажется, Смирнову) и обещал известить из Костромы.

Научному обществу предстоит высказаться: находит ли оно нужным переместить их. На этом мы договорились с председателем и разъехались.

Несомненно, однако, что в Гришине, кроме описанных книг, были еще и другие. Для меня это было ясно, когда я выдвинулся с Борисенко, и подтвердилось, когда я возвращался из Галича в Кострому. Оказалось, что Борисенко вывез с собою книги. Об этом совет догадался. Когда я путешествовал по уезду, у него был обыск. Найденные книги были отобраны, отобрана была и богатейшая коллекция монет (не включая и николаевских бумажных денег до 2-х с половиной тысяч рублей). Между своими книгами Борисенко назвал мне как редкость сочинения Тизо, Бокая, Тьера, Дренера, медицинское издание 1741 г. с гравюрами, иллюстрированные издания Дагте, Шекспира, Шиллера, Неллобина (Крутиковщина), Альфонса Кадра «Путешествие вокруг моего сада». Отечественные записки», 36 томов (30-40-е гг.), «Ниву», начиная с 1881 г., энциклопедический словарь Плюшара, сельскохозяйственную энциклопедию в нескольких томах.

Я предложил ему снести с научным обществом на предмет передачи этих книг. Борисенко согласился ради предупреждения конфискации. Но или не успел, или по другим причинам не сделал этого. И конфискация состоялась.

Научное общество должно взять на себя заботу и труд о перевозе этих книг в свое распоряжение, предварительно ознакомившись с каталогом библиотеки в Гришине через Борисенко. Конфискована она для Гришинского социалистического клуба, открытого 1-го октября.

Клуб помещается в усадьбном доме, большом каменном здании, переданном из свечного завода, приобретенного у капитана Никулина. Один амбар до сих пор сохраняет надпись «Свечной сальной завод». Владелец усадьбы, состоящий народным судьей в Галиче, переехал в Галич, мать и сестра выслены во филиат.

Между прочим Борисенко очень беспокоился о сельскохозяйственной энциклопедии, которая была конфискована, но была бы, по его мнению, более полезна в другом месте, именно в Сынготине, где намечен зерноочистительный пункт с заводским (агроном) А.Д. Бородатовым во главе. Может быть, научное общество взяло бы на себя труд по содействию этой мысли Борисенко, снесясь с Губернским земельным отделом. В руках Бородатова эта энциклопедия была бы прекрасным дополнением к его агрономической библиотеке.

Впрочем, как я узнал, эта библиотека уже взята какой-то следственной комис-

сней, но будет потом возвращена на агрономический пункт. Нужно также поблизиться или хотя бы ознакомиться с коллекцией монет Борисенко.

СЫНГОТНО И ОЛИФИНО

Упомянутая усадьба Сынготино старых книг не имеет. Олифино, гремевшее в старину, даже не столь отдаленную, своими оркестрами, с громадным оркеструемым снаружи домом, с двухцветным залом, хорами.

Молчаливо оно встретило меня, когда несколько лет назад проезжал здесь.

В нем было много ценностей и редкостей. По мере того как наступало дворянское оскудение, одни продавались, другие, менее дорогие, как, например, книги - выносились. В Олифине таким складочным местом для книг было так называемое «Сушило». Нужно же быть греху: лет 6 назад это «Сушило» сгорело. С ним сгорели все памятки старины. Это мне известно от живой еще свидетельницы и участницы былого величия - самой хозяйки. Одна, кажется, сохранилась в Олифине редкость - кабинет хозяина. Кабинет барина - все стены его были унизаны деревянными губками всевозможных сортов, и никаких других предметов в кабинет не допускалось. Говорят, что там, в усадьбе до сих пор сохраняются две пушки, не украденные по сей день из-за их тяжести.

ЧМУТОВО

Не менее громкой славой по всей галичской округе пользовалось в свое время Чмутово, принадлежавшее Макаевым. Олифино славилось привольной и широкой жизнью, а и Макаевы не отказывали себе в этом. Но в то же время Чмутово было известно как дворянский административный центр.

Андрей Ал. Макаевы, пострадавший в молодости, в университетские годы, за свои политические убеждения временной высшей из пределов России (может быть, эмигрировал сам), человек с большими связями, он был скоро реабилитирован. Началась служба по выбору. Превосходший всех в уезде по образованию и по природным талантам, он быстро приобрел монопольное влияние, которым и пользовался в самой широкой степени. В его руках, как предводителя дворянства, сосредоточились все нити и узлы. Он председательствовал на всех совещаниях, замещал должности, распоряжался деньгами, не допуская их законных проверок. Барские привычки при скудных собственных средствах не допускали сокращения расходов. Не проходило дня, чтобы в Чмутове не сидело за обедом чужих людей. Не было случаев, чтобы Макаевы проездом через деревню не бросал мальчишкам, отворяя ворота,

Музей местного края. «Уголок усадебной гостиной». 1925 г.

горстями мелких серебряных и медных монет. Кредиты, однако, были исчерпаны и переобременены процентами. Оставалось одно - жить не по средствам, и средство к этому - общественыя деньги. Однажды Макаеву предложили произвести ревизию сумм дворянской опеки. У него не оказалось с собою ключа. Вскоре в Чмутово явился полицейский пристав с приказом арестовать Макаевых.

Последний попросил позволения пообедать дома и отдохнуть после обеда по своей привычке. Когда ж его начали будить в назначенный для отъезда час, он был уже бездыханным. И все принятые меры, чтобы привести его в чувство, произвели одно только действие - он на мгновение и только один раз приоткрыл глаз и навеки закрыл глаза. И хороший, гуманный человек, но-барин погиб. Похоронили его на родном кладбище в простой могиле. Никого не может быть сомнения, что в Чмутове были и ценные книги, и редкие в музейном отношении вещи. Но часть книг перешла к новым владельцам, а часть была раздрана еще при жизни самим покойным. Может быть, разборка книг библиотеки Вяземского обнаружит там и некоторые книги Макаевых. Не мешало бы навести справки о судьбе и содержании этих книг в Бусе, у Квасникова, я думаю, что у этого бывшего буржуа были описи, не обнаружат ли они этих книг?

НАГАТИНО

Обладателями этой усадьбы, как помнит последний её хозяин Н.П.Завьялов,

были Фомины, от них усадьба перешла к С.П.Шипову, дворянину, хорошему человеку, но не умевшему по одежке протягивать ножки. Нужда и семья заставили его служить, он был судебным приставом. Эта служба плохо обеспечивала материально, заставляла бросить хозяйство и жить в городе. Обищительный малый, С.П.Шипов в городе проживал всё и проигрывал всё, что добывал. Долги, в конце концов, заставили его продать усадьбу, предварительно заложившую. Но Н.П.Завьялов, купивший усадьбу, сын галичского купца, улучшил хозяйство. Теперь усадьба от него отобрана со всем хлебом, скотом, причем ему не оставлено буквально ничего. Книг, по словам Завьялова, в усадьбе никаких не было и нет. Обогнувши озеро в юго-западном направлении, к границе с Буйским уездом, я отправился в северном направлении, к Солгаличскому уезду. Здесь господствуют леса, и на расстоянии верст с 10 ни одной усадьбы не встречается.

Зато в приходе Олешни мы встречаем сразу на протяжении каких-либо двух верст 4 усадьбы или, правильнее, их разновидности:

БАКЛАНОВО, ДЮДЬКОВО, СЕЛИВАНОВО И РУБЦОВО

Потреховые тени их прежних владельцев, как живые, встают передо мною. В.Е. и И. Ждановы, Травин, Шапский В.Я. - недавно умершие, барыня Селивановская, задуманная своими дворянами в Троицкии день во время обеда,

князя Шаховской, оставивший память о своих псовых охотах...

Все эти усадьбы пережили на протяжении простых крестьянских хозяйств. Только некоторые признаки, вроде следов от цветочных картин и ям от прудов, остатки акаций говорят, и то не всякому, что некогда здесь шла другая жизнь. Предания хранят рассказы о разных случаях из жизни в этих усадьбах, но нет и помину о чем-либо, говорящем о культуре и о книгах. Поворачивая к северо-востоку и к юго-востоку, мы вновь начинаем приближаться к тому же Галичскому озеру, но с восточной стороны, от Солигалича и от Чухломы. По дороге первой попадается усадьба

БАЧМАНОВО

Эту усадьбу я помню новенькой, и сиглоу. Каждый год, в течение 50 с лишком лет, я ходил и ездил мимо неё. Она стояла все в одном виде, отстроенная, но законченная. Геней, какой-то покровитель охранял её. Только время попомногу, лет через 30, начало производить здесь своё разрушительное действие. Но когда у её владельца, г-на Каширева, уехавшего куда-то далеко, купил её галичский купец Архангельский, отремонтировал капитальным образом, она, открыв глаза свои на некоторое время, снова их закрыла и снова стоит законченная, принимающая своих хозяев только иногда, летом, и то на короткое время.

Сейчас её обитатели - семья латышей, она помещается в людской при скотном дворе. Я просил показать мне дом, обошел комнаты, поднялся на чердак, везде покой и пустота. А была - сказал мне мой провожатый - хорошая старинная мебель, но еще недавно владелец продал её ловкому татарину, не заплатившему, кстати, за неё денег.

Приближаясь к озеру с северо-восточной стороны, как и на северо-западе, мы встречаем целый ряд усадеб.

В селе Туровском их две:

ТУРОВСКОЕ

Усадьбы Н.И.Чалеевой и Сумароковых. Обе смежные. Дома их стояли по соседству. Но уцелел лишь один - Чалеевой. Он выглядит очень светлым, как будто отремонтирован совсем недавно. В нем сохранились толстые цветные стёкла в рамах. Перед ним расстелено во всю свою длину озеро, окруженное Галичем.

Обойдя кругом и постучавшись в несколько дверей, я не встретил ни одного живого существа.

Но мне было известно, где можно добыть нужные сведения, и я их добыл. Наталья Ивановна Чалеева умерла в 1864 году. Она оставила замечательное завещание о своих похоронах, которое архирей, лично её посещавший в усадьбе, отменил во внимание к её званию - «храмосодельницы». Храм, построенный её - одно изъятие и богатство, он, кажется, и не может быть неопытным. Что, в самом деле, может пристать к витым, из розового стекла, колоннам по сторонам царских врат?

Вся утварь, не исключая и ладонницы, серебряная. И вся - тонкой работы.

Особенно выделяются ковчежцы для хранения на престоле запасных даров и риза на образе Спасителя за престолом. Она галечная, но сделана с таким искусством галичским мастером Горшковым, что знатоки ещё в старое время ценили её в 10 тысяч рублей.

Всё имущество, движимое и недвижимое, после умершей Чалеевой досталось вместе со шкатулкой, обложенной золотом, племяннику её, Ивану Николаевичу Чалееву, бывшему в Костроме жандармским полковником. Он жил в доме, теперь принадлежавшем Н.М.Рябинцеву. Известный был балето-театралом*.

В числе прочего имущества ему достались и вся библиотека, и все бумаги. Все это он увез в Кострому. Служивший у него чиновник К. видел его библиотеку после и уверял, что она очень богатая.

Мебель оставалась долгое время в усадьбе, пока новый владелец, подрядчик Щетинин, не распродал её. Зеркало, каких теперь уже нет, можно видеть в Костроме. Хозяин его купил и мебель тоже, но уже перепродал знакомому, но она ещё цела.

Завещание Н.И.Чалеевой относительно просфоры и церковного вина, а также вознаграждения духовенству, как сказано выше, архирей отменил.

Сумароковой усадьбы не сохранилось вовсе. Есть только земля и скотный двор с избой для рабочих.

ЛЫСКОВО, ЛЕЖНИНО, ТАРАСОВО И БАРСКОЕ

Первые три усадьбы расположены к западу от Туровского на расстояниях 2-х

верст. Все они давно потеряли облик усадеб за исключением, разве, Тарасова, некогда славившегося своим святым. Первые же две приобретены были купцами - Соколовыми и Яблочкиными, третья - сначала провизором Б., а от него, когда он «прошкоровался», купцами Дубовыми. От Барского же, как от усадеб, сохранилась одна роша.

Я лично знал последних представительниц Лыскова и Барского А.П.Бельеву и А.И.Нелидову. Они дожили в Галиче всей век на оставшихся у них денег безбедно.

Первая жила в тесном кругу своих знакомых, последние, не ограничиваясь ими, еще и в клубе, будучи его членом - единственная из женского пола и постоянная его посетительница. Она постоянно проигрывала, но не проигралась. Никаких умственных интересов они не знали, и библиотек нигде у них не имелось и не осталось.

Тов же время с другой стороны Туровского, к Чухломскому тракту, красовалась на высоком плато открытая вдали и закрытая лесом вблизи усадьба

ПОПОВСКОЕ

Это была полная противоположность умственному и материальному образу жизни трёх предыдущих усадеб. Богатая земля, с пустошами и лесными дачами, она принадлежала знаменитому писателю Болеславу Михайловичу Марквичу**. В своих романах он изобразил перелом в русской жизни перед реформами Александра II. Принадлежит к придворным сферам, он соединял известность внешнего обхождения с внутренним благородством и образованством, почему один из анекдотов об его посещении приходского храма кажется мне совсем не заслуживающим доверия.

При нем в Поповском было собрано громадное богатство произведений науки и искусства. Всё, однако, исчезло без следа, если не считать громадного мучала медведя. Оно кому-то, теперь занимающей Поповское, не нужно. Чучело стоит в кадлушке около кладовки и может испортиться.

Его бы следовало перевезти в Кострому для музея. В лесной даче «Привалкино», принадлежавшей к этой усадьбе, медведь водился много. Были они и

*Примечание переписчика: Дом Н.М.Рябинцева - на углу быв. Никольской /ныне ул.Свердлова/ и Смоленской улиц. А.Григоров.

**Примечание переписчика:

Марквич, Болеслав Михайлович: 1822-1884. Окончил Одесский Ришельевский лицей. Служил в министерстве народного просвещения с 1848 по 1875 г.

Писатель, автор многих романов: «Четверть века назад», «Бедня», «Перелом» и мн.др. Литературную деятельность начал с конца 40-х годов. Сотрудничал в «Русском вестнике» и в «Московских ведомостях». Полное собрание сочинений вышло в 1885 г. А.Григоров.

поблизости от самого Поповского.

Изрук Маркевича усадьба переходила в руки в руки от одного владельца к другому, была и в руках спекулянтов. Дом, если верить соседям, имел 32 комнаты, но он сгорел и был разобран на кирпич. Теперь усадьба представляет собою дачу, выглядывающую очень приятно. Её выстроил последний владелец, Поляков, акционер и банковский деятель.

Флигель - каменное здание длинное и низкое, такой же двор. Особенность последнего в том, что представляет из себя соединенных две стройки с пустым пространством внутри. Внутри ведут ворота. Это - скотный двор.

В Поповском поселилась коммуна из трёх семейств. Мне показали библиотеку, она в холодном чулане, описана, будто бы, Чайниным, членом Костромского земельного отдела, и Коротковым из Галича. Вся библиотека занимает небольшие полки. Между изданиями преобладают «Русское богатство» и «Нива». Есть книжки «Нового слова». Из неперидических изданий попала мне книга Кельнера «Мысли о воспитании». Куда же делались ценности? Первое бедствие, их посетившее, был пожар. Вероятно, много погорело и многое было растащено.

Но мне хорошо известно, что часть книг от пожара ушла. Они были свалены в кучу в сарае. После мой знакомый видел сочинения Вольтера на французском языке. Но вот, книги все эти проданы на вес.

Нужно иметь в виду, что после Маркевича имение это пережило 5 различных хозяев и между ними одного арендатора, причем сменялись и управляющие. При этих условиях трудно ожидать, чтобы в Поповском сохранилось что-либо ценное.

ЛУКЬЯНОВО

Оно лежит всего в 2 верстах от Поповского. Принадлежит Г.П.Языкову. Это родовая усадьба, когда-то владевшая 400 десятинами земли. У настоящего владельца отобрали почти всё, оставив ему небольшой участок. Так потеряна собственность, которой насчитывается 600 лет. Дом большой, но это уже не старый, прадедовский, тот был гораздо больше.

Хозяин усадьбы - хороший фотограф, занимавшийся у московского Карелина. Его виды Нижегородской губернии фигурировали на нижегородской выставке. Галичское земство выставило в 1913 году на костромской выставке альбом снимков школ, больниц, волостных правлений, сельскохозяйственных складов, показательных полей, мостов и прочего. Негативы целы, Языков их продает по 20 рублей за штуку.

Я предлагал ему снять усадьбу, ко-

торые можно. Он соглашается не дешевле 35 рублей, если только найдет материалы. Он говорит, что есть архивные материалы - грамоты, например, но он уже их обещал в Москву. Есть еще, по его словам, в церкви Покрова, где он состоит церковным старостой, две грамоты, подарены в церковь Маркевичем.

Они распреяны, но из двух возможно составить одну. Не найдет ли возможно научное общество поднять вопрос о лострах?

Карточку со своей усадьбы и неудачную карточку с одного поля Языков мне передал. Их при сем прилагаю.

БЫКОВО

Хорошая усадьба Готовцевых. Коренные господа в ней не жили и не глядя продали своему же управляющему. Не предполагая поэтому, чтобы там были книги и архивы.

АЛЕКСИНО

В нем два дома, хорошие службы, кирпичный сарай, много скота, большая запашка. Усадьба отобранана под рассадник скота. Прежние владельцы - Налётовы. Лет 40 назад переехали сюда из Владимирской губернии. Они были плохие хозяева, и усадьба упала. Её поднял последний владелец, Горталов, но плодами своих трудов не успел насладиться.

Он был земским начальником до последних дней. Поэтому я имел основания спросить у него архивных материалов, интересных в бытовом отношении.

Горталов ответил, что после него в Алексине осталась целая гора документов, но что интереса они никакого не представляют. Горталов был земским начальником более 10-ти лет. Не выпшет ли оставшийся после него архив научное общество?

Других остатков старины в усадьбе не осталось. Что было - Горталов взял с собой. То же, говорил он мне, сделали и другие помещики, высленные из своих имений. У всех что-нибудь было и есть. Он показал мне французские настольные часы - они - древность, но такими вещами дорожат. У Налётовых прежде были различные акты и грамоты, но Варвара Александровна Налётова отдала их археологу Н.В.Калачову. Этот Калачов таким же образом отобрал и другие усадьбы. А издал ли он эти грамоты - неизвестно.

Не примет ли мер научное общество к разысканию этого Калачова и собранных им материалов?

В этой усадьбе оставлены хозяева. Так как имение давно состоит в ведении фамилии Ивановых-Дружинных, то возможно предположить у них книги и

документы, имеющие известную ценность.

Обследованные мною усадьбы расположены в юго-восточной, восточной, северной и западной сторонах.

Усадьбы, находящиеся на границах с Буйским, Костромским и Кинешемским уездами, мною посещены не были. О некоторых из них у меня сведения имеются. Так, вблизи Нового Сумарокова по Молвитинскому тракту есть две усадьбы: Королятию Пановой-Хотинской и Тельково-Ерлыковой.

КОРОЛЯТИЮ, ТЕЛЯКОВО

Что первая усадьба расхищена, об этом я уже говорил. Что касается библиотеки, то её в Королятии не было, так как владелица большую часть времени проводила в Москве в своем собственном доме. Усадебный сад дом террасарный занят волостным военным комиссаром.

Тельково Ерлыковой с начала года едва не превратилось в гимназию, так как владелица открыла там трудовую школу нового типа. Волостной совет имел ту же мысль при посещении этой школы.

Но не хватило ни средств, ни учебного и жилого материала, ни учебных сил, и дом оказался занятым трудовой артелью, а сама Ерлыкова переселилась в Галич, где близка к нищенскому состоянию. Говорит она, что у неё есть грамота времен Алексея Михайловича, данная некоему Сумарокову на владение земель, отчего и пошло название Сумароково. Ерлыкова согласна эту грамоту продать. Довожу об этом до сведения научного общества.

В заключение считаю нелишним высказать предложение, что командировки за добыванием книг и архивов можно заменить другим способом, а именно добыванием от Советов описей о принятом на учет книжном, архивном и музейном имуществе, а потом, согласно описям, перевести в Кострому часть этого имущества, имеющую общий научный и т.п. интерес.

Этот способ будет дешевле, но, конечно, не всегда приведет к цели.

1918 год, 9 ноября.

Расчёт: получено авансом на расходы 1800 рублей. Истрачено 1211 рублей 79 копеек. Остается у меня 588 рублей 21 коп. Книжку расходов с расписками прилагаю при сем.

Добавляю, что на прогоны не истрачено ничего, потому что дороги и цены были невозможные. Я ходил пешком и сделал 140-вёрст.

Лариса КОВАЛЕВА

Кое-что о времени царя-плотника

Три века прошло с тех пор, как Великий Преобразователь направил реку русской истории в новое, казавшееся ему более верным, русло. Изменения следовали быстро, ломая и старые привычки, и уклад жизни людей.

Реформы органов власти и управления шли одновременно с реформами в армии, созданием флота, реформой церковного управления, финансовой реформой. Менялись центральные и местные органы управления, которые получали не только новые названия, но и функции.

В Государственном архиве Костромской области документов этого периода очень мало, к тому же, в основном, они не описаны. Это документы различных учреждений, находившихся в Костроме; современным языком - входящая корреспонденция. То, что мы имеем их в наших хранилищах, скорее случайность, чем закономерность. В конце 40-х гг. XX века проводилась политика стигивания особо ценных документов - к ним, безусловно, относятся и материалы петровского периода - в центральные архивы, в частности, в ЦГАДА¹. Переехали туда фонды Костромской приказной избы, Костромской провинциальной канцелярии и некоторые другие. Можно, конечно, порадоваться, что не погибли они в пожаре 1982 г., но при современных условиях жизни костромские историки и краеведы практически не могут заниматься изучением этих источников. Если б можно было получить их обратно...

Постараемся воспользоваться информацией, которой мы располагаем. В начале XVIII века Кострома была центром Костромского уезда, управлявшегося воеводой, которому поручался набор войска, раздача денежного и хлебного жалованья, надзор за благонадежностью, ведение судебных дел.

По указу от 30 января 1699 г.² посадское население, купечество могли избавить себя от власти воевод, если

считали, что власть эта обременительна для них, несет с собой обиды от приказных людей, поборы и взятки. Было позволено «посадским и купеческим и промышленным и уездным людям для всяких своих мирских росправных и челобитчиковых дел и для

Военный костюм петровской эпохи.

сбору доходов выбирать в Земские избы меж себя людей добрых и правдивых, кого они похотят». За эту милость, освобождающую от взятки воеводских, посадские люди должны были заплатить в государственную казну - их окладные сборы увеличивались вдвое.

Когда указом от 18 декабря 1708 г. территория России была раскrojена на 8 обширных губерний, Кострома с уездом вошла в состав Московской³. Всего губерния состояла из 39 городов.

Первым московским губернатором стал боярин Т.Н.Стрешнев, сосредоточивший в руках власть административную, судебную и военную⁴. При нем была сформирована губернская канцелярия, из которой шли многочисленные указы от имени Великого Государя Петра Алексеевича и от приказов: Провиантского, Поместного, Большого двorca и других уездным, а чуть позже, провинциальным властям.

Из изученных документов наиболее ранний, адресованный в Костромскую провинцию, датирован 21 декабря 1711г.⁵ К 1712-1715 гг. провинции стали уже признанными административно-территориальными единицами⁶.

Возглавлял ее обер-комендант. В 1712 г. - начале 1713 г. им был Юрий Захарович Красников, в 1713 г. - Степан Лукьянович Изъединов.

С этим последним произошло весьма неприятная история. В начале 1714 г. в Москве было получено подметное письмо, проше говоря анонимный донос о взятках и притеснениях со стороны костромского коменданта Степана Изъединова и подьячих. Письмо это попало в руки «тайному советнику и генералу пленипонтецариу крик-комиссару» князю Якову Федоровичу Долгорукову. Просвещенный XVIII век вовсе не отличался мягкостью, и взятки казначались самым суровым образом. Подметное письмо приняли к сведению, завели дело. К московскому губернатору Алексею Петровичу Салтыкову было направлено доношение, а из губернской канцелярии - указ костромскому комиссару Петру Кирилловичу Подьяльскому, надзирающему за провинциальными финансами.

Указ гласил: « (...) Степана Изъединова и подьячих в обидах и во взятках допросить, а из допросу именные их движимое и недвижимое, описав, отписать на его Великого Государя. И как к тебе сей Великого Государя указ подан будет, и ты б именные их,

Степаново и подьячих, движимое и недвижимое, описал на Великого Государя по розыску, буде они явятся виновны»⁷.

Вероятно, розыск, или следствие о взятках закончилось для Степана Лукьяновича неблагоприятно, т.к. деле марта 1714 г., именно тогда был дан ход делу, его имя больше не встречается в просмотренных документах.

Вероятно, временно обязанности обер-коменданта выполнял провинциальный комиссар, так как именно Петру Кирилловичу Подляскому, как коменданту, адресован указ из Поместного приказа в июле 1714 г. и в феврале 1715 г.; в то же время в других документах его именуют провинциальным комиссаром.

И, как к комиссару, идут к нему указы, не имеющие отношения к финансовой деятельности. Так, в феврале 1715 г. он должен был выслать в Преображенский приказ колодника, в июле 1715 г. ему был отправлен указ из Военной канцелярии о высылке в Санкт-Петербург недорослей для определения в Преображенский и Семеновский полки⁸. Но возможно, здесь шло просто размывание функций, принадлежащих различным провинциальным чиновникам.

Обер-коменданту подчинялись коменданты, руководившие территориями, прилегавшими к костромским пригородкам: Кадыеву, Любиму, Бую, Нерехте.

В начале XVIII в. российское государство остро нуждалось в деньгах и солдатах. Деньги же, в свою очередь, в большей степени шли на создание и содержание армии и флота. Средства, естественно, должно было доставлять податное население. Но так как подданные вряд ли с готовностью отдавали необходимые суммы, убеждать и принуждать их и призваны были обер-коменданты.

Несполнение своих обязанностей местными чиновниками каралось по законам военного времени - Россия в это время находилась в состоянии войны со Швецией⁹. Обер-коменданты отвечали за исполнение указов не только своим имуществом, но и своей спиной.

В 1713 г. в Московскую губернию канцелярью были вызваны обер-коменданты провинций, не уплачивших окладные и домочные сборы, из-за чего Московская губерния ходила

в должниках и, должно быть, находилась в немилости у государя. Так вот, обер-коменданты были «(...)держаны в губернской канцелярии и в Провиантском приказе и истезаны (...)». Как именно «истезаны» - неясно. Затем, получив такое внушение, отпущены до первой январской трети 1714 г. Одновременно, чтобы по забывчивости не было чего упущено, во след им из канцелярии на имя самих же обер-комендантов были направлены указы, где подробно переписывалось, сколько конкретно денег, про-

Бык и мясник. Старинная лубочная картина.

вианта и лошадей надлежало собрать и освидетельствовать «пустоты» (пустые дворы) за прошедшие 1711, 1712 и нынешний 1713 гг.

Подати в это время собирали со двора, что было весьма неудобно и не приносило необходимых средств правительству, которое было занято изобретением новых косвенных налогов. При этом число работников в деревнях - главных поставщиках налогов - сокращалось в результате непрерывных рекрутских наборов, число которых с 1699 по 1725 гг. составило 53¹⁰.

Можно представить, каково приходилось старостам и выборным тех деревень, где не находилось требуемых средств. Обер-коменданты, поставленные перед угрозой собственного

полного разорения, в случае невыполнения указа о сборе налогов вряд ли спускали недоборы и без того нищему населению. « (...) А покамест они, обер-коменданты, во всем помянутом исправити, а дотеле дворов их и деревень ни по каким зделкам ни за кем не крепить и не справлять»¹¹. Таким образом, имение чиновников становилось залогом их рачения.

В помощь Степану Лукьяновичу Изъединову направлен был в Костромю его предшественник - Юрий Захарович Красников. Вероятно потому, что недомки образовались во время его правления.

Обер-коменданты имели полную власть над комендантами. На них первых и излили гнев. Почувствовав на себе неудовольствие верховных властей, коменданты начали ставить на правех крестьянских старост и выборных. А правех - это и пытки, и содержание под стражей на голодный паек, покада не будет уплачен долг.

За действиями обер-коменданта должен был надирать подьячий и непрестанно напоминать ему о вотчинниках и помещиках - недомщиках. «Чтобы ты по домочному росписям по неплатежщикам и по старосте посылал с великим посещением, и тех прикащиков и старост в неплатеже правянта и денег, и лошадей в день бить на правех, а к ночи сажать в тюрьму до тех мест, как против домочных именных росписей деньги и лошади заплалят сполна, а с провиантом вышлот и явят платежные отписи. А нижних чинов, в которых поместьях прикащиков и старост нет, иметь самих помещиков и чинить по вышписанному»¹². Цитируемый указ датирован 10 января 1714 г., т.е. прошла первая январская треть - срок, данный обер-комендантам для сбора недомок за три года. Здесь же вновь напоминались кары, если откроется «опноровка» (т.е. послабление) неплательщикам. Заодно необходимо было припугнуть и подьячего. В случае уже его «опноровки» обер-коменданту подьячий мог готовиться к вечной каторге.

Ну, а в марте 1714 г., как уже было сказано, пришел донос о взятках. Возможно, кто-то пытался откупиться и заплатить меньшую сумму обер-коменданту, чем налог государству, а кто-то из битых и держанных на пра-

уже решил сквитаться с обидчиком таким старым и верным средством, как подметное письмо. Но возможен и вариант вымогательства большей суммы, чем требовалось.

Кроме денег и провианта, провинции поставляли на военные нужды лошадей драгуных (т.е. верховых) и подводных. В 1713 г. лошадь или деньги для ее покупки брали со 140 крестьянских дворов, у купечества - со 140 рублей. Лошадей должно было приобретать добрых, «летами от шести до десяти лет». Всего Костромская провинция обязана была доставить в Провиантский приказ 283 лошади «с 39,574 дворов и рублев»¹³.

Подводные лошади поставлялись вместе с подводами или санями. На каждую полагалось иметь овса «по четверти да денег на покупку сена в дороге на месяц по 10 денег на сутки (...) Санем, хомутам, рогожам быть с каждою лошадыю по прежнему указу». Чтобы избежать присылки негодных лошадей «худых и заморенных», делалось предупреждение, что все спршено будет «на гонщиках»¹⁴.

Вообще, угрозы в адрес местных властей посылались чуть ли не в каждом указе, очевидно, те были весьма нерасторопны, что и подтверждается ходом и итогами первой переписи населения в 1719 г., когда эстафету управления вверенной территорией от комендантов получили ландраты.

Указом от 28 января 1715 г.¹⁵ в тех городах, где не было гарнизонов, должности обер-коменданта и комендантов упразднялись. Введено было новое понятие - доля. Доля - административно-территориальная единица, охватывающая территорию, на которой находилось 5.536 тяглых дворов, «или по сколько будет удобнее».

Ландраты были наделены административной и судебной властью, ведали финансами. Власть их, однако, не распространялась на посадское население, т.е. жителей городов, которыми управляли выборные земские бурмистры. Подчиняясь непосредственно губернатору, ландраты поочередно находились в губернской канцелярии по месяцу или по два и обязательно являлись в Москву в конце года. В это время ландрата замещал комиссар, обычно ведавший сборами и земскими делами. По указу жалованья им было положено: ландрату - 120 руб. в год, комиссару - 60.

Первым костромским ландратом

стал Семен Федорович Бредихин, исполнявший эту хлопотную должность на протяжении нескольких лет.

Главной и основной обязанностью ландратов, как и коменданта, было недопущение недоимок по многочисленным сборам, а для этого постоянно уточнялось количество тяглых дворов. Но подворные переписи уже не удовлетворяли государственную казну. Назрела необходимость учесть все податное население.

В результате деятельности государства по учету населения сложилось два комплекса документов: указы из Московской губернской канцелярии ландрату и Именные и Перечневые книги.

Первый указ был послан из Москвы 20 февраля 1719 г. В нем говорилось: «(...) Его Царского Величества указ в Сенате состоялся ради генерального армейских полков расположения на всех крестьян сего государства переписи и о взятии во всех губерниях (о мужеском) полу, необходима от старого до последнего (младенца с летами их, которые велено окончат в сем настоящем году без всякого отлагательства. И о том послать из Сената к губернаторам указы, чтоб они по тому Его Царского Величества именованному указу исправляли как наилучше со всяким прилежанием под жестоким его государевым гневом и раззорением, и оные сказки из губерний присылали б в Санкт-Петербурх (бри-

гадире) Зотову (...).

И чтоб чинить по тому его Царского Величества именованному указу во всем неотменно. И оной (...) указ по близковать посланными при сем указе печатными листами (...).

И как ты сей Великого Государя указ получишь, и ты б в доле своей чинил о том по вышеписанному.

У сего указу Великого Государя печать.

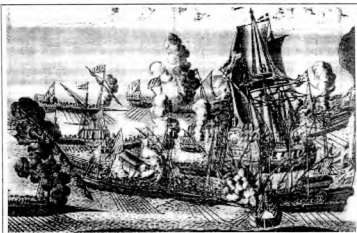
Справил Степан Харламов.

1719 февраля 20 дня»¹⁶.

Но как говорится: «Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается».

В июле пришел повторный указ, и в сентябре. В октябре прислали уже указы с угрозами: «А именованно, деревни, на которые сказок не подадут, отписать на Великого Государя без возврата, а отговорки в том никакой не иметь, и ни на какие отговорки надеяния не имели и более сего подтвердительных указов не ожидали б, точно жежили в октябре месяце не придет, учинено будет против вышеписанного»¹⁷.

По прошествии одной трети месяца, т.е. 10 дней, вновь был послан указ, в котором угрозы перемежались с увещеванием: « (...) и вышепомянутых сказок не только в присылке есть, но и розных губерний о получении о том посланных указов не ответствовано, время указанного срока проходит, а именованно до 720-го году осталось

Сражение при Гануте. Гравюра А. Зубова. 1715 г.

только четыре месяца. Для того сам его, Великого Государя, указом подтверждается, дабы ко объявленному его Царского Величества имянному указу оные сказки изво всем тем присланы были, конечно, в нынешних скорых числах с нарочными, старыми подьячими и при них с молодыми, смотря по числу сказок, дабы оными подьячими мочно было из тех сказок надлежашие ведомости сочинить, или какая явница в тех сказках несправна, могли в том ответ дать. И чтоб о присылке тех сказок учинили (...) неотложно, понеже оных требует необходимая государственная нужда. А буде (...) за неспрыскою в расположении (воинских) полков учиницца остановка, и то на управителех, на ком то дело положено, взыщется ко его Царского Величества указу на преслушниках жестоко (...)

1719 октября 20 день¹⁸.

Чтобы поторопить владельцев, в станы и волости были направлены рассыльщики, обязанные объехать поместья и вотчины, и собрать приказчиков, старост и выборных, а также самих помещиков и однодворцев. А самим доставить их на станцию в пригород Нерехте к ландрату Семену Федоровичу Бредихину¹⁹.

Ох, как не хотелось помещикам указывать, переписывать своих крепостных. Знали, что повяжутся денежные сборы, значит, меньше будет доходов владельцам, разорительнее крестьянам. И ратников станут брать больше. Поэтому при составлении сказок старались утаить как можно больше, укрывали взрослых, не писали младенцев. К тому же сведения поступали крайне медленно. Но в конце ноября 1719 г. ландрат все же отпортовал об отправлении сказок в Москву. Черновая его отписка сохранилась²⁰.

Результаты первой переписи мужского податного населения не удовлетворили правительство, которое решило перепроверить данные - обревизовать своих подданных. В итоге ревизий появились именные и перечневые книги, которые в настоящее время являются источниками не только по генеалогии, топонимике, истории армии, краеведению. Они освещают взаимоотношения государства и государственных чиновников с земледельцами.

Рассмотрим ход проведения первой

российской переписи податного населения на примере Кинешемской волости Кинешемского уезда. Перепись проходила здесь с 1719 по 1723 гг. пять раз. Переписывали «прибыльщи» крестьян, неучтенных ранее, купленных, пришедших из бегов, переведенных из других провинций, оставшихся рекрут, уточнили возраст - т.е. проводили сыск. Результаты получились поразительные. Возьмем, к примеру, деревню Раменную Кинешемского уезда, принадлежавшую Петру Алексеевичу Давыдову. В 1719 г. мая в 15 день староста деревни Абросим Михайлов подал сказки на 13 крепостных. По переписи 1720 года вновь прибыли, т.е. вновь учтены еще 15 человек, в 1723 - явились еще 15, «а сверх осмотра и свидетельства при подновительной сказке объявлен приходивший из бегов крестьянин (...) Михайло Семенов». Всего в деревне проживало 44 мальчика и мужчины. Разница составила почти 4 раза. Подобная картина предстала по всей волости. Если по сказкам 1719 г. приказчиков, дворовых людей, скотников и крестьян - 2.428 человек, то по свидетельству 1723 г. - 4. 928²¹.

В именной книге, о которой шла речь, переписаны все крепостные по населенным пунктам, их имена и возраст.

В перечневых книгах данные именных обобщены. Здесь указаны имена владельцев, названия сел и деревень и количество податных, непосредственно приписанных к тому полку и той роте, которые они должны были снабжать деньгами, провиантом, лошадами и прочим. Так, Владычешская и часть Мериновской волости Кинешемского уезда снабжали 1-ю роту нехотного грендерского Фонгагина полка, переименованного к 1729 г. в Угличский, другая часть Мериновской волости, Кинешемская и Вичутская - 2-ю роту²².

Кинешма в это время входила в состав Ярославской провинции Московской губернии.

Кострома же по новому положению о губерниях, принятому 29 мая 1719 г., вошла в состав Костромской провинции Московской губернии. Вместе с ней провинцию составили пригороды Буй, Судислав, Любим и Кадуя²³.

Вновь была несколько изменена структура местного управления.

Петр I, устраивая свое государство,

стремился получить удовлетворительный результат, не забывая о затратах, вернее о тех, кто эти затраты нес на своих плечах. Крестьяне и посадские люди первые попали под пресс старых и новых налогов, из них формировалась новая армия. Подчас в цепях, чтоб не бежали, доставляли ратников на сборные пункты. А в деревнях - молодухи-невокухи, оставшихся без мужа и работника. С мелкопоместными дворянами, однодворцами также не особенно церемонились - на правяще держивали их вместе со старостами да приказчиками из крестьян крупных вотчинников. Отпрыски родовитых боярских родов вынуждены были служить, лишившись по закону о майорате (о неделении недвижимого имущества) 1714 г.²⁴ верного куска хлеба из родительского наследства. Да и монашество, подвергнутое частичной секуляризации, много претерпело.

Насколько оправдана была такая ломка, унесшая множество жизней, разрушавшая множество судеб, но сделавшая государство могущественным и сильным - вопрос философский, ответа на который дать невозможно.

1. Список фондов досоветского периода переданных и ликвидированных.

2. ПСЗ. Т. III. № 1675. С. 600-601.

3. ПСЗ. Т. IV. № 2218. С. 436 - 437.

4. Очерки истории СССР. Россия в первой четверти XVIII века. Преобразование Петра I. М., 1954-с. 322.

5. ГАКО. Документы учреждений XVIII в. Б/ш. Д. 37.

6. В статье «От удела до губернии» (Губ. дом, 1994, № 1) образование провинций ошибочно отнесено к 1719 г.

7. ГАКО. Документы учреждений XVIII века. Б/ш. Д. 15.

8. ГАКО. Ф. 558. Б/ш. Д. 293.

9. Северная война (1700-1721).

10. Очерки истории СССР. С. 347.

11. ГАКО. Документы учреждений XVIII века. Б/ш. Д. 16.

12. Там же. Д. 1.

13. Там же. Д. 3.

14. Там же. Д. 6.

15. ПСЗ. Т. V. № 2879.

16. ГАКО. Документы учреждений XVIII века. Д. 42.

17. Там же. Д. 46.

18. Там же. Д. 47.

19. Там же. Д. 49.

20. Там же. Д. 50.

21. ГАКО. Ф. 558. Б/ш. Д. 261. Л. 150-151.

22. Там же.

23. ПСЗ. Т. V. № 3380. С. 702-710.

24. ПСЗ. Т. V. № 2789. С. 91-95.

Наталья КАШИНА
Евгений КАШИН

"ВИДЯ ВИДЕТЬ, А СЛЫША СЛЫШАТЬ"

Два тысячелетия человечество пытается постичь христианские истины. Каждое время вновь и вновь толковало то, что, казалось бы, давно понято, пытались найти язык, наиболее близкий современности.

В Государственном архиве Костромской области хранится «Синодик Богословской церкви, что близ Ипатьевского монастыря»¹. Интересна рукопись тем, что снабжена обилием миниатюр. Тексты, сопровождаемые миниатюрами, можно обозначить как притчи. Свообразие этого жанра определено в христианской традиции словами самого Иисуса Христа: «Потому говорю и говорю, что они видя не видят, и слыша не слышат, и не разумеют. И сбывается над ними пророчество Исаии, которое говорит: «Слухом услышите,

и не уразумеете;
и глазами смотреть будете,
и не увидите.
Ибо огрубело сердце людей сих,

и ушами с трудом слышат, и глаза свои сомкнули, да не увидят глазами, и не услышат ушами, и не уразумеют сердцем, и да не обратятся, чтобы я исцелил их»².

В отличие от евангельских притч притчи «Синодика», повинувшись общелитературному стремлению к ясности и правоучительности, утратили метафоричность, содержание упростило до сжато пересказа. Так, например, «Повесть о лихонимце умершем» рассказывает о видении святому иноку, где «посреди великого пламени лежит некий человек, из чрева его израстает дерево»³. Дальше идет речь о том, что на ветвях этого дерева за ноги повешены два человека. Инок узнал, что «некий человек» обогатился лихоимством, а на дереве — его дети, которые унаследовали вместе с богатством грехи отца.

За этим коротким повествованием следует миниатюра, которая буквально воспроизводит притчу: инок святой стоит с вопрошающим жестом. Причем вопрос обращен не столько к грешнику, а ко всему видению, словно подчеркивая аллегоричность изображения. Отметим, что персонажи «видения» предельно статичны: нет ни малейшего движения в теле лежащего (речь идет не только о движении физическом, но и душевном напряжении), ствол дерева раздвоился словно специально для того, чтобы тела смятой лихоимца уравнивали друг друга, языки пламени не просто ровны, но и причудливо, а точнее — декоративно изогнуты. На наш взгляд, эта статичность принципиальна: она призвана выразить идею неизбежности и бесконечности мук ада.

Что руководило художником, так бесстрастно изобразившим видение? В этой статичности, вероятно, отразилась вера в неизбежность наказания грешников, поэтому они так смирен-

но принимают свое положение. Любое сочувствие к ним неизбежно провоцировало бы сомнения, надежду на избавление (вспомним, как Данте в «Божественной комедии» сочувствует своим героям, спускаясь в ад). Здесь иная задача: утвердить порядок.

Или другое повествование о страданиях умершей блудницы. Уже не инок святой, а духовный отец узнает, что она на исповеди утаила блудный грех и теперь наказана: вокруг головы ее — ящерики, жаба на очах «за бесстыдный взор, стрелы в ушах за слышание слов и пения праздных, огонь из уст за бесстыдное целование... Гадины же перси мои сосут...», псы же руки мои кусают», а завершает наказание змея, который несет ее в огонь⁴.

Композиция миниатюры подобна описанной ранее: слева духовный отец замер с вопросом почти в той же позе, что и инок. Так же схематичны и языки пламени. И вновь поражает

1. "Встреча с телом".

2. "Падение с лошади".

3. "Совет врачей".

статичное равновесие и бесстрастность лица! Ни в тексте, ни в миниатюрах нет и намека на сочувствие. Если древнерусские тексты, евангельские притчи взывали к душе читателя, то теперь притча приближается к рассказу, воспринимаемому буквально, как требует того распад. По-другому и не могло быть: рукопись датируется II четвертью XVIII в. - века разума!

Иначе построена повесть о некоем «магистриане», посланном на царское посылство, который встретил на пути «нага лежащего». Приказав отроку взять коня и отойти в сторону, сняв свою рубаху (срачицу) и, прикрыв ей мертвеца, отошел. Через некоторое время он вновь был послан «на иное посылство». Но по дороге упал с коня, разбился и вернулся в дом свой. Врачи, осмотрев пострадавшего, решили, что ногу надо «отсечь», чтобы спасти магистриана от смерти, а больному сказали, что завтра исцелят его. Послав за врачами раба, он узнает, что завтра должны будут отсечь его поспевавшую ногу. Услышав это, магистриан не спал, а в полночь увидел он пришедшего человека, который исцелил его. На вопрос магистриана кто он, исцелитель отвечает: «Воззри на меня: узнаешь ли лыняицу сына?» Так выясняется, что это тот «наг на пути лежащий мертвым», которого царский посол прикрыв своей сорочкой: «Послат меня бог исцелить тебя, да убо хвали бога всегда».

В сюжете этом причудливо переплелись как минимум два из «Евангелия от Луки»: «Богач и Лазарь» и «Притча о милосердном самарянине». Из первого - канва повествования о

встрече богача, не пожелавшего помочь нищему, и Лазаря, который не облегчил за это страдания богача, из второго - встреча самарянина с едва живым нагим человеком. Отметим сразу, что в рукописи сюжет эти используются значительно трансформированными как некий отдаленный намек на известные тексты. Подобное творческое переосмысление было бы непозволительной вольностью в древнерусской литературе, но напомним еще раз - это XVIII в.!

Миниатюра, сопровождающая фрагмент явления исцелителя, над его головой помещает надпись: ИС ХС, хотя в тексте не говорится прямо, кто именно совершил это исцеление. Кроме того, вряд ли можно предположить, чтобы верующий человек так представил себе чудесное явление: «Боже кадило в храме его горит, а в полночь «видит он человека, дверими хлеща (подч. мной - Н.К.), пришедшего к нему». Исцелив больного, человек этот не исчезает, а «излезе из дверей». Еще более очевидно само врачевание, когда вошедший «помазал некоего мазию мало, потирая на нозе его»⁴. Только после этой процедуры он произносит «некие слова», ставшие смыслом притчи: «Блаженны милостивы, которые помилваны будут, и немилостивен суд, несоответствующим милости» (вновь отсылка к «Богачу и Лазарю»).

Д.С. Лихачев заметил, что уже в XV в. в связи со «стремлением к ограничению духовной жизни грубой фактографией и нетворческими художественными методами, намечается возрастание повествовательности в литературе и изобразительном искусстве»⁵.

Однако мы обращаемся к тексту не XV в., а уже более позднего времени, что позволяет предположить появление новых художественных задач и средств их выполнения.

Притча о магистриане обращается не к собственному духовному смыслу происходящего, он здесь слишком прямолинейно обозначен, а к реально проживаемому событию, несмотря на то, что исцеление происходит чудесным образом.

Как и всякая притча, это произведение стремится к иносказательному обобщению, к толкованию евангельской истины о блаженных милостивых, но в повествовании этом обнаруживаются черты новой литературы. В центре произведения - «магистриан» с его переживаниями, собственной

логикой поведения: он приказывает отроку отойти в сторону, когда прикрывает мертвое тело, как требует того христианская этика, оригинальный сюжетный ход заостряет внимание на состоянии героя, когда врачи скрывают от него правду, а он, узнав ее, мучается. Горящее кадило и стук двери становятся необходимыми деталями, точно создающими напряженное состояние. Иными словами: это притча, приближающаяся к рассказу, в котором аллегория - лишь повод обратиться к самому человеку. Энергия повествования сконцентрирована в большей степени именно на реальности переживания события.

Интересные результаты приносит и

4. "Явление исцелителя"

обращение к композиции миниатюры, сопровождающих текст. Этих миниатюр 5, обозначим их:

1 - «Встреча с телом», 2 - «Падение с лошади», 3 - «Совет врачей», 4 - «Явление исцелителя», 5 - «Исцеление».

Изображая встречу с телом, автор предлагает развернутый рассказ во времени; изображение пространственно упорядочено: на переднем плане происходит конечное действие, на втором плане - остановка героя, на третьем - дорога, на четвертом плане пейзаж. Порядок предопределен самой логикой изобразительного повествования. Так, не случайны взаимное расположение объектов: человеческие фигуры, перекрывая друг друга, объединяются в группы, в свою очередь соединяя планы, создавая картину непрерывного движения. Такое объединение необходимо, поскольку описываемые события включают в себя разные фазы движения (путь всадника со слугой - остановка - встреча с телом).

Сюжет разворачивается слева направо, как стадии движения в кино, то есть в том направлении, в котором наиболее естественно идет движение взгляда: оно подводит нас вместе с находящимися в пути всадником и его спутником к неожиданной остановке (она изображается сменой движения лошади справа налево) и сцене укрытия встреченного тела рубашкой. Фигура на переднем плане листа динамична: лежащее тело изображается параллельно кромке листа, фигура всадника, обращенная к телу, наполнена движением; движение это тормозится статичностью лошади и спутника на втором плане. Фигура спутника накладывается на изображение третьего плана: всадника на коне, голова которого пересекает горизонт с изображением города.

Изображение различных фаз движения в пределах одного листа становится четко проводимым художественным приемом.

Второй сюжет. На фоне архитектурного пейзажа изображена сцена падения всадника. Формат листа вертикальный, и композиция строится сверху вниз. Дальний архитектурный план воспринимается как плоская театральная декорация. Само же действие изображается следующим образом: статичной фигуре отрока с застывшим вопрошающим жестом рук противопоставляется стадияльное изображение падения всадника. В построении этого изображения большую роль играет суммирование зрительных впечатлений. Движение во времени передается в этом случае фиксацией последовательных стадий. В данной композиции художник не останавливается на изображении двух положений падающего тела, а дополняет его падающей с головы шапкой. Она показана дважды: на голове и лежащей на земле. Прием этот был традиционным: «Подобным образом построенное изображение называлось, по русской иконописной терминологии, «сложным переводом»; характерная его особенность - повторение в пределах одного изображения какой-то фигуры в разных позициях или ситуациях, то есть в разные временные пункты», - отметил Б.А. Успенский⁷.

Третий сюжет. Жанровая композиция в интересе имеет вид прямоугольника, чуть вытянутого по вертикали. Интерьер является обозначением ме-

5. "Исцеление".

ста действия. Предметы обстановки: ложе, стол переданы такими, какими увидел их автор, подходя к ним то ближе, то дальше, глядя на них с разных точек зрения. Так, изображая ложе с больным, автор увидел его слева направо и сверху, тем самым развернув и приблизив его к нам. Изображение стола с книгой удаляет от нас, обозначая глубину пространства. Лист строится по принципу противопоставления правой и левой частей: левая, спокойная, уравновешенная часть и динамичная правая. Центром композиции является жест руки больного, обращенного за помощью к одному из лекарей.

Основной мотив сюжета - волнение и напряжение. Фигуры врачей объединены единым движением, обозначенным поворотами тел, кистей рук, направлением взглядов. Зрительные осы, порождаемые этими взглядами, являются важными композиционными элементами.

Четвертый сюжет. Это диалог больного с исцелителем. Автор приближает и отодвигает зрительно, сокращая пространство сверху и снизу (сверху вводит изображение потолка, а снизу уменьшает плоскость пола). Спокойно лежащая фигура больного является контрастом к фигуре исцелителя,

наполненной внутренним движением, которое подчеркивается движением рук и изображением складок одежды.

Пятый сюжет. Изображение вписывается в вытянутый по вертикали прямоугольник, что обусловлено движением фигур сверху вниз. Художник вновь прибегает к кинематографическому способу изображения, т.е. к расчленению непрерывного движения на его отдельные элементы. Таково изображение больного, лежащего на ложе, и его же уже исцеленного и беседующего с исцелителем. То же самое происходит и с фигурой самого исцелителя: сначала мы видим его в проеме двери, затем - рядом с фигурой больного, финал сюжета - его диалог с исцеленным.

Обращение к композиции миниатюр, сопровождающих три текста «Синодика», позволяет выделить два различных подхода к изображению. Если в первых двух миниатюрах утверждалась идея неизбежности понятия греха и наказания, то и изображение было предельно статично. Внимание к сюжету, уход от прямолинейности, ориентация на библейские тексты рассказа о «магистриане» поставила перед художником иную цель: преодолеть неподвижность листа, сделать зрителя свидетелем происходящих событий. «Хотя по природе своей изобразительное искусство статично, изображает всегда какой-то определенный момент, неподвижный, оно постоянно стремилось к преодолению этой неподвижности, к рассказу. «Стремление к рассказу было необходимо миниатюристам, и они пользовались чрезвычайно широким кругом приемов для того, чтобы превратить пространство изображения во время рассказа», - заметил Д.С. Лихачев⁸. Так автор текста и художник выполняли единую задачу: помочь читателю видеть, а слыша слышать.

1 ГАКО. Ф. 558. Оп. 2. Д. 572.

2 Библия. - Брюссель, 1973. С.1518 - 1519.

3 ГАКО. Ф. 558. Оп. 2. Д.572. Л.107.

4 Там же. Л.110.

5 Там же. Л.64 об. - 67.

6 Там же. Л.66 об.

7 Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. - М., 1979. С.30.

8 Успенский Б.А. Семантика искусства. М., 1996. С.267.

9 Лихачев Д.С. Указ. соч. С.36 - 37.

Галина ДАВЫДОВА

Калерии Густавовне Тороп
посвящается

«Здесь все теперь воспомяненье...»

Перлов Петр Петрович (04. (16) 06.1868, Казань - 19.05.1947, Москва), критик, публицист, искусствовед, поэт, мыслитель. Происходил из старинного дворянского рода. Окончил юридический факультет Казанского университета. Литературную деятельность начал в 1890 г., публиковался в казанских, московских, петербургских газетах и журналах, с 1908 г. - постоянный сотрудник газеты «Новое время». Первоначально был приверженцем народничества, но знакомство с кругом символистов изменило его взгляды.

В 90-х гг. составил антологию «Молодая поэзия» (совм. с В.Перцовым, 1895), «Философские течения русской поэзии» (1896).

С 90-х гг. издает книги близких ему авторов: «Вечные спутники. Портреты из всероссийской литературы» (1897) Д. С. Мережковского; «Сумерки просвещения», «Литературные очерки», «Религия и культура» (1899), «Природа и история» (1900) В.В.Розанова; «Стихотворения» (1901) Д.П.Шестакова, филолога - классика, друга Перцова по Казани, и «Посмертный сборник» (1901) В.Н.Соловьева, казанского прозаика и журналиста.

П.Перлов - участник Религиозно- философских собраний в Петербурге, редактор - издатель журнала «Новый путь» (1903 - 1904).

После революции П.П.Перлов подолгу жил в Костромской губернии. В 1921 - 1922 гг. преподавал в Костромском рабоче-крестьянском университете.

Сочинения: Письма о поэзии (1895); Первый сборник (1902); Венеция и венецианская живопись (1912); О Тургене-ве. Русская и иностранная критика (1918); Шукшинское собрание французской живописи (1921), Третьяковская галерея (1922); Подмосковные экскурсии (1924), Усадьбные экскурсии (1925); Художественные музеи Москвы (1925); Литературные воспоминания. 1890 - 1902 (1933).

Ранний Блок (1922); Письма В.Я.Брюсова к П.Перцову (1927).

После первой оторопы и отчаянья - никогда не прочту! - глаза начали выхватывать: Мережковские, Розанов, Нестеров, Брюсов, иногда только инициалы: И.В., О.Н., В.В., за которыми скрывался кто-то, о ком я ничего не знала. И чем дальше, тем увлекательнее и азартнее становилось чтение, я чувствовала, что «заболеваю». Из фрагментов складывалась картина с главным персонажем - Петром Петровичем Перцовым.

Зачем брожу я по этим строкам, пытаюсь разорвать вязь затейливой почерка, вторгаясь в чужую жизнь? Только ли потому, что это - моя работа и всегдашний удел архивиста? Но несколько лет назад, когда Калерия Густавовна Тороп передала в облачный переписку Перцовых, машинописные копии статей Петра Петровича, его книги*, я занималась другой работой, не имеющей никакого отношения к этим документам. Исполнение запросов социально-правового характера считалось

важнее, описание фонда П.П. Перцова отодвинулось на неопределенный срок, за что я позднее расплатилась сполна. Напрасно мучила Калерию Густавовну расспросами и вопросами, на которые она не могла ответить. Слышу как сейчас: «Вы опоздали, чуть бы раньше...» Время ушло, а с ним и люди. Вопросы остались...

Читая статью Н. Эйдельмана в старом журнале¹, завидовала: случай свел его с семьей Перцовых. Как оказалось, ничего случайного не бывает, и я почти не удивилась, хотя это было невероятно, когда В.Ю. Попова (Рыбникова) привезла с творческой дачи адрес тех самых Перцовых. Нити, концы которых дала Калерия Густавовна, привели к внукам тех, о ком узнала из переписки. И.Г. Аленициной, И.А. Власовой, Е.М. Перцовой, В.Ю. Рыбниковой обязана я тем, что не запуталась в хитросплетениях родственных связей нескольких поколений Перцовых, Буниных, Соколовых, Рыбниковых. То, что казалось далеким, приблизилось, притянуло и

уже не отпускало.

Петр Петрович Перцов. Критик, журналист, искусствовед, мыслитель. Разыскивая в Костроме (не нашла) его «Литературные воспоминания», столкнулась с тем, что его однофамильца, Виктора Осиповича, знают лучше. Хотелось с досадой повторить сказанное Ю. Нагибиным: «Это не тот, что «похоронил» Анну Ахматову». Грустно, но не удивительно. П. Перцов флиртует после себя не оставил. Даже в 1942 году, когда Петра Петровича принимали в Союз писателей, о нем мало кто помнил². Друзья, соратники... Одних он пережил, век других окончился вдалеке от России.

Его жизнь вместила множество событий, непосредственным участником которых он был или описал в меру своего таланта как сторонний наблюдатель: первый издатель В.В. Розанова, участник Религиозно-философских собраний в Петербурге, свидетель революции, введения паспортизации, прописки, карточной системы, сноса архитектурных памятни-

* 12 фотографий были подарены областному архиву И.А.Власовой, внучкой костромского купца И.В.Соколова, расстрелянного в 30-х гг.

ков. На многое у него был свой взгляд, отличный, может быть, от общепринятого, так, посылая из Москвы в конструкторскую деревню жене газеты, он сделал приписку: «... в них нет ничего для нас интересного, одни «челюскинцы»».

Переписка Перцовых, составившая основу фонда, не предназначалась для посторонних, хотя почти все письма аккуратно прономерованы, нарушение в счете говорит лишь об их отсутствии. И все же поступление Перцовских документов в ГАКО - редкий подарок, с таким же успехом они могли оказаться в РГАЛИ, там находится большая их часть, или в Казани, откуда Перцовы родом.

В Казани Петр Петрович окончил гимназию и юридический факультет университета, но интерес к литературе и журналистике перевесил. Еще студентом начал публиковаться в местных газетах «Казанский биржевой листок», «Казанские вести», «Волжский вестник», позднее возглавив его литературный отдел.

В «Литературных воспоминаниях» он о себе написал: «Я родился литературно 10 апреля 1890 года. Послал в петербургские газеты «Новости» Нотовича, «Неделю» Гайдебурова две корреспонденции. Обе статьи были напечатаны. Так и пошло».

Поэтический дебют в литературном приложении к «Неделе» - книжка «Недели» в 1890-1893 гг. тоже прошел успешно.

Осенью 1891 г. фактическим редактором «Волжского вестника» стал в прошлом народоволец А.И. Иванчин-Писарев. Он познакомил Перцова с Н.К. Михайловским, редактором обновленного журнала «Русское богатство». Через год Перцов вместе с Иванчиным-Писаревым перебрался в Петербург и стал сотрудником «Русского богатства», правда, ненадолго. Точка зрения Перцова на литературу и искусство расходилась с литературно-критической позицией журнала, общественная его направленность тоже перестает устраивать Петра Петровича. Возвратившись весной 1893 г. в Казань, он «отвел себе душу за весь великий пост «Русского богатства»».

В 1893-1894 гг. в «Волжском вестнике» публиковались статьи Перцова о поэзии, в них он отводит поэзии роль одного из изящных искусств, называет идеализм «вечной категорией», его симпатии явно на стороне поэтических идеалов 40-х гг. Статьи эти под названием «Письма о поэзии» вышли в Петербурге отдельной книгой в 1895 году, а вслед за ней антология «Молодая поэзия» (поэты 80-х - 90-х гг.), составленная П.Перцовым

и его двоюродным братом В. Перцовым. Она должна была подтвердить его тезис об «изящном искусстве». В нее вошли изданные произведения поэтов разных направлений: В.Я. Брюсова, И.А. Бунина, К.Д. Бальмонта, В.Л. Жуковского, Д.С. Мережковского и других - всего 42 имени.

Сборники эти вызвали в печати разочарованный хор критики.

В 90-х гг. произошло окончательное оформление русского символизма в самостоятельное течение, главным образом благодаря В.Я. Брюсову. Писатели, художники как никто другой чувствуют социальный кризис, который обусловило противоречивое состояние искусства той поры. Пусто-

Мария Павловна Перцова. 1896 г.

шенность, внутренний надлом - и это на фоне внешнего благополучия.

П.Перцов познакомился с В.Я. Брюсовым в 1894 г., с этого времени началась их активная переписка. Она носила чисто литературный характер.

Девяностые годы примечательны в судьбе Перцова. Тогда же завязываются их почти двадцатилетние отношения с Д.С. Мережковским. «У него не было ни одного «друга»... Множество отношений и знакомств, но я говорю не об этом. Он, в сущности, был совершенно одинок», - писала З.Н. Гиппиус в своих воспоминаниях о Мережковском. П. Перцов - один из таких его знакомцев. Они занимали разное место в литературном процессе и по своей одаренности стояли на разных ступенях. Для современников Перцов - всего лишь критик круга Мережковских.

В «Задумчивом страннике» та же З.Н. Гиппиус дает ему такую характе-

ристику: «... Перцов - фигура довольно любопытная. Провинциал, человек упрямый, сдержанный (особенно замкнутый потому, может быть, что глухой), он был чутко ко всякому нараждающемуся течению и обладал недюжинным философским умом. Сам, как писатель, довольно слабый, - предан и понытило любил литературу, понимая искусство».

Вероятно, тонкое понимание литературы и искусства, философский ум привлекали в нем Мережковского. Он - участник всех замыслов Мережковских этих лет, будь то организация и проведение Религиозно-философских собраний или издание журнала «Новый путь» (внес часть денег, был редактором - издателем), а в 1897 г. выпустил книгу критических статей Д.С. Мережковского «Вечные спутники». Их литературные интересы идут параллельно: Пушкин, Гоголь, Л. Толстой. Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на заголовки рукописей статей П.П. Перцова в фонде: «Загадка Гоголя», «Русская комедия масок», «Трагедия Лермонтова», «О Пушкине», «Последний из Великих. (смерть Толстого)» и другие.

На этом этапе они еще вместе, они вместе предшествуют по Италии: «... Вот предстоит мне еще Сицилия. Мы с Мережковским/думаем поселиться в одном местечке на восточном берегу между Мессиной и Сиракузами -

Там, где дымящийся Этна Кадит латинским небесам...

Потом сделаем поездку по острову, на южный берег, в Джирдженте, где есть развалины древнего храма (с него есть гипсовая копия у моего отца), а затем в Палермо... (1897 г. Дата не указана)

П.П. Перцов присутствовал при рождении романа Мережковского «Воскрешение бога»: «... А «Леонардо» понемногу вылупляется из яйца: написано уже 10 глав, теперь пишется 11-я, всего будет 16. Главы очень велики - листа по 2 каждая. Весь роман будет много больше 30 листов, по словам Д.С. Кончит он его не ранее осени, п.ч. на главу уходит месяц, а то и более. По его словам, это «странное произведение» мало похоже на роман. Я наденусь прочесть здесь его первую часть. Очень будет интересно. Д.С. все в отчаянии, что его негде печатать, но я думаю, что «Русское Обозрение» или «Вестник/Европы» возьмут... (Там же)

Д.С. Мережковский воспринял Перцова в это время как наиболее духовно близкого человека. «... Напечатаны пока первые 3 главы, которые я прочел. Признаюсь, впечатле-

ние получилось, сверх ожидания, не совсем благоприятное. Конечно, я этого ему не скажу, чтобы не огорчать его, когда и без того ему трудно держаться. В «Новом/ времени» был грубый отзыв Буренина...» (12.03.1899) И в следующем письме: «... Обидно за Мережковского. Вряд ли выйдет что-нибудь удачное из его романа, слишком уж он тенденциозен и книжен. Я этого ему ни за что не скажу и даже вообще никому здесь этого не говорю, чтобы как-нибудь до него не дошло: при его литературном одиночестве эта измена единственного читателя, на которого он надеется, как на своего критика (он мне сказал) - приведет его в полное уныние...» (27.03.1899)

Разрыв произошел позднее, когда П. Перцов оставил журналистскую работу в «Новом пути», и с эмиграцией Мережковских.

Но в ту весну 1897-лета 1898 гг. Перцов не был только сопутешественником Мережковского. Он изучает искусство эпохи Возрождения, записывает свои впечатления, которые вылились сначала в статьи, а позднее в «любимую книжку» о Венеции и венецианской живописи, мало похожую, как и очерк о Флоренции, на привычные нам издания подобного типа. Написанные сочно, эмоционально, они с первых страниц увлекают, тебя не покидает радостное ощущение, что ты увидишь что-то прекрасное: «... Утром в четверг здесь бывает торг цветами, привозимыми из

окрестностей, и тогда еще больше, чем в другие дни, оправдывает Флоренция свое название - «города цветов». Вся площадь покрыта тогда их красой, их приносят и уносят охапками, разбрасывая и роняя на землю. Аромат струится в воздухе, и этот пахучий праздничный воздух, эта шумная толпа, это яркое небо наполняют счастьем - счастьем Италии - душу северного гостя».

Лишь очень немногие, кому было дано чувствовать и понимать тоньше, видели его незаурядность: «Мне видны были зачатки богатых «своих» мыслей Перцова, частью вовсе и никогда не высказывавшихся в литературе, - писал о нем В.В. Розанов, - для меня была в высокой степени поразительна постоянная готовность г. Перцова «ложить себя», «закрывать свою книгу», т.е. совершить самую мучительную операцию для писателя, чтобы деликатно читать с другим книгу его души, страницы его бытия и мышления, и все это - при полной самостоятельности, хотя и не интенсивной жизни...»

Их отношения с В.В. Розановым сохранились до самой смерти Василия Васильевича. Правда, на протяжении всего времени их знакомства неровные, от нежной дружбы до частых и затяжных ссор, но ссоры и размолвки не в счет. Перцов очень любил Розанова и любовь эта, по свидетельству современников, была взаимной.

Не напрасно именно П.П. Перцова Розанов в завещании 1899 г. назва-

ет своим душеприказчиком. Они и сотрудничали с одними и теми же газетами и журналами, а в «Новом времени» служили до самого его закрытия в 1917 г.

18.(05) 09.1918 Перцов цитирует Марии Павловне Розанова: «... От Розанова я и здесь (в Костроме - Г.Д.) получил такое письмо, что тяжело читать: «Зябну. Голодно... В дому только несколько колесок. Ужас... Тонительно хочется прижаться к Вам и поплакать на плече. Ах, что мы пережили!» Весь этот ужас им еще только предстоит, а пока... «... мы устроили тут целый синдикат: проводим друг друга в разные журналы и пишем друг о друге хвалебные отзывы. Так, Розанов послал рецензию на Мережковского/ (о «Веч/ных/ спут/никах/») в «Новое время» и пишет туда же о «Фил/ософских/ течени/ях/». Мы его пропагандируем в «Мире искусства» и в «Начале» и с большим успехом...» (12.03.1899)

Они молодые, энергичны, полны планов, встречаются, спорят. «Сейчас у меня были Мережк/овский/ и Розанов. В ушах до сих пор звенят и носятся в воздухе крики первого (сегодня особенно неудержимые и неистовые). От сращения Розанова/ с Мережк/овским/, кажется, всегда получается особенно шипучий напиток для души, как от смешения соды с кислотой. Они оба обертываются друг к другу самыми глубокими сторонами своего духовного существа. Конечно, истинного общения между ними не может быть, потому что оба слишком индивидуальны». (27.03.1899) «... Решил издавать Розанова теперь же ввиду того, что набрать статей на сборник оказалось легче, чем я думал. Всего будет 3 книжки - в общей сложности на 40 листов. Первая уже набирается и выйдет в 1/2 января; остальные в феврале. В первой будут исключительно статьи о просвещении - и заглавие «Сумерки просвещения». Она очень удачна - много удачнее многих его статей на более важные темы...» (02.12.1898)

Позднее Розанов скажет, что Перцов «вывел его к свету своим предложением издать его работы».

Читая письма Перцовых и проживая заново их жизнь, я испытывала желание заглянуть за створку, и ухватившись за нее, протыкивала дверь в другую эпоху.

Первое в фонде письмо Петра Павловича жене датировано 26 ноября 1897 г., последняя записка Марии Павловны - 1942 г. Деление на «до» и «после» 1917 г. традиционно, хотя и условно. У каждого своя граница. Рухнуло все, что казалось незыбле-

Петр Петрович и Мария Павловна в Крыму

мым, прервались привычные связи, прекратились литературные заработки Петра Петровича.

Потерянность, утрата равновесия, ощущение катастрофы... Это состояние охватило не одного Перцова: «Я вижу, как пропадают Брюсов и А. Белый (как писатели: они от этого в отчаянье)»... (15.(28)11.1918)

Как резко меняется тон писем, да и сами письма, написанные теперь карандашом, потускнели, будто по ним провели ластиком. «Жизнь такова, что безразлично, здоров ты или нездоров», - пишет Мария Павловна. (31.01.1919). Оставшись одна в годошной, озябшей Москве, куда они окончательно переехали в 1910 г., П.Перцов скитается по чужим углам (своего жилья не было). Мария Павловна осела в деревне Масленнича Костромского уезда, - где был дом, куда приезжали на лето, - на долгие годы. Но в то же время в Москве открывается столько кружков, читается столько лекций на разные темы, что Перцов готов принять эту жизнь.

Пытаясь вписаться в новые условия, он ищет хоть какое-нибудь занятие, какую-нибудь службу, в частности, в библиотеке Исторического музея. В конце концов с помощью В.Иванова и А.Белого определился в Отдел по делам музеев и охраны памятников искусства и старины Наркомпроса. Затем работал в Театральном отделе Наркомпроса, но это не то, к чему лежала душа. «Отчаянно нужна комната» и «прочь из Москвы», в которой он не находит себя, в 20-х гг. бросят Петра Петровича то в Кострому, то в Среднюю Азию, то снова в Москву.

Оказавшись в Костроме, он будто сбросил с себя груз и вздохнул с облегчением. И с работой устроилось: был утвержден преподавателем по кафедре истории русской литературы Костромского рабоче-крестьянского университета. В 1921-1922 гг. Перцов читал курсы истории русской живописи 18-20 вв., французского искусства 19 в., русской литературы (эпохи романтизма). «...Ну вот я и прочел первую мою лекцию... Все сошло с рук совершенно благополучно - точно я какой-нибудь старый лектор... Собралось 8 человек (по-здешнему немало), т.е., собственно 2 человека и 6 девиц. Один человек ушел на 1/2 лекции - ему, видимо, не понравилось, что все о дарях да вельможах (18 век), но девицы, как кажется, заинтересовались (спрашивали, когда продолжение)». (21.01.1921) После закрытия университета он вернулся в Москву. Столица 1922 г. встретила Петра Петровича нерадостным известием. «...Хожу

Петр Петрович и Мария Павловна в д. Масленнича Костромского уезда.

усердно по всем своим многочисленным знакомствам. Настроение сейчас везде неважное - вероятно, и у Вас слышали что-нибудь об арестах интеллигенции в Москве и Петербурге. Всего было арестовано до 160 человек - профессоров, литераторов и проч. Половину из них - человек 80 - высылают за границу в недельный срок вместе с семьями (вот счастливые!). Я бы хотел такого наказания - не придумаешь только, как бы его заслужить. Но некоторые, как Бердяев, Айхенвальд, Кизеветтер и проч. (даже большинство), в отчаянье. Иные же, напротив, в восторге. Впрочем, сегодня прошел слух, что высылка будет отменена, п.ч. слишком плохое впечатление получилось в Европе... и тамошние наши представители телеграфировали совет-отменить. Да и Ленин, говорит, сказал, чтобы прекратили «эту глупость». Это довольно вероятно. Если же высылка состоится, то Москва прямо обезлюдеет. Некоторые высшие учебные заведения, как Академия духовной культуры или Институт слова вынуждены будут закрыться». (13.08.1922) Никто, как известно, «глупость эту» не прекратил, и последствия ее очевидны.

Материальное благополучие явно избегало Перцова, не было даже тех крох, которые бы помогли хоть как-то справиться с нуждой, - квартиру перед революцией ограбили, выплату процентов по ценным бумагам на-

ционализированный банк не производил. Чтобы решить проблему куска хлеба, Перцов подготовил к 100-летию со дня рождения И.С.Тургенева антологию русской и зарубежной критики о творчестве писателя, делал переводы книг Клоделя и Леметра, эту работу ему достал Вл. Холдасевич.

Вся послереволюционная жизнь Перцова - это добывание случайного заработка, так как скудной пенсии не хватало. В 1920-х гг. он издает несколько художественных путеводителей: «Шукинское собрание французской живописи», (1921), «Третьяковская галерея» (1922), «Подмосковные экскурсии. Трамвайные поездки» (1924), «Усадьбные экскурсии. Поездки по железным дорогам» (1925), «Художественные музеи Москвы» (1925). Читает лекции «для работников просвещения и комсомола», пишет, но пишет как бы с оглядкой, сомневаясь, а так ли? «За последнее время все так повертывается, что... получу полный нуль во всем. Сейчас идет поход на издательства - их прибрали к рукам (коммуны), требуется «пролетарский уклон». При таких условиях весьма сомнительно, чтобы кто бы то ни было принял мои «Вспоминания» - явно мелкобуржуазного характера. Словом, писать нашему брату мудрено!» (29.02.1929) «Литературные воспоминания» вышли в 1933 г., когда Петр Петрович уже потерял надежду увидеть их опубликованными, урезанными тиражом с 5

до 2 тысяч экземпляров. Горестное «литературой теперь не проживешь» осталось с Перцовым до конца. «Как писать для пролетариев всех стран?... вообще не надо «большевичить». Теперь боюсь, о Прадо не возьмут, т.к. я там очень популярен и «большевичд». Вот поди угадай, куда ветер дует». (29.01.1937)

Жестокое разочарование постигло его еще в 1918 г.: «... Позднее оказалось издавать «Пневматологию». Причина не в ней самой, а в том, что сейчас в Москве реквизируют книжные магазины, угрожают реквизируют и его... Типография тоже захвачена... Рухнула главная моя «удача» и все надежды с ней связанные... Итак, я у разбитого корыта... Самое неприятное, что вдруг отнято единственное для меня средство выбиться из неизвестности и обратиться на себя внимание...» (01.14) 09.1918)

Философское исследование, в котором он пытался построить некую «морфологию мира», вычленил элементы культуры, труд практически всей жизни так и остался неизданным.

Соперник его, Вл. Шмаков, оказался счастливее. Года два назад на книжном развале внимание мое привлекла знакомая фамилия. На обложке стояло: В. Шмаков. «Диалогия». Это было переиздание той давней книги, упоминавшейся Перцовым в одном из писем. Через много лет судьба в очередной раз посмеялась над моим героем. Впрочем, и законченная монография «История русской живописи», подготовленная для издательства М. и С. Сабашниковых, также не увидела свет. Листаю ее отпечатанные на ремингтоне, как говорили тогда, страницы. Пометки Перцова, посвященные Марии Павловне. Возвращаю в хранилище до лучших времен. Не все потеряно, ведь не очень давно опубликованы его литературные афоризмы... Петр Петрович Перцов постепенно «выбивается из неизвестности».

1. Эйфельман Н. Случай ненадежен, но шедевр. // Наука и жизнь. - 1965. № 1-2.

2. Андроников И.Л. Собр. соч. в 3-х т., т.2 М.:Худож. лит., 1981. - С. 335-340 («Рекомендация Перцову Петру Петровичу»).

3. Перцов П.П. Литературные воспоминания. 1890-1902. М.-Л., 1933.-С.96.

4. Гиппиус З.Н. Задумчивый странник. //В.В.Розанов: pro et contra. Кн.1 СПб.: РХГИ, 1995. - С.146.

5. ГАКО. Р.1356. Оп.1.Д.6.Л.32-33.

Петр ПЕРЦОВ

РУССКАЯ «КОМЕДИЯ МАСОК»¹

К юбилею «Ревизора»

В нынешнем апреле (1910 г.) исполняется 75 лет со дня первой постановки той пьесы, которая, как показало время, сделалась самой популярной русской комедией. Ибо ни комедии Островского, ни даже «Горе от ума» не могут в этом отношении сравниться с «Ревизором». Первые слишком ограничены в своем интересе условиями места и времени - неизбежным ограничением всех бытовых картин, а пьеса Грибоедова в конце концов слишком мало «комедийна», и от нее неотделим элемент «героизма» и проповедничества в лице Чацкого. Классической русской комедией, чистым «зрелищем смеха» остается один «Ревизор», и зрелищем именно почти абстрактным, наименее связанным с бытовой обстановкой и подробностями. Простое сопоставление Гоголя с Островским обнаруживает все их различие в этом смысле.

Гоголь всегда и во всем был абстрактен. Писатель, которого современники, по удивительному недоразумению, провозгласили основателем реализма, теперь, после того, что именно русская литература выявила всю глубину действительного реализма, после Льва Толстого и таких дит

минозов, как тот же Островский, - теперь этот великий фантаст Гоголь представляется нам уже в настоящем своем образе как один из тех гениев литературного обобщения и «отвлеченности», которых мы встречаем обычно в начале всех больших литератур. Как Сервантес в Испании, как Рабле во Франции, как Свифт в Англии, Гоголь не был «бытовиком», хотя материалом в его творчество вошло, как и у тех, много реалистического. Но он творил из этого материала такие же непреходящие образы «вечно-смешного» и «вечно-уродливого», как Санчо-Панса, как Гаргантюа, как люди-липыты. Именно таковы его городничий, Земляника, два аякса - Добчинский и Бобчинский, петербургский франт Хлестаков и все другие. «Ревизор» вовсе не комедия нравов и не картина николаевского чиновничества, как поняли ее простодушные зрители первого представления. Семьдесят пять лет спустя в другую историческую эпоху, при совершенно изменившихся бытовых условиях, мы видим, что она не устарела и не изменилась.

В старой Италии 16-18 веков и даже

раньше, восходя вплоть до древнеримских времен, было в большом ходу любимое народное зрелище - так называемая «комедия масок». Это было зрелище площадей и улиц, самое эфемерное и подвижное в каждом отдельном своем явлении и, может быть, в то же время самое прочное и устойчивое во всем своем типе, - истинный театр импровизации, возникавший мгновенно по прихоти полуавтора, полуактера, вечно бегущих своих вариантах на одной неподвижной основе. Каждая отдельная местность Италии вырабатывала постепенно характерный свой тип, свой любимый персонаж, своего участника общенационального зрелища, и он входил в этот самый народный из всех театров как полноправный участник традиционных сцен. Так, неаполитанский Пульчинелло, знакомый еще Цицерону, встречался и брался здесь с северянином Арлекином, с доктором Баланцоном из ученой Болоньи и с веселой венецианской Коломбиной из милой, веселой Венеции. В течение столетий вся эта компания жила и спелась между собою и, наконец, срослась в одну общую картину сцены - в тот чудесный мир вечно обновляющегося, непрерывного творчества, который составляет подлинную стихию театра. Ибо импровизация есть душа театра, и великое творчество актера заключается в том, чтобы на однажды данной основе бесконечное количество раз, все в новом и новом образе возникали вечно бегущие лики масок. Вот одна из элементарных истин театральной эстетики, почти забытая глубокомысленным «эстетизмом» наших дней. Вместо возвращения к ней мы все далее и далее уходим в мертвящую пустыню «стилизации» и господства режиссерской дрессуры. Элемент мгновенного, элемент импрови-

зации все более вытесняется с наших сцен, и в больших умных книгах, которых так много написано за последние годы о «новом театре», о «возрождении театра» и пр., о нем как-то даже не догадались вспомнить...

Классическая комедия русского театра возвращает нас к нему. Вопреки самому Гоголю, всегда придельвавшему к чудесным созданиям своего гения шуточное-резонерские подписи, «Ревизор» вовсе не есть благочестивое наставление человечеству, как подробно и со скучным ханжеством объясняет нам в «Развязке» первый комический актер. Это не есть «воззвание к нашей совести», ревизия нашей души и все прочее, что предлагал нам находить в бесконечных комментариях к пьесе сам ее автор. Замечательно это раздвоение Гоголя - эти как бы две души, в нем жившие, из которых одна весело и зорко смотрела на мир и безраздумно смеялась в нем над тем, что казалось ей смешно, а другая в то же время угрюмо хмурилась и, как бы шокированная легкомыслием первой, придумывала за нее сложное и душеспасительное объяснение ее шалостям и выходкам. Она так настаивала на своих объяснениях и так упорно их везде проводила, что наконец и зрители Гоголя поверили в эти пресловутые, никому почему-то «незримые слезы», скрывающиеся за общезримым смехом и должныствующие его искупить. Ибо и зрители ведь были тоже русские люди, увлеченные утилитаризмом, которых хотя и тянуло посмеяться, но они очень не прочь были прикрыть свой смех тойгой гражданского обличения и скорби.

Но «Ревизор» с его фантастическими чиновниками (фантастическими уже по своему небывалому легкове-

рию) и «ревизором» (которого уже по его возрасту никто не мог принять за ревизора), конечно, не есть ни картина русских нравов, ни обличение русского чиновничества. Последнего ищите у Щедрина и ему подобных писателей, а первых - у писателей-реалистов, которых так много в русской литературе. Гоголь же есть писатель-фантаст, и его единственная в своем роде комедия, самая «легкомысленная» и беззаботная пьеса нашего театра, есть просто русская комедия масок, чудесная импровизация литературного гения, оставленная им в наследство талантам сцены. Это есть истинное «зрелище смеха» - вдохновенный портрет комического в жизни и в человеке, который создается, может быть, действительно каким-то высшим в нас критерием, но без всякого определено-утилитарного уклона или намерения. «Ревизор» смешит, как смешит Рабле или Сервантес в бесподобных поговорках своего Санчо, как смешил «смехом богов» свободную от утилитаризма афинскую толпу переживший самые Афины Аристофан. И над «окопаченным» старым пройдохой городничим, над замороженным свободомыслием Ляпкина-Тяпкина, над гомерическим враньем Хлестакова - над этими масками русского смеха и русской иронии, над этими нашими Панталоне, Баланцоном и Арлекином будут смеяться и тогда, когда давно позабудется николаевский бюрократизм и даже вся бытовая обстановка наших дней, - когда много юбилеев пронесется над бесмертной комедией. Ибо, в отличие от картин быта и всех «утилитарных» зрелищ, зрелище смеха для смеха, комедия масок не умирает.

1910, IV.

¹П.Первоным сделана приписка: «Не было помещено».

Свидетельства жизни русской провинции

С 70-х гг. нашего века появился новый взгляд на провинциальную культуру, пришло ясное понимание, что культурное наследие эпохи складывается и состоит не из одних только значительных явлений и имен. Целостное представление о развитии национального искусства немыслимо и без самых малых и скромных проявлений мастерства. С этой точки зрения коллекция Костромского художественно-го музея представляет несомненный

интерес, поскольку вобрала в себя прекрасные образцы провинциально-го искусства XVIII-XIX вв.

Основной источник поступления этих произведений - костромские дворянские усадьбы Кориниловых, Купреяновых, Вяземских, Катениных и т.д., которые до 1917 г. были средоточием духовной и материальной культуры русской провинции. Их картинные галереи, библиотеки, архивы не только пополнили музейные фонды,

но и стали основой собраний вновь созданных местных музеев и библиотек.

В спасении от гибели и разграбления помещичьих усадеб после их национализации огромная заслуга принадлежит Костромскому научному обществу по изучению местного края (КНО) и Коллегии по охране памятников искусства и старины. Выявление исторических и художественных ценностей, обследование усадеб и описание их собраний - задачи, которые ставило КНО перед своими членами, их отчеты - ценнейшие документы, на основании которых можно полнее представить фамильные галереи, складывавшиеся в течение почти двух веков и воссоздающие историю того или иного дворянского рода.

Таким хрестоматийным собранием портретов трех поколений дворян Черевинных была усадьба Нероново в Солигаличском уезде. Осознавая историческую значимость холстов, местные и губернские отделы отстаивали свои права на эти ценности. Сохранилось письмо КНО в Костромскую губернскую коллегию по охране памятников искусства и старины. Приводим его полностью, так как в этом документе, отражающем деятельность вышеназванных организаций, прослеживается судьба целой коллекции.

«КНО по изучению местного края были приняты меры к спасению библиотек, картин и других ценностей в разных усадьбах, между прочим и помещицы Черевинной в Солигаличском уезде и передано на хранение Солигаличскому отделу просвещения, на что были затрачены средства.

По причинам, не зависящим от общества, переправлять как книги, так и картины в Кострому до сих пор не

Поляков А. В. (1801-1835).

Портрет Марии Федоровны Кориниловой и Марии Логзиновны Куломжиной.

представилось возможным. Правление общества поручило Н.В.Марину переслать означенное научному обществу при первом удобном случае, о чем уведомило Солигаличский отдел просвещения. От отдела 28 ноября получено сообщение, что книги библиотеки Черевиной будут переданы в распоряжение Н.В.Карцева, а картины на основании циркуляра ВЧК № 78 будут оставлены при отделе просвещения для музея. Перевоз их в научное общество не представляется возможным, потому что Солигаличский уезд сам нуждается в исторических памятниках искусства, которых у нас немного.

Правление научного общества обращается в коллегию по охране памятников с просьбой сделать настоящее распоряжение по передаче Солигаличского отдела просвещения картин Костромскому научному обществу, так как таковые по своей исторической ценности могут быть более полезны для Костромы, чем Солигалич².

Картины останутся в Солигаличе. И только почти через 50 лет взгляд искусствоведа остановится на этих холстах, покрытых помутневшей пленкой лака, реставраторы дадут им новую жизнь, а имя художника Григория Островского станет широко известно.

Портретная фамильная галерея, как правило, формировалась на протяжении длительного отрезка времени. Она отражала и социальное-имущественное положение своих владельцев и часто имела характер домашней хроник.

Из усадьбы Зинovieво поступила в музей семейная портретная галерея Корниловых. Почти все портреты этой семьи принадлежат кисти одного художника - Александра Васильевича Полякова (1801-1835), крепостного Корниловых³.

Судьба А.В.Полякова типична для крепостного художника. Вероятно, рано проявившиеся способности будущего художника привели его хозяйина к мысли отдать его в обучение портретной живописи Джорджу Дюу. Он стал известен как помощник Д.Дюу в работе над галереей портре-

тов героев Отечественной войны 1812 г. Посещал рисовальные классы Академии художеств в качестве постороннего ученика. Пользовался покровительством Общества поощрения художников. В 1833 г. получил воленую, в том же году Полякову присвоено звание свободного художника. В 1835 г. после продолжительной болезни художник умер в Петербурге.

Портреты, связанные с семьей Корниловых, относятся к раннему творчеству Полякова. Открывает семейную галерею портрет генерала Петра Яковлевича Корнилова, участника суворовских походов в Италию, наполеоновских войн, героя войны 1812 г. Известно, что Петр Яковлевич позировал и знаменитому иностранцу Д.Дюу для Военной галереи Зимнего дворца (возможно, тогда Корнилову пришла мысль отъезд в обучение англичанину своего крестного художника).

Наивная и во многом непрофессиональная живопись Полякова вместе с тем подкупает внимательным отношением к натуре, стремлением объективно передать как внешность, так и характер модели. Таков групповой портрет жены Петра Яковлевича Марии Федоровны Корниловой и ее подруги помещицы Марии Логиновны Куломзиной. Продуман художником внутренних и внешних облик М.Ф.Корниловой. Большие темные глаза, густые черные брови, такого же цвета волосы с буклями на висках подчеркивают восточный тип изображенной. Спокойный, немного грустный взгляд придает портрету несколько сентиментальный характер.

В портретах детей Корниловых - Софьи, близнецов Аркадия и Ивана, Павла, Евгения и Варвары - уже чувствуется рука учителя, хотя художник по-прежнему неточно передает пропорции фигур, иногда неумело пользуется колористическими и техническими приемами.

Неизвестный художник XVIII в.
Портрет Петра Прокофьевича Клементьева.

В дворянских фамильных галереях концентрировались преимущественно портреты хозяев усадеб и их ближайших родственников, но в галерею Корниловых входили и портреты А.В. Суворова и М.И.Кутузова. Связано это с тем, что Петр Яковлевич служил под командованием этих полководцев. По-видимому, по его заказу Поляков сделал копии с известных гравюр. В частности, портрет Суворова написан с гравюры Н.И.Уткина.

Стены усадебного дома Корниловых украшал и портрет П.П.Клементьева. Клементьевы были родственниками Корниловых - сын Петра Яковлевича Корнилова Петр Петрович был женат на Екатерине Никопольской Клементьевой.

Полупарадный портрет Петра Прокофьевича Клементьева кисти неизвестного художника 2-й пол. XVIII в. представляет собой промежуточную форму между парусной и реалистическим портретом. Клементьев изображен в преклонных летах, в мундире морского офицера екатерининской эпохи. На голове пудренный парик по

Неизвестный художник XVIII в.
Портрет Якова Дмитриевича Куприянова.

моде того времени. Фронтальная постановка фигуры решена плоско, неподвижность позы подчеркивается жесткой графичностью контуров. Социальная значимость модели передается торжественностью, с которой портретируемый предстает перед зрителем.

Из послужного списка П.П. Клементьева узнаем, что он начал службу учеником Морской академии в 1737 г. и прослужил до 1868 г. Вышел в отставку по болезни в чине капитана бригадирского ранга.

Целостность коллекций дворянских усадеб не была первоочередной задачей для тех, кто вывозил их в музеи. Поэтому портреты из Катенинской галереи стараниями Л.Н. Казаринова, первого директора уездного краеведческого музея, были доставлены в Чулому, а до него В.В. Звездин, обследовавший усадьбу Клусеево, вывез в Кострому два портрета - Андрея Федоровича и Марии Андреевны Катениных.

Портрет А.Ф. Катенина (1768-1835), участника суворовских походов, русско-турецкой и Отечествен-

ной войны, принадлежит кисти Григория Островского, который работал, как известно, не только в Нероново, но и в соседних усадьбах. Это один из последних известных нам портретов художника (1790).

В музейные фонды портреты зачастую попадали через третьи руки, через случайных людей - уполномоченных, сотрудников ОГПУ, через склады и т.д. Сохранился, например, акт от 23 декабря 1918 г. «на предмет вскрытия 4 ящиков с картинами, привезенными со склада Кутилина», далее следует список. Приведем из него несколько пунктов: «1. Картин-копий старинных художников малых размеров - 13.

11. Фамильный портрет - 1. 34. Книг - 31.

36. Игрушек - 3».

Откуда прибыли эти ящики? Кто владелец фамильных портретов, книг, игрушек? На эти вопросы сейчас ответить невозможно. А если бы ответили, может быть, одним «канонным» портретом в музее стало бы меньше. Иногда источник поступления предмета в музей для исследователя является единственной ниточкой в его поисках.

Так, в 1919 г. через отдел народного образования в музей поступил портрет неизвестного лица кисти неизвестного художника из усадьбы Куприяновых. На портрете изображен вельможа екатерининского времени в парике, в шелковом камзоле и темном плаще. Высокий лоб, холенное лицо, пронзительный взгляд. По качеству живописи портрет заметно выделяется среди произведений этого времени. Его атрибуцией занималась Е.В. Сапрыгина⁴, которая привлекла тогда здравствовавшего краеведа и генеалога А.А. Григорова.

Их первое предположение, что на портрете изображен кто-то из рода Куприяновых, исходило от происхождения портрета из усадьбы, принадлежавшей этой дворянской фамилии.

Позднее исследователи нашли немало подтверждений своей первоначальной гипотезе, и вельможа на портрете обрел свое имя - Яков Дмитриевич Куприянов (1754-1843), смотритель домов и садов Ее Величества, поручик придворной комиссии строейной.

Стало известно также, что потомок Я.Д. Куприянова известный художник-график Николай Николаевич Куприянов возил этот портрет для экспертизы в Петроград, где А.Н. Бенуа определил его как работу школы знаменитого придворного художника А.Р. Менгса.

Портрет - это не только художественное произведение, но и исторический документ, так как изображенный человек был участником или свидетелем каких-либо событий, современником людей, непосредственно влиявших на ход истории. Поэтому так важно определить имя модели на портрете, чтобы исторические факты обрели плоть, стали зримы их участникам.

11 портретов из коллекции Костромского художественного музея помог сотрудникам атрибутировать А.М. Горшман, член военно-исторической секции московского отделения ВООПИиК. Награды помогли ему установить имена братьев Зверевых; действительного тайного советника и русского посла генерал-лейтенанта Василия Васильевича Ханькова; председателя Костромской губернской уголовной палаты Федора Ивановича Васькова; лесничего Ивана Ивановича Назорова и других.

Каждый портрет - это неповторимая судьба, увлекательный рассказ, новая строка в истории национальной культуры. Все вместе они - бесценные свидетельства жизни русской провинции.

Елена ГРОМОВА.

1. ГАКО. Р. 838. Оп. 1. Д. 10.
2. Несколько портретов А.В. Полякова хранятся в Костромском музее-заповеднике.
3. ГАКО. Р. 838. Оп. 1. Д. 10.
4. Сапрыгина Е. Шелдер из усадьбы Паттино. // Губернский дом. 1995, №4.

Ольга РУМЯНЦЕВА

Предметы усадебной старины

В музее-заповеднике, в экспозиции, посвященной историческому прошлому Костромской земли, посетитель может увидеть великолепный ансамбль гостининой мебели первого десятилетия XIX в. В то время была широко распространена мебель, отделанная шпоном карельской березы или тополя. Такая «солнечная» мебель создавала особую, светлую, атмосферу в доме. При помощи фантазии, расставив вдоль стен воображаемой залы диван, кресла, консольные и ломберные столы, развесив зеркала¹, зритель может мысленно перенестись почти на два столетия назад в одну из гостиных помещичьего особняка в усадьбе Денисово, принадлежавшей костромским дворянам Зузиным. В Денисово до сих пор сохранились господский дом и остатки парковой аллеи. Усадебные постройки, правда, очень схематично, изображены на картине «Псовая охота Александра Ивановича Зузина» 1846 г. Она тоже находится в экспозиции.

Вещи из Денисово попали в музей около 1920 года. В первые после революции годы работники музея пытались спасти из разоренных «дворянских гнезд» все самое ценное.

В 1918 г. Костромская губернская комиссия по охране памятников искусства и старины разработала специальные анкеты для выяснения, «где в пределах губернии имеются собрания предметов искусства и старины, ценные библиотеки и архивы, которые подвергаются или могут подвергнуться уничтожению»². В районы для осмотра усадеб командировались члены Комиссии с целью спасения брошенных культурных ценностей. О положении и истории некоторых помещичьих имений собирались подробные сведения и готовились доклады. Несмотря на послереволюционные трудности, именно в 1920-е г.³ снова начинается усиленное изучение русских усадеб. Но теперь надо было торопиться, чтобы успеть зафиксировать состояние дома, парка, хозяйственных построек, вывести наиболее ценные предметы, так как в любой момент все могло погибнуть в огне пожара.

В музей из различных организаций поступали иконы, картины, фарфор, мебель. Большая часть всех этих богатств вывозилась из помещичьих име-

ний. В отчете КНО за 1919 г. упоминались некоторые усадьбы, из которых были поступления в музей, но за недостатком места сами предметы не перечислялись. Приводились лишь цифры: «...поступили некоторые вещи, преимущественно характерные для усадебной старины; из усадьбы Воскресенское Галичского уезда - 87, Климовское Чулымского уезда - 18, Марыньское Нерехтского уезда - 12, Неверово Костромского уезда - 4, Нероново и Патино Солигаличского уезда - 136»⁴. В фондах музея-заповедника хранится небольшая группа предметов из усадьб Неверово, Патино, Нероново, но нет ничего из Воскресенского, Марыньского, Климовского. Не хочется думать, что большая часть вещей была утеряна, может быть, они просто не сохранили легенду своего происхождения. Кроме того, известно,

что при создании Костромского областного музея изобразительных искусств часть икон и картин, привезенных из усадеб, перешла в его фонды из коллекции музея-заповедника. Печально то, что вещи, составлявшие когда-то единый усадебный комплекс, оказались разрозненными. Многие из них были ценны именно в своем единстве.

Какие конкретно предметы искусства и старины находились в усадьбах, иногда можно только предполагать. Вещи усадебного⁵ и городского быта - за исключением разве что живописи - чаще всего не имеют никаких различий. В богатом поместье могли быть столь же дорогие и изысканные предметы обихода и обстановки, что и в городе, и наоборот. Для дореформенных помещичьих владений, помимо купленных, характерны и «доморощенные» предметы искусства и быта, созданные своими же крепостными мастерами. Позднее все чаще в усадьбу привозили купленные в городе картины, мебель, фарфор. В связи с этим воз-

никает проблема, что понимать под усадебной вещью: созданную ли крепостными в помещичьей вотчине и посланную барину в город, или городского производства, но купленную для поместья. Однако общепринято считать усадебным предмет, бытовавший именно в усадьбе.

Известно около двух десятков костромских усадеб, из которых в музей поступили разрозненные библиотеки, живопись, мебель, фарфор, документы. Самый, пожалуй, значительный комплекс предметов старины происходит из усадьбы Василево Костромского уезда. В XIX в. его владели князья Шаховские, принадлежавшие к знатному и довольно разветвленному роду. В 20-30-е гг. XIX столетия хозяином Василево был князь Иван Иванович Меньшой, родной дядя очень известного в свое время дра-

Мебель дворян Зузиных из усадьбы Денисово Костромского уезда. Первая четверть XIX в.

матурга Александра Александровича Шаховского. К этой усадьбе, по-видимому, имеет отношение и князь Федор Иванович Шаховский - декабрист, осужденный по VIII разряду и сосланный в Сибирь.

Все предметы из Василева значатся как поступившие от П. В. Румянцев, женатого на правнучке помещика Львова, за которого вышла замуж одна из княжон Шаховских. Помимо мебели и посуды, он передал и несколько документов. Среди них грамота, из которой узнаем, что в январе 1830 г. помещик Тверской губернии князь Владимир Александрович Шаховский удостоверял, что «брат его двоюродного владельца усадьбы Василево помещика штаб-капитана князя Николая Ивановича Шаховского все предки (отец - князь Иван Меньшой Иванович, дед - князь Иван Алексеевич, прадед родной - князь Алексей Петрович Шаховские) значатся по родословной книге Тверской губернии». Документ этот позволяет внести существенное дополнение в генеалогическое древо князей Шаховских, опубликованное в I томе Истории родов русского дворянства, где указано, что сын князя Ивана Алексеевича Шаховского Иван Меньшой Иванович был бездетен¹. Грамота же, приведенная выше, свидетельствует,

что у него был по крайней мере один сын - Николай.

В фондах КГОИАМЗ хранится опись приданого княжны Шаховской за 1814 г., которая выходила за князя Щербатова. Документ на 12 листах, в сафьяновом переплете. В нем перечисляются образцы, украшения, бытовое серебро, мебель, белье, уборы, платья, белье столовое - все, что княжна получила перед свадьбой. Среди упомянутых вещей встречаем: «стол туалетный с зеркалом красного дерева». Что удивительно, он сохранился и в настоящий момент находится в музее-заповеднике. Препредки его владелец утверждал, что это и есть тот самый стол, указанный в описи. Случай достаточно редкий в практике провинциальной усадьбы: сохранился и сам предмет, и документ, фиксирующий его легенду. Этот туалетный столик представляет интерес и как характерный предмет ампириной мебели бытового назначения первой трети XIX в. Подобная мебель создавалась для жилых помещений, и главное ее качество, помимо красоты, - удобство. Она должна была служить человеку для комфорта, а не для представительности. В туалетном столике три ящика, в среднем - пять отделений для туалетных принадлежностей и два потайных. Тайники в столах, бюро, секретерах были очень популярны в XVIII - начале XIX вв. В собрании КГОИАМЗ это единственный предмет мебели с потайными отделениями. Примерно в то же время был изготовлен диван красного дерева, когда-то украшавший одну из комнат усадьбного дома князей Шаховских. В его декоративном оформлении четко прослеживаются элементы ампириной декора: сплошные подлокотники украшены волютообразными завитками, завершающимися цветочной пальметтой, вписанной в круг. Резьба здесь жестче, чем в более ранних классицистических вещах.

Непременным атрибутом гостинных хонца XVIII - первой половины XIX века являлись ломберные столы. Прелестен и в полной мере отвечает своему стилю столик красного дерева из этой же усадьбы. В собранном виде стол полукруглый, в разобранном - круглый. По шаре² идут характерные украшения в виде контурных ромбов черного дерева. Несмотря на то, что из усадьбы Василево происходит и другие вещи, мебель является поистине украшением музейного собрания.

Большая часть предметов, имеющих легенду об усадьбном происхождении, поступила в 1950-60-е гг. Именно в это время в антикварных магазинах можно

было достаточно легко купить прекрасные старинные вещи. А то и вовсе коллекционеры подбирали антиквариат на мусорных свалках. Пожалуй, это была последняя волна столь легкого расставания с предметами старины. Именно тогда из усадьбы Светочева Гора, что недалеко от Костромы, поступил самый многочисленный комплекс предметов усадьбного быта. Их владельцем был человек, связанный родственными узами с прежними хозяевами Светочевой Горы. Помимо мебели, фарфора и живописи, это еще и резная по слоновой кости шкатулка, и две скульптурные группы казлинского литья: «Башкир на лошади» и «Прощание казака с казачкой». Но самым интересным из всего является вотчинник рубежа XVIII-XIX вв. - небольших размеров шкафчик с множеством ящичков, ставившийся на стол в рабочем кабинете. В каждом ящичке хранились документы по отдельным деревням - вотчинам.

После революции 1917 г. в некоторых местах создавались крестьянские коммуны, во владение членов которых попадало все, что когда-то находилось в усадьбе. Подобная судьба постигла усадьбу Иваноского (Буйский уезд) помещика В. Н. Глаголева. В двадцатых годах коммуна уже была распущена, а вещи - распределены между ее членами. Предметы, ранее представлявшие собой единое целое, а это могли быть и коллекции предметов старины, и библиотеки, и «галереи предков», если не были разломаны и сожжены, расплылись по множеству крестьянских изб, где в большинстве случаев и пропали. Лишь некоторые имели небольшой шанс попасть в антикварный магазин или музей. Из Иваноского в музей-заповедник поступили посуда и шкаф-горка, не столько ценные в художественном плане, сколько интересные тем, что находились в помещицком имении, и в крестьянской коммуны. Кстати, поступили они от наследника одного из основателей коммуны в Ивановском.

Несмотря на анонимность предмета, иногда бывает возможно по особенностям работы определить время его изготовления, мастерскую и автора. Точно так же в некоторых случаях можно «опознать» и вещь усадьбного производства.

В музее хранится прекрасный консольный столик предположительно середины XVIII в., выполненный в барочном вкусе, и парный к нему - идентичный по внешнему виду, но судя по некоторым деталям, сделанный позднее. Такое нередко бывало в помещицком

Туалетный столик из приданого княжны Шаховской. Усадьба Василево Костромского уезда. Первое десятилетие XIX в.

имени, когда крепостные мастера, часто обладавшие высокой квалификацией, могли изготовить необходимую копию. Например, в усадьбе Денисово помимо покупной мебели, отделанной шпоном ценных пород дерева, находились кресла-корытца, просто раскрашенные то ли под карельскую березу, то ли еще под какое-то дерево. Они столь очевидно носят характер своего, домашнего, производства, что наверняка были сделаны если не в Денисове, то в какой-нибудь другой близлежащей усадьбе. В запасниках КГОИАМЗ имеется посудный шкаф-буфет, украшенный полуколонками с резными капителями, филанками, окрашенными под мрамор, и по стило несложно напоминающий мебель петровской эпохи, заимствованную из Голландии или Германии. Вероятно, создан он был усадьбинными мастерами, на что указывает некоторая «доморошенность», сравнительная простота отделки и грубоватость обработки внутренних поверхностей.

До сих пор мы рассматривали в основном мебель, то есть то, что дает более полное представление о стиле обстановки дома. Но в такой же степени большой интерес вызывают и мелкие предметы: альбомы, фотографии, вышивки, табакерки, расшитые кошельки. Представление о быте, мировоззрении, чувствах человека прошедших эпох можно составить не только по вещам крупным, окружающим его, и крайне необходимым в быту, но и прелестным безделушкам, украшавшим его жизнь. В XVIII - первой половине XIX вв. эти предметы нередко изготавливались вручную в единичном экземпляре, были заряжены энергией человека и говорили о нем больше, чем поздние тиражированные вещи. Единственный в собрании КГОИАМЗ предмет, о котором точно известно, что он был создан в конкретном имении крепостных мастериц - это расшитый бисером кошелек из усадьбы Темная близ Галича, принадлежавшей Василию Яковлевичу Алушкину. Изготовлен он был в 50-е г. прошлого столетия.

Прелестные безделушки особенно большое место занимали в жизни человека во второй половине XVIII в. Это была по сути очень театральная эпоха, а где, как не в театре, особое значение приобретает язык жестов и аксессуаров. К ним имеет самое непосредственное отношение веер - необходимая принадлежностью каждой светской дамы, которая с его помощью могла многое поведать лицу заинтересованному. Чудесней веер предположительно последней трети XVIII в. происходит из усадьбы

Сумароково и принадлежал когда-то Екатерине Васильевне Сумароковой, перейдя к ней, очевидно, по наследству. Веер шелковый, на резной костяной основе, расписан цветами и изображением амуриной сцены, расшит блестками. В музее хранится еще один гораздо лучшей сохранности, очень похожий на предыдущий, но неизвестного происхождения. Веер Е.В.Сумароковой поступил в 1963 г. от частного лица; если бы и второй поступил от него же, это было бы задокументировано. Значит, либо они парные и «встретились» в музее, либо изготовлены в одной мастерской и происходят из разных источников, что более вероятно.

Одна из самых интересных костромских усадеб - усадьба Патино Солигальского уезда. С середины XVII в. принадлежала роду Купреяновых. К 1917 г. там было сосредоточено большое количество предметов старины и искусства, передаваемых из поколения в поколение. Малая их часть после революции попала в музей. На сегодняшний день в фондах музея-заповедника находятся предметы быта и произведения живописи. Среди них красный сафьяновый портфель-папка, расшитый золоченой нитью, с надписью «Constantinople» и датой - 1783. Может быть, еще в XVIII в. один из владельцев Патина привез его из заграничного путешествия или кто-то из друзей преподнес портфель в дар хозяину усадьбы. Из Патино же велет свое происхождение бра на две свечи. Оно привлекает внимание сочетанием классицистических и «готических» элементов декора, что было характерно для 20-30-х гг. прошлого столетия.

В последние годы усадьбная тема переживает третью волну интереса. При этом интересны не только архитектурные и хозяйственные комплексы, но и предметы, «населявшие» усадьбу. Каждая вещь хранит в себе массу информации о своих владельцах, их вкусах, привычках и потребностях, надо лишь уметь ее прочитать. Всегда любопытно представить себе сочетание предмета и комнаты, где он когда-то находился, дома и парка, парка и хозяев, особенно если о них хоть что-то известно. В большинстве случаев усадьбные вещи являются типичными представителями группы предметов определенного назначения и стиля. А многие из приведенных выше - прекрасными образцами декоративно-прикладного искусства. В статье не случайно основное внимание обращено на произведения искусства середины XVIII - первой трети XIX вв. Предметы этого времени более полно подчинены при-

Бра на две свечи.
Вторая четверть XIX в. Ус. Патино
Солигальского уезда дворян Купреяновых.

ципам одного стиля, чем поздние, часто эклектичные, вещи. Кроме того, именно на этот период пришлось наибольшее расцвет уникального феномена русской культуры - помещичьей усадьбы.

1. Диван, два консольных столика и два кресла-корытца находятся в экспозиции; два зеркала в прямоугольных рамках, два ломберных стола и еще два кресла - в фондах КИАМЗ.

2. Отчет о деятельности Костромского научного общества по изучению местного края за 1918 год. Год VII. - Кострома. 1919. - С. 6-7.

3. Первая волна интереса к истории русской усадьбы приходится на конец XIX - нач. XX вв.

4. ЧК. Подогреп по делам музеев и охраны памятников искусства и старины, Горисполком, Костромской уездный исполком и пр.

5. Отчет о деятельности Костромского научного общества по изучению местного края за 1919 год. Год VIII. - Кострома. 1920. - С. 16-17.

6. Под усадьбным бытом понимается только быт сельской дворянской усадьбы.

7. Свидетельство, данное князю Шаховскому Николаю Ивановичу его братом о введении князя князей Шаховских в родословную книгу по Костромской губернии. КГОИАМЗ. Фонд документов. КОК 14065.

8. История родов русского дворянства. Т. I. СПб., 1886. Репринт. Изд. - М., 1991. - С. 149.

9. У стола - деталь, расположенная непосредственно под столешницей и соединяющая ножки. В ней могут находиться выдвижные ящики.

Любовь НОВОЖИЛОВА

РУЖЬЯ, ШПАГИ, НАГАДНИ...

Среди множества уникальных и редких предметов в Костромском музее-заповеднике хранится интересная коллекция оружия. Она насчитывает более шестисот единиц хранения.

В ней представлены почти все образцы холодного оружия (сабли, мечи,

Дорожный кремневый пистолет (Англия, 1-я четв. XIX в.) и шестиствольный пистолет системы Лефоше (Зап. Европа, 3-я четв. XIX в.).

шашки, кинжалы, шпаги), древковое оружие XVII-XVIII вв. (бердыши, албарды, рогатины), защитное вооружение XIII-XIX вв. (кольчуги, кирасы), кремневые и капсюльные ружья и пистолеты, револьверы и винтовки, стрелное и охотничье оружие. Изготовлены эти предметы как в России, так и в странах Западной Европы и в восточных государствах (Японии, Китае и др.).

Коллекция складывалась в течение ста лет, но с годами были утрачены сведения об источниках поступления того или иного предмета в музей, о принадлежности его тому или иному лицу или семье. В современных учетных документах эта информация почти не оглашалась. Тем не менее было установлено происхождение и время поступления в музей 236 предметов периода XIII - начала XX вв.

Первые образцы оружия поступили в музей, созданный Костромской губернской ученой архивной комиссией. Члены КГУАК собирали предметы старины и передавали их в музей. Например, в 1903 г. от Анатолия Николаевича Жохова поступили два штыка и сабля времен императора Александра I, Горбунов Г.К. в 1900 г. передал кольчугу, латы, головную сетку. Чалеев И.Н. в 1904 г. - два бердыша, албарду, несколько сабель. А.А. Апушкин в 1908 г. передал 6 пуйл времен Крымской войны, найден-

ных под Севастополем. Надо сказать, что почти все бердыши и албарды, хранящиеся ныне в музее-заповеднике, происходят из музея КГУАК. С момента основания при ученой архивной комиссии музея в 1891 г. и до 1908 г. в нем сложилась довольно большая и различная по видам коллекция оружия. Раздел оружием в этнографическом отделе насчитывал 66 предметов. В разделе, кроме предметов домашнего быта, было представлено 19 вещей военного происхождения¹. 40 из них выявлены в современной коллекции.

Самое массовое поступление в музей оружия, предметов военного снаряжения и обмундирования произошло в 1918-19 гг., т.е. после Октябрьской революции. Отдельные экземпляры передачи были частными лицами или куплены на средства КНО (у Андронникова В.А. за 4000 руб. приобретена албарда; за 95 руб. куплена у Н.А. Рейпольского ручная граната). Белянкин С.Н. в 1918 г. сдал на хранение одиннадцать предметов, затем еще четыре. Часть из них сохранилась. Это турецкие ятаганы и ружья, кремневые пистолеты. От Петра Сергеевича Вяземского поступили парные кремневые пистолеты 1723 г. (сохранился лишь один).

В беспокойное послереволюционное время Губернская чрезвычайная комиссия проводила многочисленные обыски в непростарских и некрестьянских домах. Частично конфискованное оружие (а также предметы искусства, посуда, награды и т.п.), передавалось в музей. В это же время поступило оружие с военного артиллерийского склада, от военного комиссара. Привозили коллекции и из бывших дворянских усадеб («Нероново», «Внуково» и др.). Самая крупная из них принадлежала Черевиным.

Усадьба Нероново Черевиных под Солигаличем была крупным очагом дворянской культуры XVIII-XIX вв. В 1697 г. Григорий Войнович Черевин купил это имение у своего тестя Михаила Севериановича Шипова. Благодаря своим родственным связям, Нероновская ветвь этого рода с самого начала XVIII в. выдвинулась в высшие ряды российской знати. Все владельцы Нероново служили по военной части и были рачительными хозяевами усадьбы. Во 2-й поло-

вине XVIII в. при Петре Ивановиче Черевине сформировался значительный усадебный комплекс, насчитывающий до двух десятков разнообразных зданий, в т.ч. господский дом и церковь Воскресения, а также оранжереи, теплицы, коюшони, регулярный и пейзажный парки и т.п.²

Во 2-й половине XIX - нач. XX вв. богатая усадьба Нероново, одна из лучших в Костромской губернии, служит Черевиным местом летнего отдыха и последним прибежищем по окончании.

Владельцы усадьбы коллекционировали и собирали различные предметы старины. В доме находилась обширная библиотека (до 3 тыс. томов) на русском и иностранных языках, старопечатные и рукописные книги, богатейший фамильный архив (до 1 тыс. единиц), а также много картин и портретов, в т.ч. фамильная «галерея предков», бывшая непременным атрибутом убранства парадных помещений многих господских домов (портреты написаны Г.Островским). В нижнем этаже дома Черевиных размещалась так называемая «охотничья», где хранилась коллекция старинного русского оружия³.

В 1918 г. имущество Черевиных было конфисковано. Костромское научное

Фрагмент наградной шашки с надписью "За храбрость" (2-я половина XIX в.) из ус. Нероново дворян Черевиных.

общество предприняло меры к спасению картин и книг из усадьбы. Их перевезли в Солигалич и предполагали переправить в Кострому⁴.

Однако 28 ноября 1919 г. в научное общество поступило сообщение о том, что книги из библиотеки помещицы Черевин (вероятно, Анны Александровны, вдовы Александра Петровича Черевина, умершего в 1905 г. от ран, полученных в

Маньчжурин - Л.Н.) будут переданы в распоряжение представителя КНО Н.Марина, а «картины на основании циркуляра Всероссийской Чрезвычайной Комиссии за № 79 будут оставлены при отделе посещения для музея (Солнгалического - Л.Н.). Передать их в научное общество не представляется возможным, потому что Солнгалический уезд сам нуждается в исторических памятниках

33
Фрагменты охотничьих ружей
из коллекции Черевных и Пановых.

искусства, которых у него очень немног^о.

Картины и портреты так и остались в Солнгаличе, семейный архив сейчас находится в областном архиве (фонд 838). Судьба библиотеки неизвестна, возможно, часть книг находится в музее-заповеднике, что-то попало в областную научную библиотеку или осталось в районном музее.

В Кострому была привезена коллекция оружия. 8 марта 1919 г. в книге поступлений и пожертвований в музей различных вещей была сделана запись о поступлении из усадьбы Черевных Нероново оружия. Все предметы перечислены и дано их краткое описание. Всего 41 единица. Среди них 2 чугунные пушки XVIII в. и медная шведская пушка, отлитая в 1989 г. В музее-заповеднике хранится 12 корабельных и шлюпочных пушек XVIII в., в т.ч. и шведская. Скорее всего, все они из коллекции Черевных. Первые владельцы усадьбы служили в Архангельске: Григорий Воинович (умер до 1724 г.), Петр Иванович (1733-1818 гг.), Иван Григорьевич (1702-1766 гг.) был лейтенантом флота, а женат он был на дочери известного в те годы специалиста по артиллерийским делам, полковника Степана Кошелева. Служба в северном порту и родственная связь с артиллерийским инженером могли способствовать появлению в коллекции пушек. До сих пор музей-заповедник хранит великолепные офицерские шапки и сабли 2 пол. XIX - нач. XX вв. Три из них награжденные с георгиевскими крестиками и темляками. Одна шапка именная, Петра Александровича Черевина. На золоченой с черной рукоятки надпись «За храбрость».

По клинку идут надписи: «Командиру Собственного Моего конвоя, свиты моей генерал-майору Черевину», «В память Турецкой войны 1877 года».

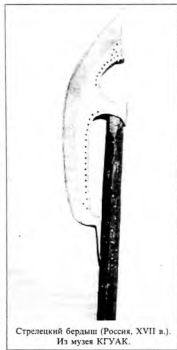
Петр Александрович Черевин родился в 1837 г. Военную службу начал в 1855 г. на Кавказе. В 1863-65 гг. состоял офицером для особых поручений при виленском генерал-губернаторе М.Н.Муравьеве и был одним из главных деятелей по усмирению восстания в Северо-Западном крае. В 1866 г. он был членом следственной комиссии по делу Каракозова. В русско-турецкую войну П.А.Черевин был в составе отряда генерала И.В.Гурко, командовал кавалерийским отрядом и участвовал в атаке Горного Дубника и взятии Телешских укреплений, переходил через Балканы. На войне он обратил на себя внимание будущего императора Александра III великостью ирава, остроумием и находчивостью. После войны и получил Червину орден св.Георгия 4 ст. В 1878 г. Петр Александрович стал товарищем шефа жандармов, главным надзирателем третьего отделения, затем был назначен товарищем министра внутренних дел. После восшествия на престол императора Александра III Черевин получает новую должность: командир личного конвоя Его Величества. С тех пор жизнь Черевина тесно сплелась с жизнью царя и его семьи. Умер Петр Александрович в 1896 г.⁴ Прах его перевезли из Петербурга в родовое имение и похоронили под каменной плитой в церкви, построенной предками Черевина. Стены храма были увешаны серебряными венками от Великого князя Николая Михайловича, от штаба отдельного корпуса жандармов, от офицеров гвардейского батальона, от конвоя Его Величества и от множества других лиц, знавших Петра Александровича. На похоронах присутствовали: костромской губернатор, чухломский и солнгалический предводители дворянства, городские головы, исправник, местный земский начальник, соседи-помещики, крестьяне с Нероново⁵.

Скорее всего именная шапка была подарена Петру Александровичу Александром III после назначения Черевина командиром личной охраны императора, т.е. после 1881 г.

В Нероновской коллекции оружия есть и великолепные образцы восточного холодного оружия: японские сабли, азиатские клинки, украшенные серебряными накладками, бирюзой, кавказские шапки. Большинство оружия относится к 2-й пол. XIX в. и приобретено, скорее всего, П.А.Черевным. Им же, по всей видимости, приобретены и охотничьи

ружья, которых немало в коллекции. Относятся они, основная часть, ко 2-й пол. XIX в. Это ружья известных фирм и мастеров: Беккер, Винчестер и др. Есть ружья XVIII и 1 пол. XIX в., изготовленные оружейниками Германии (Кухенрейтер, Эртель), Испании (Николай Бис), Чехии, Польши, а также кавказское ружье мастера Абдурахман Хаджи Мустафы. Кроме ружей имеются и прекрасные выполненные дульные пистолеты, произведенные в Вене и Праге в 3-й четверти XIX в. (Контринер, Лебеда). Все собранные Черевными предметы высокохудожественны и красивы. Хозяева усадьбы Нероново отличались изысканным вкусом.

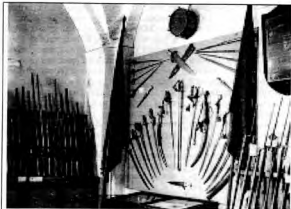
Конфискованное оружие поступило в музей и из усадьбы Вынуково Солнгалического уезда (16 предметов)⁶. Вынуково принадлежало Кривскому В.П., который дал это имение в приданое дочери, вышедшей замуж за Ивана Панова в начале XIX в. Его дел - П.А.Панов - ку-

Стрелечий бердыш (Россия, XVII в.).
Из музея КГУАК.

пец из Тотмы, вместе с другими компаниями исследовал Алеутские острова, вел большую торговлю с Китаем и сколотил приличное состояние. Сын его за заслуги отца был принят в армию, по-

Музей местного края. Экспозиция оружейного отдела.
Размещалась в здании бывшей гауптвахты. 1920-е гг.

лучил чин майора, а с ним и дворянство. Поселившись во Внуково, Иван Васильевич Панов перевез из Тотмы в усадьбу библиотеку, семейные портреты, архив, имущество⁹. В коллекции оружия из Внуково преобладают западноевропейские охотничьи ружья и пистолеты XIX в.

Очень крупное поступление в музей оружия и военного снаряжения произошло в 1918 г. из музея Пултуского полка (173 единицы): русские и иностранные винтовки и револьверы, холодное оружие, осколки снарядов, гильзы, технические средства (перископы, противогазы и т.п.) периода конца XIX - нач. XX вв. Большой частью это были трофеи полка в годы первой мировой войны, переправленные в Кострому. 183-й пехотный Пултуский полк появился в Костроме в 1910 г. В 1911 г. полку было пожаловано знамя (знамя и грамота на него хранятся в музее-заповеднике). В 1914 г. полк был отправлен на фронт, но связь костромичей с ним не утратилась. Жители губернии отправляли в полк на фронт посылки, подарки, поздравления с праздниками. В 1916 г. в Костроме в помещении Костромской губернской чертежной 183 Пултуским полком была открыта выставка предметов вооружения и снаряжения австро-германской армии, взятое в качестве трофеев на полях сражений. При входе на выставку имелась кружка, сбор из которой поступал в пользу семейств убитых воинов¹⁰. После выставки трофеи, вероятно, хранились при 88 пехотном Запасном полку, который в годы первой мировой войны занял казармы Пултуского полка. А музей полка находился в Кни-

шеских казармах на Русинной улице. Большая часть трофеев Пултуского полка хранится сейчас в фондах музея-заповедника. После революции в музее сосредоточилось большое количество оружия, в 1919 г. был выделен военный отдел. «Вследствие накопившегося военно-исторического материала, не имеющего прямого отношения к местному краю, в Правлении возник проект устройства особого военного музея (в здании гауптвахты). С одной стороны, имелось в виду разрушить музей края, с другой - дать возможность населению целюю представить себе картину истории военного дела, т.е. в самом музее развернуть весь накопившийся материал за отсутствием свободного помещения не представляется возможным¹¹. Здание гауптвахты удалось закрепить за музеем, там были проведены в 1925 г. ремонтные работы и на первом этаже размещена экспозиция военного отдела. Хранителем оружейного отдела был И.П. Пауль.

В конце 20-х гг. XX столетия в музее произошла реорганизация: уволены опытные сотрудники - Смирнов В.И., Пауль И.П., Рязановский А.Ф. и др. Научные исследования отошли на задний план. На фоне этой реорганизации и разгрома краеведения произошли изменения в оружейном отделе. В 1929-1931 гг. около 250-ти экземпляров холодного и огнестрельного оружия (третья часть фонда) было передано в ОГПУ. Трудно понять, по какому принципу отбирались предметы для передачи их в специальные органы. Это были разные по сохранности и ценности экземпляры: кремневые и капсюльные пистолеты и ружья, более поздние русские и, в основном, иностранные винтовки, различные холодное оружие, снаряды и стаканы от снарядов, оптические приборы.

В 1955 г. в музее были заведены новые

инвентарные книги и книги поступлений, предметам даны новые номера, по информации об источниках поступления вещей, за редким исключением, в новые документы внесена не была.

В последующие годы оружие в музей поступало очень редко. Незначительные поступления от частных лиц были, в основном, после Великой Отечественной войны. Это случайные находки в земле или в старых домах, военные трофеи, награжденное оружие, предметы, поступившие из милиции. Информация об этих предметах была зафиксирована в учетных документах.

Таким образом, коллекция оружия Костромского музея-заповедника, в основном формировалась в конце XIX - нач. XX вв. (до 1920 г.). Ее составляют предметы из музея КГУАК, из музея 183-го пехотного Пултуского полка, из дворянских усадеб, оружие, конфискованное при обысках и поступившее из Губернской чрезвычайной комиссии, незначительные поступления от частных лиц.

Коллекция музея-заповедника богата, но посетители музея могут видеть лишь незначительную часть этого богатства. Было бы уместно сейчас возродить идею начала 20-х гг. и воссоздать в здании бывшей гауптвахты, военно-исторический музей. Привлекая дополнительный материал (литографии, фотографии, документы, книги и т.п.) в его залах можно создать интересные зрелищные выставки и экспозиции.

1. Каталог музея КГУАК. Кострома, 1908.

2. Кудряшов Е.В. Солнгалач.Л.1987.С.76.

3. Там же. С.78.

4. ГАКО. Р-838. Оп. 1. Д. 10. Л.76.

5. Там же.

6. Воспоминания П.А.Червина 1863-1865. Изд.КНО. Кострома, 1920. Примечания к предисловию.

7. Костромские губернские ведомости № 16, март 6, 1896г.

8. Книга записи пожертвований и поступлений...(1918-1924 гг.).

9. Белоруков Д.Ф. Из истории Костромского края. Т.2. С. 382. Сапрыгина Е., Корнилов П. Пушное дело Пановых // Губернский дом. - 1995. - № 5.

10. Поволжский вестник. - 1916. - № 2811. - 11 февраля.

11. Отчеты КНО за 1918 год. Кострома, 1919.

Сталина МАСАЛЕВА

КОСТЮМ НЕОБЫЧНЫЙ, КРАСОЧНЫЙ И ПРАКТИЧНЫЙ

В фондах Костромского музея-заповедника хранится большая коллекция крестьянской одежды разных уездов Костромской губернии. Коллекция состоит из собрания женских головных уборов, верхней крестьянской одежды, мужских и женских рубах, сарафанов и других необходимых атрибутов народной одежды XVIII-XIX вв.

Формировалась коллекция в разные годы XX столетия. Большая заслуга по изучению и сбору сведений по костромской одежде, несомненно, принадлежит сотрудникам КНО Н. Беляевой, Е. Полянской, Л. Кигициной, работавшим в 20-е гг. и собравшим богатый словарный материал, сделавшим зарисовки крестьян в их одежде, создавшим огромную фототеку по крестьянскому быту. Из отчетов КНО за 20-е гг. «в музей поступило старинной одежды 20 предметов - бархатный кокошник, шитый золотом, шитая золотом, камнями и жемчугом женская повязка, 12 головных старинных уборов». Для исследователей, изучающих крестьянскую одежду, большой интерес представляет работа Н. Калиткина «Орнамент шитья костромского полушубка».

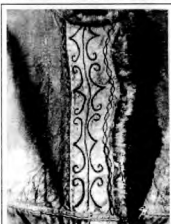
В дальнейшем, до 50-х гг., поступления крестьянской одежды в фонды музея массового характера не носили и были единичны.

Последующая работа по формированию коллекции была продолжена в 50-80-е гг. сотрудниками краеведческого музея и музея-заповедника во время многочисленных экспедиций по Костромской губернии.

Крестьянский костюм был необычен, красочен и живописен. Сложившийся веками, он отличался свободным кроем, большой длиной, особенностью украшения. Костюм нес значительную информацию: по нему можно было определить, из какой губернии, уезда человек, к какой социальной группе относился, чем занимался. Было строгое разделение одежды на праздничную и будничную, бывала одежда, связанная с верованиями человека, обрядами (свадебными, погребальными и др.).

Основу женского крестьянского костюма составляли: головной убор, сарафан, надеваемый на рубаху; мужское — рубаха и порты. В холодное время года надевалась теплая верхняя одежда. Вся она — мужская и женская — обязательно подпоясывалась.

Удивительно многообразна верхняя крестьянская одежда в Костромской губернии. В XIX в. насчитывалось около

Фрагмент праздничного женского полушубка "бекеша".
Нерехтский уезд, кон. XIX в.

30-ти различных ее видов: кафтан, полукафтан, зипун, армяк, пониток, чепан, сибирка, кунтыш, чуйка, сукошник, бекеша, тулуп, шуба, полушубок, бурнус и другие одежды, распространенные в конце века в крестьянской среде под влиянием городской моды.

В богатых крестьянских семьях в чуланах, сениках, амбарах, клетях хранились большие запасы одежд, носимых и почитаемых в это время. С некоторыми образцами ее знакомит криминальная хроника газеты «Костромские губернские ведомости»: «с Писово Нерехтского уезда. ... Из чулана покрадено вещей женских: пальто на заячьем меху, черное люстриновое пальто, плюсовый холодный шелковый бурнус, салон терновый на заячьем меху, черное суконное пальто, сюртук черного сукна с бар-

хатным воротником» (1865 г.).

«Костромские ведомости» за 1861 г. сообщают: «Яковлевская волость. ... У государственного крестьянина похищено из чулана... тулуп, крытый черным сукном, на бараньем меху с волчьим воротником, шуба суконная синяя на бараньем меху, шуба черная плюсовая на заячьем меху с лисьим воротником, бекеш суконный синий на бараньем меху, казак синий суконный на вате, шуба темно-синяя китайская на бараньем меху?»

В праздничные дни зажиточные крестьяне, особенно молодые, надевали самые лучшие одежды, иногда по несколько сразу, показывая свои наряды.

Вот как описывает «катанья», проводимые ежегодно в Крещение в селе Ковверино, местный кустарный староста Змиин М.М.: «С утра съезжаются со всей округи, не только с одной волости, но и других. Приезжают на хороших конях в приличных санках с хорошей сбруей на лошади. Так много съезжаются, что кататься можно только шагом, друг за другом. На катанья особенно одеваются девицы в самые лучшие наряды, которые, может быть, весь год лежат на дне сундука. Кроме того, девицы привозят с собой по несколько платьев и одежды, иногда «займают» у других и переодеваются в течение дня несколько раз. Во все время катанья стоят они по обе стороны улицы, а родители сзади их»¹.

В этнографических заметках о жителях села Воронье читаем: «... праздничный наряд у мужчин составляют: летом сюртук и чапаны (короткий кафтан со сборами сзади) суконные, длинные, а зимой тулупы на овчьем меху, у богатей те на лисьем и других дорогих мехов...». В г. Ярославле существовал обычай «выставки деревенских молодых» - «ежегодно, на масленице в понедельник приезжают из окрестных деревень и сел новобрачные и устанавливаются на Рождественской улице рядами попарно. Новобрачные пары в продолжение трех, четырех часов стоят неподвижно на одном месте. Эти стояния называют «столбами». На «столбах» молодухи и их мужья показывают все, что у них есть

дорогого и красивого из одежды. Если у молодого две шубы, он наденет одну в рукава, а другую накинёт на плечи. Женщина наряжается во все, какие есть у нее, праздничные наряды, надевает несколько шуб и, если все не может, то лишнее держит в руках. Бедные, которым не в чем показаться на «столбы», берут на подержание у более зажиточных и являюся на «столбы» в чужом платье. Обычай этот стародавний и никто о начале его не запомнил».

В бедных крестьянских семьях большого разнообразия в одежде не наблюдалось, их гардероб состоял из двух-трех видов одежд: кафтан, понитка, полушубка из низкошерстных овчин и той, которую могли просто подать.

Выходя из дома, крестьянин обязательно подпоясывал свою одежду поясом, кушаком. При отсутствии их могли подпоясаться веревкой, косыночкой или даже полотенцем: «мужчина... 60 лет одет в ветхом с заплатами кафтане из серого сукна, подпоясано ветхим портяным кушаком»⁸ или «мужчина 35 лет... одет в полушубок, крытый крашенной, подпоясан белым полотенцем»⁹.

Очень часто, особенно в холодное время года, крестьянин одновременно мог надеть на себя несколько верхних одежд: «...крестьянка... 50 лет... одетая в ветхом сером кафтане, бараньем полушубке»⁸, «...крестьянин... 70 лет одет в нагольный полушубок бараньих овчин, сером крестьянского сукна кафтане...»⁹.

Выезжая в дальнюю дорогу, поверх всех одежд обязательно надевали тулуп на овчине или халат из толстого сукна. Это были длинные просторные одежды с большим отложным воротником. В дороге такая одежда служила теплым покрывалом.

Традиционной русской зимней одеждой были: шуба, полушубок, тулуп, шитые из овчины. В Костромской губернии шуба была известна в каждом уезде. Шили шубы из разного меха и почти всегда покрывали сукном или тканью домашнего изготовления, «крашенной»: «... шуба крашенная, подбитая черными овчинами»¹⁰, «шуба баранья, покрытая белым толстым холстом»¹¹.

Их носили крестьяне в Костромском уезде в середине XIX в. в будничные дни. Праздничные шубы покрывали сукном: «шуба овчинная крытая сукном» - Юрьевский у., «медвежья шуба крытая сукном»¹². Нерехтский у., «...черная плисо-

вая на заячьем меху с лисьим воротником, китаешная темно-синяя на бараньем меху»¹³ - Нерехтский у. В конце XIX в. у молодых женщин, девушек были в моде шубы на лисьем меху, крытые бар-

Шуба мужская праздничная. 1913 г.
Костромской уезд, д. Климино.

хатом. У мужчин праздничными считались шубы из меха волка, енота.

Среди крестьян губернии был почитаем полушубок. В отличие от шубы его шили короче, обычно до колен. Полушубок носили и в праздники, и в будни. Основным материалом для пошива полушубков была овчина домашней выработки. «Полушубок нагольный бараньих овчин» - в каждом уезде имел свои особенности. Полушубки шили на заказ и на продажу портные мужчины, и на костромских базарах их можно было купить. Великолепно выглядели праздничные полушубки. Богатая вышивка украшала ворот, низ рукавов, подол, карманы, переднюю полу. Орнамент, состоящий из всевозможных линий: горизонтальных, волнообразных, пунктирных, цепочек ромбиков, переплетов с причудливыми завитками - придавал этим изделиям особую прелесть.

Большой популярностью среди крестьянского населения пользовались кафтаны, известные на Руси с XIV в. Вот как описывает этот вид одежды В.И. Даль: «Кафтан - верхнее, долгополое мужское

платье разного покроя, запашное с косым воротом. Обычно кафтан шьется не из дмотканниа, а из синего сукна. Он бывает круглый, с борами, короткий - полукафтан, прямой кафтанчик»¹⁴. В Костромской губернии не все придерживались правила шить этот вид одежды из синего фабричного сукна, а предпочитали домашнее - серого, смурого, так называемого, цвета. Летние кафтаны шили из портнянны серого цвета, неотбеленного холста домашнего изготовления. Кафтаны, шитые из сукна, часто покрывали другой тканью - нанкой, «кафтан из черной русской шерсти крытый синей нанкой»¹⁵ - встречается в Кишишском у., «кафтан, покрытый белым холстом»¹⁶ - Ветлужский у. Встречаются кафтаны и на подкладке - «кафтан суконный синего цвета на холстинной белой подкладке»¹⁷ - Кострома. Этот вид одежды носили и женщины, и мужчины, надевая в холодное время года. Летом ходили в холщовых кафтанах, зимой - из толстого домашнего сукна.

Среди рабочей верхней одежды наиболее распространенным в губернии был пониток - «рабочий кафтан из пониточной ткани. Понитчина - крестьянское полушубко, дмотканниа из портяной основы и шерстяного утка»¹⁸. Это была повседневная рабочая одежда, короткая, с глубоким запахом под и плотно облегающая верхнюю часть тела, застегиваемая обычно на крючки. В Ветлужском у. понитки носили «синего цвета, подбитые на старом крестьянском сукне черного цвета»¹⁹. Это рабочая повседневная одежда мужчин и женщин, в которой ходили в холодное время года, в будни.

Популярен среди населения губернии был армяк длиннополюй кафтанного покроя. Армяк армяки из серого крестьянского домашнего сукна или фабричного на подкладке. «Армяк синего сукна на крашенной голубого цвета холстинной подкладке с большим воротником обшитый в два ряда черным плисом, а обшлага рукавов синим сукном»²⁰ - так выглядел, по всей вероятности, праздничный армяк Нерехтского у. Иногда праздничные армяки шили из сукна красного цвета (Чухломск. у.). Использовался армяк только как дорожная одежда и обычно надеваемая поверх других одежд на кафтан или полушубок.

Среди крестьян губернии была распро-

странена безрукавная одежда, надеваемая на рубашку, сарафан для тепла. Это нагрудники, безрукавки, шитые из домашнего холста или фабричной ткани на вате. Носили их дома, надевали под кафтан, полушубок, выходя на улицу.

В середине XIX в. среди зажиточных крестьян стала появляться городская одежда - пальто, бурнус, сюртук и другие виды одежды. Пальто носили преимущественно женщины. Шили его из фабричной ткани «казинета», «люстрина» на тканевой подкладке или зачьем меху.

Самой распространенной тканью для пошива верхней одежды было фабричное сукно черного или синего цвета. Большим спросом пользовались нанка, китайка, казинет, люстрин. Крестьяне среднего достатка носили преимущественно одежду из тканей домашнего изготовления - понитчины, некрашеного холста, сукна.

Особый характер тому или иному виду одежды придавала его длина. Наиболее длинными, до пят, шили тулупы, халаты, армяки. Шуба шилась ниже колен, обычно до икр. Полушубки, кафтаны, понитки, кошули до колен или чуть ниже. Полукафтан, коротушки, поддевки лишь немного ниже талии, а нагрудники и безрукавки до талии.

Цветовая гамма верхних одежд не была богатой. Предпочиталась одежда из тканей темного цвета - черного, синего, коричневого. Предпочтение отдавалось одежде из ткани серого цвета - природный цвет льняной нитки, шерсти домашней овцы. Полушубки шили из дубленых овчин, большей частью кирпичного или коричневого цвета, из отбеленных овчин или овчин черного цвета.

Для верхней крестьянской одежды

Костромской губернии XIX-нач. XX в. характерна интересная особенность. Все одежды, и мужские, и женские, имели глубокий запах на левую сторону. Эта особенность в покрое верхних одежд была свойственна только русской одежде. «У русских народа установился обычай застегивать верхнюю одежду на

Кафтан "халатех".
Праздничный у.
XIX в.

левой стороне, что перенос застежки на правую сторону считался грехом»²¹. Кроме этого, одежда плотно облегла тело человека в его верхней части, оставляя полы внизу свободными, а глубокий запах не давал при ходьбе им расколотиться и в то же время обеспечивал свободу движений.

Верхняя одежда костромских крестьян отличалась целесообразностью кроя - он прост, практичен. Была выработана такая форма одежды, которая оказыва-

лась удобной для работы и для праздников.

Жизнестойкость покроя русского кафтана оказалась настолько сильна, что в современных мужских полушубках сохранились некоторые его элементы: спинка выкройная, отрезная, по талии без сборок.

Конечно, в небольшой статье невозможно представить все виды верхних крестьянских одежд, но мы познакомились с некоторыми из них, наиболее распространенными в Костромской губернии.

1. Костромские губернские ведомости. - 1865. - № 40.
2. КГВ. - 1861. - № 45.
3. Зинин М. М. Ковернинский край. Материалы КНО. Рукопись. 1920. КИАМЗ.
4. КГВ. - 1857. № 26.
5. Нефедов Ф. Д. Этнографические наблюдения на пути по Волге и ее притокам. // Труды этнографического отделения Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. Книга IX. Протоколы 13-25 заседаний. - М., 1877.
6. КГВ. - 1842. № 43.
7. КГВ. - 1859. № 14.
8. КГВ. - 1838. № 48.
9. КГВ. - 1855. № 23.
10. КГВ. - 1878. № 7.
11. КГВ. - 1848. № 17.
12. КГВ. - 1851. № 37.
13. КГВ. - 1861. № 45.
14. Даль В. И. Толковый словарь. - М., 1862.
15. КГВ. - 1879. № 4.
16. КГВ. - 1855. № 46.
17. КГВ. - 1841. № 34.
18. КГВ. - 1848. № 28.
19. Маслова Л. С. Восточнославянский этнографический сборник. - Раздел «Одежда». - М., 1965.
20. КГВ. - 1842. № 88.
21. КГВ. - 1865. № 40.

СЛОВАРЬ

НАНКА - грубая плотная хлопчатобумажная ткань. Название связано с местом первоначального производства - г. Нанкин в Китае. Нанка была одной из самых дешевых тканей.

Р. М. Кирсанова.

Вещь и образ в русской литературе XIX в. 1989.

СМУРЫЙ (от мрак, сумрак) - темно-го цвета, избура-черно-серого. Смурое сукно, крестьянское, некрашеное.

Даль В. И.

Толковый словарь - М., 1882. - Т. 4.

ПЛИС - бумажный бархат, иногда бумажного ворса по льняной основе.

Даль В. И.

Указ. соч. Т. 3.

КАЗИНЕТ - полушерстяная гладкая кипорная ткань.

КИПОРНАЯ ТКАНЬ - в которой уток идет наискосок, образуя непрямую решетку.

Даль В. И.

Указ. соч. Т. 2.

КИТАЙКА - простая бумажная ткань, вывезенная из Китая; первоначально

мутно-желтого цвета, позднее стала окрашиваться в разные цвета.

Там же.

КОЛЕНКОР - бумажное полотно, тонкая х-б ткань.

Там же.

ЛЮСТРИН - шерстяная ткань с лоском.

Там же.

ЛАСТИК - подкладочная ткань из шерсти с пенкою.

Там же.

Людмила ЖУКОВА

«Дорогому Ивану Александровичу...»

Эпоха конца XIX - начала XX вв. была, как известно, ознаменована расцветом всех видов искусства: живописи, графики, скульптуры. В Костромском художественном музее собрана замечательная коллекция произведений этой поры. Складывалась она из различных источников. После революции были передачи из коллекции по охране памятников искусства и старины (1919, 1920, 1921), из государственного художественного фонда (1926), из музеев, в том числе ГРМ (1928), ГТГ (1929) и, конечно же, из частных собраний. Так, значительная часть коллекции графики конца XIX - начала XX вв. - в прошлом - собственность И.А. Рязановского - археолога, краеведа и создателя Костромского музея.

Этот замечательный человек хорошо известен всем, кто интересуется историей нашего города. О нем писал незабвенный Виктор Николаевич Бочков, были и другие публикации¹. Из всех этих рассказов предстает лич-

ность яркая, необыкновенно талантливая.

Иван Александрович Рязановский родился в захолустном провинциальном Варнавине в 1869 г. в семье акцизного надзирателя. С детства обнаружил прекрасные способности и, благодаря счастливому стечению обстоятельств, сумел получить уже тогда хорошее образование. Далее, после окончания гимназии, следовала учеба на медицинском факультете Московского университета, с которого был исключен за участие в студенческих беспорядках. В ярославском Демидовском лицее Рязановский получает диплом юриста и возвращается на родину.

С первых же лет государственной службы (Иван Александрович состоял сначала в должности контролера акцизного управления) проявляется его интерес к старине. Он начинает увлекаться собиранием древностей: редких книг, старинных гравюр, произведений народного быта. Ему принадлежала уникальная коллекция принятых досок. Все это он затем передавал в музей. В собрании нашего музея есть гравюры XVIII в. П.Т.Балабина, Н.Ф.Челнокова, поступившие уже от вдовы Ивана Александровича А.П. Рязановской в 1946 г.

Приобщение к народному быту, истории народа входило еще в юношеские планы Рязановского, в них, как и в первоначальном выборе профессии, угадываются идеи социалистов-шестидесятников. Наступившая эпоха конца XIX - начала XX в. принесла с собой новые идеалы. Творческая интеллигенция в идее отыскания, сохранения и возрождения красоты былых эпох видела возможность эстетического преобразования действительно и изменения ее. Увлечение прошлым становится всеобщим. Рязанов-

ский был известен как знаток старины и в Петербурге, и в Москве. Больше же частью жизнь его была связана с городом на Неве. Приехав после 1905 г. в Петербург, он становится слушателем Археологического института. Тогда, очевидно, завязываются многие его знакомства и начинается дружба с близкими по духу людьми. Круг их был очень широк. В его петербургской квартире на углу Тележной и Золотоношской по средам бывали многие известные писатели, архитекторы, художники, люди разнообразно одаренные. Стремление к культурному универсализму - характерная черта русского интеллигента рубежа эпох. В этом смысле Рязановский был человеком своего времени: не только знатоком старины, коллекционером, но и неплохим литератором, специалистом в области театра, искусства и, что очень интересно, сам неплохо рисовал. В Костромском государственном архиве хранится эскиз-либрис, выполненный с его рисунка 1903 г. Н.Н. Купрезовым в технике гравюры на дереве².

Все это позволяет предположить, что собрание графики не было случайностью в жизни Ивана Александровича. Оно отличается целостностью, хотя и не было результатом последовательного коллекционирования. В нем много работ, подаренных Рязановскому друзьями-художниками, авторами, с которыми у него были общие интересы в области археологии, коллекционирования, театра и т.п. Очевидно, некоторые работы выменивались им. В открытом письме к нему Г.К. Лукомского 1912 г. есть такая фраза: «...а как книга Ваша, что в обмен на рисунки Нарбута и Библина (через меня) Вы даете?». Вполне возможно, что собрание его было шире. Сейчас из коллекции И.А. Рязановского вместе с произведениями

Митрохин Д. И. 1884 - 1973 гг.
Портрет дамы. 1911 г.

художника 2-й половины XIX в. Рындина музей имеет около 90 работ 16-ти (а возможно, и более) авторов. Это произведения Б.М. Кустодиева, М.В. Добужинского, Н.К. Рериха, А.Я. Головина, Е.С. Кругликовой, С.П. Яремича, В.П. Белкина, Д.И. Митрохина, Г.К. Лукомского, А.В. Манганари, И.Н. Павлова, Н.Н. Купреянова, Д.В. Милеева и др. Сюда же относятся и 14 литографий известного графика А.И. Кравченко к сказке Гофмана «Повелитель блох» 1922 г.

Костромским читателям хорошо известно о дружбе И.А. Рязановского с Б.М. Кустодиевым, знакомство с которым началось где-то с 1906 г. и продолжалось до конца жизни. С 1910 г. Рязановский занимал в нашем городе пост секретаря Костромского губернского присутствия, в котором служил по апрель 1916 г. Все это время велась переписка с Кустодиевым, который часто в этот период бывал в Костроме. По пути на свою творческую дачу «Терем» он останавливался у Рязановского. Несомненно, их сближал интерес к старине, любовь к русской провинции, которая была основной темой творчества художника. 11 июня 1910 г. Кустодиев пишет Рязановскому: «...Раньше чем через неделю навряд ли смогу уехать. Ужасно боюсь, что не застаю Вас в Костроме. (...) Перспектива ходить в Костроме одному, без руководителя, меня не очень привлекает...»⁴. Далее в письме его, отправленном через месяц из «Терема», читаем мы: «...До сих пор живу всем тем, что мы с Вами видели в наших прогулках по Костроме. И особенно эта удивительная Гауптвахта с пожарной...»⁵. Костромские впечатления воплощались затем Кустодиевым в замечательных по красоте произведениях, где иногда возник образ узнаваемый, а чаще собирательный, воспевающий красоту неторопливой жизни старых городов. Одна из зарисовок «Молодая купчиха» (1914), принадлежавшая ранее Рязановскому, без сомнения, воспроизводит костромскую сюжет. В 1914 г. Кустодиев работал над офор-

млением спектакля МХАТа по пьесе Салтыкова-Щедрина «Смерть Пазухина». В письмах к Рязановскому он рассказывал о своей работе, советовался с ним как знатком старообрядческого быта. В память об этом содружестве Кустодиевым были подарены Рязановскому два акварельных эскиза костюмов мешанина Николая Велегласного и купца Ивана Прокофьевича Пазухина. Кроме того, из его собрания музей имеет рисунки Кустодиева с изображением натурщиц 1901 и 1906 гг., гуашевый эскиз к декоративному панно «Позиция» 1908 г. и экслибрис 1911 г., сделанный Кустодиевым для Рязановского. Он был прислан автором из Петербурга и сопровождался письмом, которое также хранится в музее: «...Наконец-то я могу послать вам обещанный exlibris, который сделал вчера. Не сделал Вашей подписи потому что шрифтом владею слабо - это можно видеть по верху, где довольно-таки кривые буквы. Но лучше не могу, ибо причина - это моя рука, которой я с трудом владею...»⁶.

С Г.К. Лукомским - архитектором, акварелистом, сотрудником журнала «Аполлон» Рязановский был также дружен. Этот тонкого вкуса, прекрасно образованный человек, как и Рязановский, был увлечен памятниками старины, изучал провинцию. Лукомский бывал в Костроме. О том, как приезжал он в наш город лет за пять до революции, как бродили они по старым улицам, как вышла затем в 1913 г. книга Лукомского о Костроме - можно прочитать в рассказе В.Н. Бочкова «Щедрая душа». Состоению провинциальной художественной архитектуры были посвящены и другие работы Лукомского, в частности его статьи: «Памятники старинной архитектуры России», «Русская провинция», «Барокко и классицизм в архитектуре Костромы», «Памятники старины в Костроме». Очевидно, для этой цели Рязановский послал ему фотографии. В том же письме Лукомского 1912 г. мы читаем: «...Искренне Вам благодарен, дорогой Иван Алексан-

Кустодиев Б. М. 1878 - 1927 гг.
Экслибрис И. А. Рязановского. 1911 г.

дрович, за присланные чудесные фотографии (С нетерпением жду обещанного из «продолжения»)...». Среди работ, подаренных Рязановскому, есть небольшой карандашный набросок «Старая Кострома», изображающий наши торговые ряды. Другие произведения (их всего шесть) - различные архитектурные зарисовки, созданные Лукомским во время заграничных поездок: «Архитектурный мотив» (1909), «Берлин. Каскад» (1912), «Деталь церковной архитектуры». На рисунке «Старый домик в Бретани» мы находим надпись: «На добрую память Ив. Ал. Рязановскому».

С 1910 г. Рязановский становится правителем дел Костромской губернской ученой архивной комиссии. Ее роль, как и Императорской археологической, существовавшей с 1889 г., состояла в сохранении и спасении памятников архитектуры от разрушения и перестройки. И.А. Рязановский поддерживал отношения со многими замечательными людьми, работавшими в этом направлении, делал публикации, принимал участие в археологических съездах. В 1911 г. в Новгоро-

Рерих Н. К. 1874 - 1943. Гады. Эскиз декоративного фриза.

де с 27 июля по 4 августа проходил очередной, пятнадцатый. На него Рязановский ездил вместе с М.М. Пришивиным. Деятельность новгородского съезда, как и предыдущих, сводилась к обзору и изучению памятников местной старины и искусства путем экскурсий и предоставления рефератов на темы, касавшиеся древностей Великого Новгорода. Совершенные поездки в окрестности, осмотрены церковь Спаса Нередицы, монастыри⁷. В память об этом съезде (так значится на работах) художником А.В. Манганари был подарен Рязановскому целый ряд произведений, выполненных в технике гравюры на металле: офорта и акватинты: «Северный пейзаж», «Перунов остров», «Пейзаж», «Царь колокол» (работа, удостоенная второй Всероссийской премии в 1908 г.) Всего в собрании художественного музея - 12 произведений этого, не слишком сейчас известного автора, принимавшего в свое время участие в столичных выставках: «Новое общество художников», 1905 г., Петербург, «XII выставка Союза русских художников», 1914-1915 гг., Москва, «Художники воинам», 1914 г., Москва, и др. Многие его работы, подаренные Рязановскому, выполнены на тонкой папиросной бумаге, некоторые изначально имели печатные дефекты, но, думается, это не умаляло их значения для Ивана Александровича, ведь они сопровождалась такими словами: «Уважаемому другу Ивану Алекс. Рязановскому...»

В конференции XV археологического съезда, несмотря на свою занятость,

читал доклад Н.К. Рерих, талантливейший художник, писатель, ученый, археолог. Его любовь к памятникам прошлого была велика, размах деятельности невероятно широк. В 1928 г. он становится автором всемирно известного Пакта о защите культурных ценностей. С Рязановским они были знакомы по Петербургу. Рерих бывал на «средах» в квартире Ивана Александровича. Из его произведений Рязановский имел эскиз декоративного фриза «Гады», решенный в духе модерна - гибкие линии, пастельная цветовая гамма. Рязановскому не безынтересны были стилевые поиски эпохи.

По понятным причинам архитектурные мотивы составляли значительную часть коллекции Рязановского. В этом ряду можно назвать акварельный рисунок С.П. Яремича «Венеция» (1909). Яремич был заметной фигурой в художественной жизни Петербурга начала века - живописец, график, художественный критик. Сотрудничал в журнале «Мир искусства», принадлежал к кругу одноименного объединения. Он был дружен с Б.М.Кустодиевым, писал о нем, о Добужинском и многих других. Слыл знатоком рисунка и гравюры, как и Рязановский был музейным деятелем. Известный график, автор книги «Жизнь русского гравера» И.Н. Павлов, друг Рязановского, также был представлен в его собрании архитектурным сюжетом «Ильинские ворота» из цикла «Уголки Москвы», выполненным в технике гравюры на дереве. Талантливый архитектор Д.В.

Милев, бывавший в доме Рязановских в Костроме, занимавшийся реставрацией Ипатьевского монастыря, оставил о себе память двумя рисунками 1912 г. «Окраина деревни» и «Пейзаж», где центром произведения является церковный ансамбль.

Через Б.М. Кустодиева А.И. Рязановский был знаком со многими театральными декораторами. Да и сам он, как мы знаем, был увлечен театром, находившемся в начале века на взлете. В 1918-1919 гг. Рязановский преподавал на театральных курсах Мейерхольда. Из его собрания музей имеет небольшой «Декоративный мотив» А.Я. Головина, артиста, тончайшего живописца, интереснейшего театрального декоратора. Именно в сфере театральной декорации и книжной графики особенно ярко проявился талант одного из самых известных художников «Мира искусства» М.В. Добужинского. В музейной коллекции мы имеем его литографию, раскрашенную акварелью, «Проигравший в карты» (1913). Это иллюстрация к произведению М.Ю. Лермонтова «Казначейша». Удивительные идеи и увлечения начала века связывали его лучших представителей, взаимно их обогащая. Известно, что Добужинский серьезно увлекался народным искусством. В исторической композиции «Провинция, 1930-е годы» (1907-1909) он создал образ русской патриархальной жизни, к которой питал интерес. Благодаря своей многогранности, Рязановский имел множество точек соприкосновения с окружающими его людьми. Одним из его увлече-

ний был Восток, его культура, что было характерно для эпохи. После революции Иван Александрович читал лекции по истории развития стиля на японском факультете Института восточных народов. Замечательный график Д.И.Митрохин, чья изящная вьетнамская «Портрет дамы» (1911) украшает нашу коллекцию, как некогда - собрание Рязановского, известен был своим современникам как собиратель японских гравюр, также изучавший традиции Востока.

Взаимоотношения И.А. Рязановского и Н.Н. Купреянова - особая страница. Связаны они были не только Петербургом, но и Костромой. Неподалеку от города, в Селище, сохранился дом Купреяновых. Это было их родовое имение, и Николай Николаевич считал себя родом из Костромы. Он любил наш город, часто приезжал сюда, много работал. Купреянов известен нам как создатель в Костроме в 1920 г. Музея живописной культуры. Благодаря его усилиям, для нашего города был передан из Государственного художественного фонда целый ряд прекрасных образов русского авангарда, и сейчас мы имеем в собрании произведения Н.С. Гончаровой, О.В. Розановой, А.В. Куприна, Р.Р. Фалька, П.П. Кончаловского и др.

Его собственные произведения также свидетельствуют о тех достижениях, которыми увенчались поиски эпохи в области сюжетов, форм, новых изобразительных возможностей. Высоким мастерством отличаются его гравюры и рисунки, поступившие в музейное собрание из коллекции Рязановского: «Весадники» (1915), «Царь Давид» (1915), «Никола Чудотворец загоняет черта на дерево» (1915-1916) и др. Трогательные надписи на произведениях, как, например, эта, сделанная на работе «Битюк»: «30 окт. 1917 г. Многоуважаемому Ивану Александровичу гравюру сию преподносит Николай Купреянов», свидетельствуют, что подарены они были в 1916-1917 гг. В эти годы Рязановские жили в Петербур-

ге. Там же тогда большей частью находился Купреянов. У них был общий круг друзей, знакомых. В письме из действующей армии от 21.04.1917 г. к своей супруге художнице Н.Н. Изнар Николай Николаевич спрашивал: «... Послали ли «Никола Чудотворца» Рязановскому для Ремизова?...»⁸. Сразу же по возвращении в Петербург он бывает у Ивана Александровича. Как выглядела повседневная жизнь революционной столицы, рассказывает одно из его писем, отправленное 7.07.1917 г.: «...Сегодня в 2 часа дня опять попал в уличной бой на углу Невского и Золотоношской (у Рязановского). Пронсшествие было гораздо более серьезным, чем у Гостиного двора, ибо там была просто паническая стрельба, а тут настоящая перестрелка, длившаяся около часа с участием нескольких пулеметов, а под конец даже двух броневиков...»⁹.

Вместе с тем художественная жизнь России тех лет была очень оживленной. Из всех видов искусства Петербург был более всего увлечен именно графикой. Процветает гравюра, в том числе книжная. Очень популярным становится экслибрис. Как истинный библиофил, Рязановский не мог остаться к ним равнодушным. В письме к нему из Москвы от 15.4.1919 г. У.Г. Иваск сообщил: «...Недавно мы возродили деятельность, основанного в 1905 году Московского Общества Любителей Книжных Знаков, в котором Вы тогда состояли действительным членом...»¹⁰. Он предлагал Рязановскому вступить в него вновь. Рисунок экслибриса для своей библиотеки, о котором мы уже упоминали, подтверждает увлеченность Ивана Александровича этим видом искусства. Очевидно, Купреяновым позднее была подготовлена печатная форма и сделан оттиск. Экслибрис, сделанный им самим для Рязановского, «Вестник правосудия», участвовал в выставках, в том числе в Москве, на VI выставке гравюр, хранился в частных собраниях, например, П.Д.Эттингера. Купреянов делал экслибрисы и

для других лиц. Несколько работ 1919-1920 гг. он подарил Рязановскому.

Дружба этих замечательных людей продолжалась. Последние годы жизни Ивана Александровича прошли в Костроме. Купреянов уже из Москвы приезжал в свое родное Селище. В 1927 г., когда Рязановского не стало, Купреянов подарил Александре Петровне несколько рисунков «... в память отношений с Иваном Александровичем».

В трудные послевоенные годы Александра Петровна вынуждена была продавать эти и другие работы из собрания в Картинную галерею музея, которой заведовал тогда А.И. Яблоков. Закупки происходили постепенно, начиная с 1946 г. Галерее непростое было найти средства для приобретения произведений, а Александре Петровне, наверное, с ними расстаться.

Собрание И.А. Рязановского замечательно дополнило коллекцию произведений конца XIX - начала XX вв. Костромского художественного музея. Несомненно, оно имеет огромную историческую и художественную ценность.

1. Бочков В. Щедрая душа. «Влюбленности». - В.В. Книжное издательство, 1969.

Бочков В. История одного дома. // Костромской край. - 1992. - 16 апр.

Бекшев В. Костромской адресат Блока. // Северная правда. - 1993. - 16 февр.

Негорушко Б. Основатель и первый директор музея. // Северная правда. - 1992. - 23 апр.

Касторская Т. Второе рождение. // Молодой ленинец. - 1984. - 15 марта.

2. ГАКО. Р-107. Оп. 3. Д. 11. Л. 2.

3. Там же. Л.8.

4. Б.М.Кустодиев. - Л.: Художник РСФСР, 1967.-С.111.

5. Там же, стр.111-112

6. Костромской художественный музей. КП-748.

7. Лукомский В.К. XV археологический съезд в Новгороде.-СПб, 1911.

8. Н.Н.Купреянов. «Литературно-художественное наследие. Статьи и воспоминания. М., Искусство, 1973 г., стр.106.

9. Там же. С. 108.

10. ГАКО. Р.107. Оп. 3. Д. 11. Л. 16.

БИБЛИОТЕКА

КРУГ ЧТЕНИЯ - НЕОБЫЧАЙНО ШИРОК

Предвкусная блаженство, подходишь к шкафу, и сто глаз, сто имен молча и терпеливо встречают твой ищущий взгляд.

С. Цвейг.

В марте 1924 г. научному сотруднику Костромского губернского Солигаличского уезда Белоруссову Льву Михайловичу было выдано удостоверение в том, что он «является доверенным лицом Костромского губернского музея для получения от совхоза «Внуково» предметов и книг, имеющих музейное значение»¹. Был составлен акт Л.М. Белоруссовым и уполномоченным губернского и уездного музеев И.В.Шумским «о приеме от совхоза «Внуково» Солигаличского уезда следующих предметов: «для архивохранилища в г. Солигаличе - четыреста тридцать четыре книги разного содержания и два ящика с рукописным материалом»² и так далее. Остановимся на этой части акта.

По неизвестным нам причинам книги оказались в Галичском филиале областного архива, откуда и были переданы в 1987 г. для библиотеки архива.

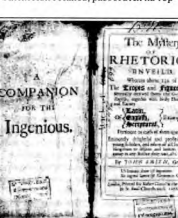
При описании ее было установлено, что принадлежала она дворянам Пановым, о чем свидетельствуют автографы на личных книгах - В.Панов, И.Панов, есть книга на немецком языке с пометкой Настасья Панова.

Так не эти ли книжные богатства вывозил в далеком 1924 г. Белоруссов Л.М. из совхоза «Внуково» Солигаличского уезда?

Известно, что Пановы происходили из тотемских купцов, были мореплавателями и путешественниками.

Усадьба Внуково Солигаличского уезда принадлежала майору Василию Петровичу Кривскому, который дал ее в приданое дочери, вышедшей замуж за Ивана Васильевича Панова. Дед Ивана Васильевича, купец Петр Алексеевич Панов, разбогател на тор-

говле мехами. Отец, Василий Петрович поднявшись до чина майора, заслужил дворянское звание. Сам же Иван Васильевич получил прекрасное образование, служил в гвардии и жил в Петербурге. За участие в войнах с Францией (1805-1807 гг.) был награжден золотым крестом, по выходе в отставку женился и поселился в имени жены - усадьбу Внуково Солигаличского уезда. Вслед за новым хозяином в усадьбу были перевезены фамильная портретная галерея, архив и библиотека.

«Тайна риторики...». Лондон, Джон Смит Джентльмен, 1688 г.

До нас дошло не все книжное собрание. Архив получил более 150 книг в дорогих кожаных переплетах, из них

8 - на немецком языке, 6 - на французском, 5 - на английском. Самым ранним изданием является книга «Тайна риторики, состоящая в том, что приведены свыше 130 тропов и метафор, заимствованных английским языком из греческого...» Лондон, Джон Смит Джентльмен, 1688г.

Все книги можно систематизировать по следующим темам: философия, религия, военное дело, торговля, педагогика, языковедение, математика, химия, медицина, архитектура, русская и зарубежная история, русская и зарубежная художественная литература. Основная часть изданий относится к середине XVIII в. - эпохе просвещения. Выдающимся событием в истории культуры в это время была издательская деятельность Н.И.Новикова. Он издавал книги на русском и иностранных языках, учебники, словари, книги по истории, географии, литературе для юношества. Много было книг, переведенных с немецкого, французского, латинского языков студентами Московского университета.

Значителен объем выпусков «Экономического магазина или собрания всяких экономических известий...» за 1780-1788 г. Приложение к газете «Московские ведомости». Издатель Н.И.Новиков, редактор Андрей Бодотов. Из 40 выпусков этого журнала в библиотеке Пановых сохранилось 29 экземпляров.

В журнале публиковались практические советы по ведению хозяйства. Типичные заголовки в книгах: «О спайке стекла», «О способе делать лен

Портрет В. В. Панова. 1784 г.

лучшим к пряже», «О посеве грибов». Статьи печатались без подписи. Основные авторы А.Т.Болотов, И.П.Щербаков, М.Бороздин.

Из религиозной литературы обращает на себя внимание «Детская богословия, или Первые наставления христианского исповедания, расположенные по вопросам и ответам...». Москва, в волевой типографии Пономарева, 1786 год.

На титульном листе есть помета: В.Панов.

Среди литературы по военному искусству есть несколько уставов: «Книга устав морской» (СПб, 1780), «Устав воинский о должностях генерал-фельдмаршалов и всего генералитета» (СПб, 1786), «Устав воинский. Часть первая о конной экзерции и должностях при оной» (СПб, б.г.).

К середине XVIII в. в среде русского дворянства начинается увлечение французской культурой. Появляется большое количество книг, переведенных с французского языка. Немало таких книг и в библиотеке Пановых. Книга «Наставление отцам и матерям о телесном и нравственном воспитании детей...» печатана в Московской университетской типографии Н.Новикова, 1782 г. Она содержит много полезных советов от первых дней рождения ребенка до отрочества.

Обратившихся к этой библиотеке исследователей смогут заинтересовать словари. Есть разговорники - «Домашние разговоры» - на немец-

ком, французском, латинском языках, которые печатались в 1749 г. при Императорской академии наук в Санкт-Петербурге.

Без сомнения, приятно подержать в руках, полистать страницы «Грамматики латинской для употребления Российского юношества, с приобщением краткой хрестоматии для нижних классов». Москва, в университетской типографии у Н.Новикова, 1782.

Содержание и название этой книги говорит само за себя. И можно только предположить, сколько поколений Пановых выучилось по этой книге.

Целый комплекс книг занимает учебная литература. Это книги по математике, например «Теоретическая и практическая арифметика в пользу и употребление юношества». (М., в университетской тип., 1775), по геометрии, тригонометрии, химии.

Заинтересованного читателя, несомненно, привлечет литература по истории Отечества. В библиотеке Пановых хранится шесть выпусков «Древней российской вивлиофики, или Собрания разных древних сочинений... издаваемой ежемесячно Н.Новиковым за 1773-1775 годы. Это сборник исторических материалов - документов из архивов, выписок из старинных книг. Задача издания - ознакомить читателя с прошлым России, со старинными обычаями, обрядами и правами. В предисловии Новиков говорит о необходимости изучения отечественной истории и осуждает пренебрежительное отношение к национальной культуре.

В «Древней российской вивлиофике...» публиковались новгородские грамоты XV-XVII вв., духовные завещания князей, родословные, описания путешествий в другие страны. В 1774 г. был опубликован указ царя Алексея Михайловича от 1672 г. о Степане Разине, подробно излагающий ход разинского восстания.

Главным участником сборника был историк Г.Ф. Миллер, ведавший архивом Государственной коллегии иностранных дел.

Издание «Древней российской вивлиофики...» посвящено Екатерине II, которая одобряла этот род деятельности Новикова.

Несомненно, в этой коллекции об-

ращает на себя внимание книга «Описание Сибирского царства и всех происшедших в нем дел, от начала, а особливо от покорения его Российской державе по сии времена; сочинено Герардом Фридриком Миллером. Книга первая» (СПб., 1750).

Главы книги посвящены освоению Сибири доисскими казаками, присоединению Сибирского царства к России, строительству городов Тюмени, Тобольска, Сургута, Тары.

Для тех, кто заинтересуется историей зарубежных стран, в библиотеке Пановых есть шесть выпусков «Восточного путешественника, или Познания старого и нового света, то есть описание все по сие время известных земель в четырех частях света, изданное господином аббатом де ла Порт, а на российский язык переведенное с французского» (СПб., 1782, 1784, 1794, 1799, 1801, 1804).

В этих выпусках, в форме писем, обращенных к читателю, рассказывается о государственном правлении, правах, обычаях, богатой и разнообразной природе Англии, Испании, Монголии, Польши.

История древней Российской империи представлена «Историей о римских императорах с Августа по Кон-

стантина, сочиненной господином Кривером». С французского переведена Василием Тредиаковским. Напечатана в Санкт-Петербурге при Морском шляхетском кадетском корпусе. Имеется четыре выпуска за 1767-1769 гг.

Следующая серия книг состоит из 13 выпусков. Это «Римская история от создания Рима до битвы Актинских, то есть по окончание республики». Перевод сделан В. Тредиаковским. Печаталась серия в Санкт-Петербурге в 1762-1767 гг.

Изучающим географию зарубежных стран могут пригодиться книги известного в свое время исследователя Бишинга «Королевство Венгерское...», «Королевство Польское и великое герцогство Литовское...», «Швейцария с присоединенными к ней землями...».

Круг чтения дворян Пановых замечательно широк. В него входит художественная литература как русских авторов, так и зарубежных. Среди них нельзя не отметить два выпуска «Полного собрания всех сочинений в стихах и прозе, покойного действительного статского советника Александра Петровича Сумарокова». Москва, в университетской типографии Новикова, 1781, 1787 гг. Сумароков вошел в историю русской литературы не только как писатель-практик, но и как один из основных теоретиков русского классицизма. В сборнике опубликованы его знаменитые пьесы: драма «Пустынный», опера «Альцея», трагедия «Вышеслав», «Слово на заложение Кремлевского дворца», многочисленные оды.

Пановы получали известный еженедельный журнал «Почта духов или Ученая, нравственная и критическая переписка арабского философа Маликульмулька с водяными, воздушными и подземными духами» (СПб., 1789). Всего вышло 8 номеров. В библиотеке архива хранится один. Издатель и автор И.А. Крылов. «Почта духов...» состоит из сатирических новелл, философских рассуждений, объединенных общим сюжетным замыслом. В центре внимания автора - вопросы о роли дворянства в государстве, поднимается тема бедственного

положения русского художника и писателя.

Известно, что существовало 16 частей «Собеседника любителей российского слова, содержащего разные сочинения в стихах и прозе некоторых российских писателей» - журнал издавался в Петербурге в 1783-1784 гг. при Академии наук. Редактор О.П. Козодавлев.

В архиве хранятся 12 частей «Собеседника...». Это один из наиболее интересных журналов XVIII в. В нем

"Собеседник любителей российского слова" (Санкт-Петербург, 1784 г.) с автографом И. Панова.

принимали участие все лучшие писатели. Журнал печатал только оригинальные произведения. Почти половину объема заняли «Записки касательно Российской истории» Екатерины II. Помещенная в первом номере «Ода к Фемиде» Гавриила Романовича Державина, с точки зрения Екатерины II, являлась удачной поэтической иллюстрацией к «Запискам...».

В «Собеседнике...» были напечатаны анонимные «Вопросы» Фонвизина к автору «Былей и небылиц», т.е. Екатерине II.

Во множестве нравоучительных сочинений в списках и прозе журнал вы-

ступал с сатирой на «пороки» - мошенничество, невежество, ханжество. Среди поэтических произведений можно назвать оды Державина «На смерть князя Мещерского», «Бог» и другие, стихи Я.Б. Княжнина «Мор зверей», «Стансы», М.М. Хераскова «Апель», «Утро».

В журнале печатались статьи по философии. Активно сотрудничали с журналом С.С. Бобров, Е.Р. Дашкова, В.В. Капнист и другие.

В усадебных библиотеках собирались переводные романы для душевного чтения. Вот, к примеру, интересная книга: «Бездушный говорящий, или повесть булавки и ее знакомых». (М., 1790). Роман построен в несколько непривычной для нас форме - это беседа и письма булавки с бриллиантом. Из этих писем читатель узнает о нравах общества. Необычные герои рассказывают нам о поступках, любовных приключениях своих владельцев. Печальная романтическая история девушки Нанки и графа, ее путешествие по Англии и трагическая смерть - все это поэтично и увлекательно описано в романе. На книге есть автограф Иван Панов.

Следующая книга, на которую нельзя не обратить внимание, - это «Женская уборная комната, или Точное изображение великого света, представляющее различные нравы обоего пола людей по жизни». Перевод с немецкого сделал Данило Петров. (М., тип. Н. Новикова, 1781).

Здесь так же, как и в предыдущей книге, описаны увлекательные романы светских девушек.

Вот краткий обзор разностороннего книжного собрания дворян Пановых, которое является частью научной библиотеки Государственного архива Костромской области.

Марина НЕДОМАРАЦКАЯ.

1. ГАКО. Р. - 2450. Оп.1.Д.56а.Л.16
2. Там же. Л.17.

Автор выражает благодарность Е.В. Сапрыгиной за предоставленные библиографические сведения о дворянах Пановых.

Елена САПРЫГИНА

БИБЛИОТЕКА ГУМАНТАРИЯ

Почти две трети состава ценного книжного фонда Костромского историко-архитектурного музея-заповедника приходится на многочисленные частные собрания, однако ядро фонда, как земля на трех китах, зиждется на трех наиболее крупных и значительных личных библиотеках: Н.Н.Селифонтова, Н.Ф.Грамматина и П.И.Бирюкова. Второе из этих собраний, наименьшее по объему, является, несомненно, более интересным и значительным по содержанию. Свое название оно получило от главного, но не единственного собирателя Николая Федоровича Грамматина (1786-1827) - поэта, переводчика и ученого-филолога 1-й трети XIX столетия. Однако, беря во внимание наличие большого количества экземпляров с владельческими записями отца поэта Федора Никифоровича, родного брата поэта Алексея Федоровича, а также племянников Николая и Александра Алексеевичей Грамматиных, можно расценивать данное книжное собрание не как личное, но вернее, фамильное, родовое...

На племянниках поэта пресеклась родовая ветвь, и книжное собрание их вместе с недвижимым имением перешло к двоюродному племяннику - штабс-капитану и костромскому помещику Николаю Платоновичу Грамматину, затем его сыну и, наконец, внуку - статскому советнику, также Николаю Платоновичу Грамматину. От последнего библиотека поступила в Губернскую ученую архивную комиссию в качестве дара. Сохранился любопытный документ, проливающий свет на обстоятельства, сопутствующие этому событию.

«В Совет Костромской Губернской ученой архивной комиссии члена Комиссии Ивана Алексеева Молчанова Доклад.

Совет комиссии, в заседании 10 сего марта, постановил поручить мне принять библиотеку, пожертвованную Действ. Статск. Советником Никола-

ем Платоновичем Грамматиним.

14 марта я отправился в имение г.Грамматина (Светочеву Гору Нерехтского уезда - Е.С.) и там, получив от управляющего имением разрешение, запаковал в течение 15 и 16

Иван Васильевич Грамматин,
ум. в 1639 г. — думный дьяк при царе
Михаиле Федоровиче.

чисел все имеющиеся книги, каковых оказалось 1633 книги. Шкафы (8 штук - Е.С.), в которых хранились книги, тоже перевезены в комиссию, всех возов было восемь.

Исполнив по возможности возложенное на меня поручение, покорнейше прошу Совет Комиссии принять от меня привезенные мною книги и шкафы, при этом осмеливаюсь доложить, что громадную услугу в этом деле мне сделал командированный чиновник Губернской управы Абрам Иоасафович Русаков. 1902 года апреля 4 дня. Действительный член комиссии Иван Молчанов»¹.

Тогда же в отчете о деятельности Костромской губернской архивной

комиссии за 1902 г. отмечалось: «Н.П.Грамматин пожертвовал комиссии свою фамильную библиотеку, состоящую из 1700 книг разных наименований, Л.Н.Северьянов руководил составлением карточного каталога библиотеки Н.П.Грамматина»².

До 1905 г. библиотека хранилась в Костроме, в каменном архивном здании при губернских присутственных местах на Никольской улице, затем по распоряжению губернатора из-за переустройства здания для губернской типографии была перевезена в дом Дворянского собрания. Сохранились два документа, подтверждающие сказанное:

«МВД. Строительное отделение костромского губернского правления 3 мая 1905 года № 760., г. Кострома. Срочное. В Костромскую губернскую ученую комиссию.

В виду начинающегося, по распоряжению г.Губернатора, переустройства каменного архивного здания при губернских присутственных местах в городе Костроме по Никольской улице для губернской типографии - Строительное отделение губернского правления просит архивную комиссию об освобождении в течение настоящей недели означенного здания от хранящихся в 2-х комнатах его дел комиссии. Губернский инженер Л.Треберт»³.

Встает вопрос: «А была ли среди этих дел библиотека?» Ответ дает второй документ:

«В совет Костромской губернской ученой архивной комиссии правитель дел комиссии А.Черныгина Доклад.

...уплачено за упаковку, перевозку на девяти подводах из губернского правления в дом дворянства и размещения по полкам библиотеки Грамматина, изданий комиссии и архивов Сидоровского и Большесельского 5 рублей 45 копеек. ...16 мая 1905 года»⁴.

В 1913 г. было построено здание Романовского музея и библиотека Грам-

матина перекочевала туда из дома костромского дворянина. Н.И. Виноградов в книге «Празднование трехсотлетия царствования дома Романовых» (Кострома, 1914.) писал: «... в подвальном этаже - архив и в двух комнатах библиотеки: Архивной Комиссии, Селифонтова и Грамматина»⁵. Романовский музей преобразовался в костромской краеведческой музей, подлившись в 1960-х г. на картинную галерею и музей-заповедник. В библиотеку последнего и вошла грамматинское книжное собрание.

Три поколения собирателей рода Грамматиных обусловили широкие временные рамки книжной коллекции с середины XVIII в. до 2-й половины XIX.

На сегодняшний день в библиотеке Грамматиных насчитывается 1542 издания. И если вспомнить, что при поступлении ее в музейное хранение в 1902 г. она состояла из 1633 единиц, то можно сделать вывод: грамматинской библиотеке повезло, ведь утрачено менее сотни экземпляров за огромный промежуток времени - почти в столетие, тогда как в стране за этот же период тысячи аналогичных собраний погибли в огне пожаров горящих усадеб, в огне революций и войн или в лучшем случае расплылись по учреждениям, частным библиотекарям и торговцам, что вряд ли лучше гибели...

Отрадным является и тот факт, что следы группы исчезнувших грамматинских книг найдены, но... об этом позже.

Помимо русской части библиотеки, составляющей 2/3 всего собрания и 1029 единиц, 1/3 занимают иноязычные издания - 513 экземпляров, из которых на немецком языке - 41 единица, на французском - 275, английском - 110, итальянском - 49, латинском - 11, параллельных языках - 19, древнегреческом - 2 и по одному на финском, польском, португальском, латышском, эстонском и испанском языках. Вывод из этой статистики напрашивается сам собой: владелец библиотеки полиглот и высокообразованный лингвист.

По роду изданий состав библиотеки следующий: 1087 единиц хранения

- книги - (2/3 собрания); 427 - журналы - (1/3); 11 газет и 17 разных - т.е. атласов, альбомов и т.д.

Тематический подбор книг в библиотеке объясняется функциональным назначением библиотеки: служить творческой лабораторией ее хозяйину; профессиональному поэту, журналисту, переводчику... Показательны как сами разделы, так и количество изда-

Дмитрий Васильевич Дашков
(1788 - 1839), друг Н. Ф. Грамматина.

ний в них: I - Периодика и альманахи - 495, II - Зарубежная литература - 282, III - История - 241; IV - Русская литература - 110; V - Языкознание - 63; VI - География и путешествия - 61; VII - Справочная литература - 47; VIII - Философия и логика - 35; IX - Государство и право - 34; X - Математика и физика - 31; XI - Религия - 30; XII - Литературоведение - 17; XIII - Сельское хозяйство - 14; XIV - Естественные науки - 13; XV - Педагогика - 11 и далее по нисходящей - Искусство, Архитектура, Астрономия, фольклор... перед нами, бесспорно, библиотека гуманитария.

И действительно, как поэт, так и его брат Алексей, а за ними и их племянники были высокообразованными людьми - выпускниками Московского университета. В аттестате Нико-

лая Федоровича отмечалось: «Из Императорского Московского университета Магистру Николаю Грамматину, в том, что он записан будучи в учрежденный при оном университете благородный пансион 1802 года в августе месяце, учился 1. Закону Божию и нравственности, 2. Арифметике и геометрии, 3. Гражданской архитектуре, 4. Физике, 5. Статистике, 6. Истории и Географии, 7. Российскому практическому законодательству, 8. Римским правам, 9. Поэзии и красноречию, 10. Языкам: Российскому, Латинскому, Немецкому, Французскому и Английскому, при отличном благонаправлении, с особенною примерностью и превосходными успехами; за что при публичных пансионских экзаменах получил в награждение книгу, 2 серебряные и одну золотую медали с именем; а 1803 года в сентябре месяце произведен от Университета студентом, в 1806 году получил диплом на кандидатское достоинство, а сего 1809 года в мае месяце получил степень магистра. Дано в Москве, за подписанием ректора университета и с приложением университетской печати. Июня 12 дня 1809 года. Подписано: Ректор Иван Геймю.

Заложенный в университете прочный фундамент знаний надстраивался в течение всей последующей жизни поэта, как во времена его шестилетней службы на посту директора костромской гимназии и уездных училищ, так и после отставки во время свободной творческой работы. И все это время совершенствоваться и развиваться ему помогала библиотека, которую он неумолимо доукомплектовывал.

Как уже отмечено, основу библиотеки составляли как личные приобретения владельца, так и книги других членов семьи. От отца Николая Федоровича получил довольно приличное книжное наследство: только подписанных книг Федора Николаевича выявлено 64 экземпляра, книг с автографом брата Алексея насчитывается 144, а самого Николая Федоровича - 96 и других дарителей - 85. Всего в грамматинской библиотеке 389 изданий с автографами, то есть четвертая часть от всего объема библиотеки.

Кем же были дарители книг? Запи-

си называют нам следующие фамилии, имена и инициалы: Островский, Дмитрий Неелов, Илья Петров, М. Милонов, Иван Дмитриев, Семёнов, Д. В. Д., Илимов, Кирилл Тухачевский, Николай Алексеев, Ф. Калинин, Кольчев, Ив. Тихменев, Киндяковы, Вал. Мичурин, Павел Шулепников, Платон Ив. Грамматин, А. Воробьев, бригадир Артемьев.

Наибольшее количество автографов (полтора десятка) принадлежит соученику Н. Ф. Грамматина по Московскому университету Михаилу Васильевичу Милонову (1792-1821). Оба они служили в Санкт-Петербурге в Министерстве внутренних дел и юстиции под началом министра и поэта И. И. Дмитриева. Оба с детства занимались поэзией. М. В. Милонов был талантливым поэтом-сатириком. Болезнь и ранняя смерть не позволили этому одарённому человеку сделать имя. Любопытен подбор даримых Милоновым книг: Тито Лукреций «О природе вещей». (Амстердам. 1754), на итальянском языке, или Боккаччо «Декамерон». Друг его отдаривался более серьёзными и значимыми книгами. Так, во втором томе «Нового английского-русского словаря», составленного Н. Грамматиным (М. 1809 г.), находим запись: «Михаиле Милонову подарок переводчика». До самой смерти поэта-сатирика не прекращалась переписка друзей. Она опубликована в журнале «Библиографические записки» за 1895 г.

Из других каналов поступления книг в библиотеку Грамматина, кроме собственных приобретений и подарков друзей, можно назвать и обязательные присылки учебников и художественной литературы из Московского университета, который инспектировал гимназии в губерниях, входящих в его учебный округ, в том числе и Костромскую гимназию, директором которой в 1812-1819 гг. состоял Н. Ф. Грамматин. Документы фонда Костромской гимназии (ф. 429), хранящиеся в ГАКО, дают довольно яркую картину этих отношений. Вот один из них:

«Милостивый Государь Николай Федорович! Воспоминаю прежде Ваше благорасположение ко мне и то, что в прошлом году послано для Ва-

шей гимназии на Ваше любезное и почтенное имя 50 экземпляров Федра, покорнейше прошу Вас, Милостивый Государь, не оставить меня уведомлением, сколько экземпляров вышло и сколько осталось. Сверх сего в нынешнем году издан мною Корнелий Непот со всеми возможными удобствами для учащихся и приспособлен к латинской грамматике мною изданной в другой раз 1815 года. Если сии книги для Вашей гимназии не бесполезны, не оставьте, почтеннейший и любезный Николай Федорович, требовать оных из Главного правления училищ. Чем весьма много обяжете. С истинным почтением и преданностью к Вам пребывающего, Милостивый Государь, Вашего покорнейшего слугу Николая Кошанского. 22 июня 1816 Санкт-Петербург».⁶ Это пример частного соглашения автора с покупателем, но в фонде есть много официальных документов о закупке университетских изданий. Например: «Из Главного управления училищ г. Директору училищ Костромской гимназии. Правление предписывает вам доставить в непродолжительное время 62 рубли за 4 экземпляра отправляемых вам книг: Опыт российской библиографии Соч. Сопкиова в 3-х частях, в означенной сумме полагается по 15 р. экземпляр, 60 руб. за самые книги, да 2 руб. за пересылку их. Вы имеете также уведомить и о получении книг. Июля 5 дня 1816 года. Н. Озерцовский».⁷

Хотя сам Грамматин с удовольствием приобретал для своей библиотеки университетские издания, но в распространении их среди учащихся встречал затруднения, тем более что с 1814 г. в связи с ухудшением денежного курса в послевоенное время Главное управление училищ подняло цены на учебные книги на 50%, что, конечно, легко немалым бременем на родителей учащихся.

Помимо университетских присылок, значительно пополнявших книжное собрание поэта, были систематические почтовые бандероли от его друзей-комиссионеров, из которых наиболее ревностным являлся Александр Ефимович Измайлов - известный баснописец, издатель журналов «Цветник», «Репертуар русской по-

Михаил Васильевич Милонов (1792 - 1821), друг Н. Ф. Грамматина.

эзии» и «Благонамеренный». Его письма поэту Грамматину пестрят отчетами и счедами по поводу последних изданий:

«...Сочинения Державина 5 ч. в бум. 22 руб., два экземпляра 2-й части Сочинений Озерова, за которые вместе с двумя первыми частями стоят 30 р. Талия Беницкого 1-я часть 2-50 = 54 р. 75 к. Следовательно, из присланных от Вас ко мне 75 р. Остается еще у меня около 20 р. Сколько возьмут за пересылку, не знаю, а уведомлю вас после и буду ожидать разрешения вашего, переслать ли к вам обратно остальные деньги или купить на них какие книги».⁸ Все перечисленные книги и, кроме того, много других, посланных А. Е. Измайловым, в том числе и его собственные сочинения «Сказки и Басни Александра Измайлова» (СПб., 1814), находим мы в книжном собрании Н. Ф. Грамматина.

Разумеется, в грамматинской библиотеке не обошлось и без сочинений ее владельца. И первый поэтический сборник Николая Федоровича «Досуги Грамматина», изданный в Санкт-Петербурге в 1821 г. и посвященный поэту и министру юстиции И. И. Дмитриеву - начальнику поэта, и последний уже посмертный двухтомник его стихотворений, который автор успел

подготовить, а издали его в 1829 г. друзья и родственники покойного. Известно, что полтора десятка лет поз трудился над изучением и переводами древнерусского памятника словесности «Слова о полку Игореве». Одноименный труд с присовокуплением произведения древнерусского эпоса «Суд Любуши» издал Н.Ф. Грамматин в 1823 г. Встречаем мы на полках и два тома Английско-русского словаря, составленного Н.Ф. Грамматин (М., 1909).

Библиотека поэта составляет часть архивно-библиотечного комплекса

Грамматиных, поскольку музей-заповедник располагает также рукописными и документальными материалами их фамильного архива. Содержание архива предмет особого разговора, однако есть в грамматинской библиотеке одно издание как бы соединяющее части комплекса. Если бы из библиотеки пришлось выбрать всего один раритетный экземпляр, то выбор пал бы, несомненно, на книгу под названием: «Собрание русских народных песен с их гласами на музыку положил Иван Прач» (Слб., 1790). Это ценный памятник русского музыкального фольклора.

Указанный в заголовке Иван (он же Ян Богумил) Прач, чех по национальности, приехал в Россию в 70-х г. XVIII в. и стал модным преподавателем музыки в столице. Пробовал себя и в качестве композитора, сочинив оперы: «Февей» и «Горе-Богатырь Косометович» по комедиям Екатерины II. Для начинающих музыкантов Прач издал «Полную школу игры на фортепиано», а в 1790 г., пленясь русскими напевами, гармонизировал собранные Николаем Александровичем Львовым русские народные песни, которые вышли в свет отдельными сборниками.

Соавтор Прача Н.А. Львов не только собрал песни для сборника, но в качестве вступления к нему сочинил целый трактат о народном творчестве. Это был уникальный, многосторонний человек, видный деятель отече-

ственной культуры, оставивший следы своего творчества в поэзии, изобразительном искусстве, музыке, архитектуре. О последнем из перечисленных его талантов напоминают Невские ворота Петропавловской крепости и здание Петербургского почтамта, а также ряд культовых сооружений в некоторых городах страны. Львов состоял в литературном кружке Г.Р. Державина, где совершенствовал свои познания в поэзии и теории литературы в среде единомышленников. Его литературные интересы неразрывно связаны с русским му-

зыка XIX в., отличающихся от напечатанных в сборнике и требующих пристального изучения.

Что же представляет собою рукописный песенный цикл, «поселившийся» под «крышей» прачевского сборника? Несомненно, что из 29 произведений его подавляющую часть составляют народные песни XVIII-XIX столетий почти всех существующих тем: военные, исторические, лирические, разбойничьи, кабацкие и даже хороводные. Среди них, однако, встречаются и такие произведения, которые при повторном чтении заставля-

ют сомневаться в их истинности. В отличие от истинно народных, или, как прежде говорили, «ходячих» песен, их отличает большая выделанность и заданность, под которыми чувствуется конкретная индивидуальность творца. Скорее всего это подражания народной песне неизвестных авторов.

Как бы то ни было, рука, записавшая их, была одной, хотя и в двух ипостасях. Почерк один, хотя и в двух разных временных периодах, к тому же употреблены два вида чернил: черные и коричневые (ореховые). Кто же предпринял

этот довольно объемный труд и запечатлел на страницах книги Львова-Прача почти тридцать произведений песенного фольклора? Исходя из поступления книги естественно предположить, не принадлежит ли автограф песни самому хозяину библиотеки, то есть Николаю Федоровичу Грамматину? - ученому-филологу, автору трактата «О древней русской словесности», где речь идет и о простонародной песне. Датировки под двумя рукописными песнями: «апреля 25 1814. Кострома» и «1817 28 сентября» не противоречат нашему предположению, ведь известно, что Н.Ф. Грамматин с 1812 по 1819 г. жил в Костроме, исполняя должность директора гимназии и уездных училищ. Визуальное сопоставление почерков на автографах книг Грамматина с почерком рукописного цикла, доказавшее

«Собрание русских народных песен» И. Прача. СПб. 1790.

зыкальным фольклором и потому совместная работа с Прачем над «Собранием русских песен...» была отнюдь не случайна. Кстати, их труд имел огромный резонанс: напевы сборника широко использовались как русскими, так и зарубежными композиторами, в частности, Л.Бетховеном в его струнных квартетах. Некоторые песни книги Львова-Прача и сейчас можно слышать с эстрады, например, «Матушка, матушка, что во поле пыльно?..» или «Как у нашего широкого двора...»

Однако уникальность экземпляра этой книги из собрания Грамматина заключается не только в том, что она является собою первое издание редкого классического сборника, но и в том, что на пустых оборотах нотных листов его обнаружены двадцать девять рукописных песенных текстов нача-

их идентичность, превратило версию в уверенность. Все 29 произведений в сборнике Львова-Прача действительно записаны Н.Ф. Грамматинным.

Встречаются ли среди них произведения, сочиненные самим поэтом? Ведь известно, что он занимался подражаниями народных песен. Обратившись к двум его печатным сборникам: «Досуги Н.Грамматина» (СПб., 1811) и «Стихотворения Николая Грамматина» (СПб., 1829), изданным посмертно, мы действительно обнаружили в них четыре стихотворения почти идентичные рукописным (Это песни: «Не шуми ты, погодушка», «Ах, долго ли, девица, ах, долго ли, красная», «Не цвет алой во поле», «Ах ты, молодость моя, молодость!») Все они опубликованы в 1-м томе «Стихотворения Николая Грамматина», кроме того, два из них повторены в журнальных вариантах «Вестника Европы» за 1815 г.

Находка рукописных песен позволила датировать два из четырех печатных его произведения, ибо в сборнике «Стихотворения Николая Грамматина» стихи не датированы, а также поскольку в печатных и рукописных источниках есть разночтения, позволила заглянуть в творческую кухню поэта, проследив этапы построения стиха.

При повторной, скрупулезной проверке текстов грамматинских сборников удалось найти концы еще одного загадочного рукописного произведения, которое в цикле стояло особняком, поскольку даже с натяжкой оно могло называться песеню, да и законченным стихотворением, пожалуй, тоже. Оно напоминает черновой набросок будущего стиха:

Эфиры, солныцы,
Пространства звездны,
Юдоль от плача,
Сестер, мать, братий
Пинту
Ея воспеваша
И так вешает
Слезы погруженным:
О мне не лейте!
Жива лишь плоти
Бишь совлеклася,
Стократ блаженна!
Вечноюю красую
Не увяну!

Блаженства
Не возмущайте слезами!
Спокойся горний
Благий! - спокойся
Вечности блаженной!
Святого
Святую волю
Не дерзаям.

Удивительное по своей внутренней экспрессии, наподобившее плач или молитву по умершей. Оно оказалось впавленным в плоть печатного стихотворения Грамматина «На смерть Лизлы» и претерпело столь существенные изменения, что неудивительным был его долгий поиск. В печатном виде фрагмент стихотворения выглядел так:

Сквозь эфиры, солныцы,
Сквозь пространства звездны
Зрит юдоль он плача,
Зрит родных, знакомых,
Горестный, последний
Долг ей воздающих,
Зрит и так вешает
В слезы погруженным:
«Слез о мне не лейте;
Я жива, лишь плоти
Рубиши совлеклася;
Я стократ блаженна!
Горней, вечноюю
Разцвела красую,
Паки не увяну;
Вечного блаженства
Лишь не возмущайте
Горькими слезами!»
О покойся горний,
Дух благий! Спокойся
В вечности блаженной;
Промысла Святого
Чтим святую волю,
Плакать не дерзаям.

Сличив оба текста, находим, что рукописный является как бы усеченным вариантом печатного: в нем не хватает первого слога в каждой строке. Для чего это потребовалось Грамматину? Может, он искал новый размер стиха? Эта мысль подтверждается тем, что поэт в каждой первой строке стихотворения представил силлабические ударения. Изучение метрики в песнях и былинах с юношеских лет занимало Грамматина и нашло отражение в его труде «Рассуждение о древней русской словесности», опубликованном в 1809 г., за который автор

получил степень магистра словесных наук. Изучение метрики народной песни было необходимо Грамматину и как ученому-филологу, и как практикующему поэту.

Помимо грамматинских сборников, в которых обнаружилось пять опубликованных рукописных песен сборника, нами были просмотрены следующие периодические издания 1812-1820-х гг.: «Вестник Европы», «Сын Отечества», «Русский вестник», «Украинский вестник», а также различные альманахи и сборники; «Пантеон русской поэзии», «Собрание стихотворений, оторвавшихся к 1812 году» и др. В них других рукописных грамматинских текстов цикла обнаружить не удалось, зато нашлось два стихотворения иных авторов, посвященные войне 1812 г.:

1. Не в чистом поле, не в пустой степи... Опубликовано в журнале «Вестник Европы» № 15 за 1815 г. под названием «Песня на освобождение царствующего града Москвы». Октября 11 дня 1812 года. «Подписана» Степан Юшков. 26 ноября 1812. Белгород».

Юшковы - тульские дворяне, родственные связанные с фамилией Киреевских. Известный собиратель народных песен П.В. Киреевский был сыном Авдотьи Тетровны Киреевской, урожд.лной Юшковой. Видимо, и публикатор упомянутой песни Степан Юшков является представителем этой фамилии.

2. Ночь темна была и немесячна... Опубликовано в сборнике «Собрание стихотворений, оторвавшихся к 1812 году». М., 1814. Подписано: Николай Ильин.

Грамматинские автографы этих произведений в книге Львова-Прача имеют различение с печатными текстами, из чего можно предположить, что они записаны поэтом по памяти или были сообщены ему уже в таком виде кем-либо другим, скажем, одним из вернувшихся с войны воинов. Подобные песни более походили на стихотворения, хотя они охотно аранжировались на нотах для оркестра или другого музыкального исполнения и пелись на бесперьевных праздниках в послевоенные годы, по какой причине и попали позднее в песенники.

Эти песни вприпрыжку скакали по страницам журналов, и любой болеющему известным поэту того времени не проходил мимо тематики войны с Наполеоном и оставлял свой опыт в неиссякаемом потоке патриотических военных песен. Ряд этих авторов бесконечен: Вяземский, В. Л. Пушкин, Глинка, Воейков, Капнист, Измайлов, Гнедич, Хвостов, Милонов, Свинон, Шаликов и многие другие. И сам Грамматин оставил после себя «Песнь Александру воинству».

Итак, выяснилось происхождение уже семи грамматинских автографов. Дальнейший поиск показал необходимость пересмотра старых песенников XVIII нач. XIX вв.: новиковскому песеннику 1781 г., «Российской Эрате» Попова, «Карманному песеннику» Дмитриева, сборнику «Веселая Эрата на русской свадьбе» 1801 г., «Новому российскому песеннику Шнора» 1791 г., «Всеобщему песеннику Заикина» и нескольким другим. Увы! Часть этих изданий уже недоступна, а прочие труднодоступны нам, ибо давно стали библиографической редкостью! Тем не менее проблема выявления из них текстов рукописного цикла Грамматина была решена благодаря десятичному изданию под названием: «Песни, собранные П. В. Киреевским», вышедшему в 1860-х гг. и включившему в себя основной массив русских народных песен XVIII-XIX столетий, общим объемом более 3000 произведений. Туда влились и песни старых сборников с указанием первоисточников, а потому наша работа была облегчена. В результате мы выявили происхождение еще 12 грамматинских текстов, восемь из которых извлечены из «Карманного песенника» Дмитриева, а остальные из песенника Чулкова. В числе песен Дмитриева были: «Што под славным было городом под Шлошеном», «Еще с вечера солдатам приказ отдан был», «Ах ты, сердце мое, сердце молодецкое», «Что сказать ли вам, братья, про диковинку...» и другие...

Цитирование Грамматинных песен из сборника Ивана Ивановича Дмитриева - видного поэта конца XVIII - первой трети XIX столетия, а также министра юстиции имеет свое объяс-

нение: Дмитриев был начальником Грамматина по службе (в 1811 г.) и настаивал на его в поэзии. Недаром свой первый поэтический сборник автор посвятил своему духовному отцу.

Дмитриев заметил Грамматина еще со времени учения последнего в Московском университете. Известный поэт встречался с тогда еще начинающим молодым филологом на собраниях литературного общества, организованного преподавателем университета Алексеем Федоровичем Мерзляковым, также большим ценителем русского фольклора и создателем популярного песенника, включающего в себя настоящие шедевры песенного эпоса: «Среди долины ровныя» и «Чернобровый, черноокий»...

Вообще Грамматину везло на духовных и творческих наставников. Вращаясь в Москве среди таких добродетельных народности, как Мерзляков, Жуковский, братья Тургеневы, а позже, в Петербурге, общаясь с Державиным, Дмитриевым, Сандуновой, Гнедичем, Грамматин не мог сам не стать ярым поборником русской песни, да и вообще народного творчества. Укрепил его в этом направлении еще один незаурядный человек. Служа в Петербурге, Грамматин познакомился с ученым-филологом А. А. Шишковым, с которым сразу же нашел общий язык на основе общих интересов в фольклористике. Впоследствии благодаря совету Шишкова Грамматин сделал свой перевод «Слова о полку Игореве» и «Краледворской рукописи». Грамматин почти вечно стоял на позициях Шишкова, который считал народный язык и народную песню, церковнославянский язык и бытовое просторечие двумя органически слитыми формами выражения русской народности. Однако если Шишков преклонялся перед народной поэзией, то Грамматин видел и слабые стороны ее в плане стиля и образов и сам пытался создать ее идеальный вариант, сочиняя свои подражания ей в духе элегий.

Коллекция рукописных песен Грамматина позволяла ему ориентироваться в собственном творчестве на лучшие образцы истинно народных произведений и сопоставлять их со своими. Поэтому мы и находим в ней как его подражания, так и копии из песенников Дмитриева, Чулкова, стихи

Юшкова и Ильина...

Однако около десяти текстов так и не были опознаны. Что же они собою представляют и нет ли среди них неопубликованных произведений самого Николая Федоровича Грамматина? Думать так есть все основания: наличие других, почти даже опубликованных песен в рукописном цикле.

Необходимо сравнить по стилю опубликованные Грамматинные песни с оставшимися рукописными и выявить сходные. Вот один пример: фрагмент опубликованной песни Грамматина:

Долго ль, сердце, нам с тобою
тосковать?
Долго ль радости, веселья не знать?
Долго ль биться да печалей
одному?
Про злодейку грусть поведать
нам кому?
А вот фрагмент рукописной песни:
Что мне делать в тяжелой участи
своей?
Где размыкать горе горькое свое?
Сердце! Сердце! Ты вешу,
губитель мой!
Для чего нельзя не слушать
нам тебя?

Стилевое родство двух произведений несомненно...

Изучение рукописного песенного цикла Н. Ф. Грамматина продолжается. Оно требует долгой и кропотливой работы, главное направление которой уже определено. Но и сейчас налицо существенные результаты ее, позволяющие ввести в научный оборот как неизвестные, так и малоизвестные произведения песенного фольклора, имеющие непосредственное отношение к жизни и творчеству малоизученного поэта и филолога 1-й трети XIX столетия Николая Федоровича Грамматина.

1. ГАКО. Ф.Р. - 838. Оп. 3. Д. 99. Л. 29-30.
2. Журнал годичного заседания КГУАК 10 декабря 1903 г. С. 4.

3. ГАКО. Ф. 179. Оп. 2. Д. 65. Л. 38.

4. Там же. Л. 41.

5. Виноградов Н. Н. Празднование трехсотлетия царствования Дома Романовых в Костромской губернии 19-20 мая 1913 года. Кострома. 1914. С. 228.

6. ГАКО. Ф. 429. Оп. 1. Д. 4. Л. 15.

7. Там же. Л. 28.

8. ГАКО. Ф. 605. Оп. 1. Д. 445. Л. 9.

Читая надписи на книгах...

«Домашняя библиотека - отражение личности владельца, а совокупность таких библиотек - частичное отражение эпохи».

О. Ласунский.

Тщательное исследование книг фонда редких и ценных изданий в нашей библиотеке - одно из интересных и перспективных направлений в работе со старой книгой. Внимательное изучение владельческих надписей, печатей и экслибрисов на книгах помогает установить, кому они принадлежали раньше, из каких частных библиотек попали в фонд областной библиотеки. Разрозненные тома из существовавших когда-то книжных собраний сегодня «растворились» в библиотечных фондах среди миллионов «единиц хранения». Большая же часть таких книжных собраний могла бы представить огромный интерес своим составом и историей. Такие библиотеки могли бы расширить наши знания об истории и культурной жизни Костромы, о людях, которые играли в ней немало важную роль.

Сегодня уже около сотни фамилий прочитано нами на книгах из редкого фонда библиотеки. Вот некоторые из них: Бартеев, Бироковы, Виноградов, кн. Вяземские, Готовцовы, Грамматин, Девочкины, Добрыни, Еропкин, Жохвы, Зузины, кн. Козловские, Корнилов, Кудрин, Куломзин, Купреянов, Ламб, Лермонтов, Мичурины, Мягковы, Пауль, Перелешин, Стайновский, Сумароковы, Петровы, Поповы, Рысев, Рязновский, Свинын, Семичовы, Травинский, Чалесв, Черевинны, Шпывы, Юрьевы.

Возможно, это заинтересует тех, кто занимается краеведческими и генеалогическими исследованиями, собирает биографические сведения о наших земляках. Таких людей мы приглашаем обращаться в областную научную библиотеку, сектор редких изданий.

Большой удачей для нас стал выход в свет в 1993 г. книги А.А. Григорова «Из истории костромского дворянства». В ней мы встретили рассказы о многих «наших владельцах», и за краткой надписью на книге стали вырисовываться образы и судьбы людей, которые соби-

рали и читали эти книги. Мы получили возможность рассказать читателям о наших земляках, а книги из их личных собраний с экслибрисами, дарственными надписями, читательскими заметками иллюстрируют эти рассказы, как свидетели прошлого они приближают его к нам.

В фонде редких изданий выявлено около 300 книг с владельческими надписями Якова Дмитриевича Купреянова и его сыновей Александра, Павла, Дмитрия, Петра, Николая. Когда-то эти разрозненные тома принадлежали большой фамильной библиотеке Купреяновых. На

Экслибрис И. А. Рязановского.

протяжении нескольких поколений она собиралась членами этой семьи в усадьбе Патино Солигаличского уезда. О многих представителях этого славного дворянского рода - видных военных деятелях и морских офицерах - рассказано в книге А.А. Григорова. Но и сами книги, и надписи на них могут многое поведать о библиотеке и ее владельцах. Подбор книг в домашнюю библиотеку говорит о вкусе, интересах, симпатиях собирателя, отражает направление литературной моды.

В библиотеке моряков и военных, конечно, книги, посвященные истории российского флота и военно-морскому искусству (например, Берх В. «Жизнеописание первых российских адмиралов», сочинения И. Крузенштерна, А.С. Шишкова, «Записки, издаваемые Государственным адмиралтейским департаментом» и т.п.) составляли значительную часть собрания. То же самое можно ска-

зать и о книгах, посвященных описанию дальних стран, путешествий, приключений, географических открытий (Шемели Ф. «Журнал первого путешествия россиянина вокруг земного шара», Ирвинг В. «История жизни, путешествий, открытий и приключений в новом свете», Бестужев Н. «Записки о Голландии» и др.)

В усадьбе Патино многие из Купреяновых получали домашнее образование, достаточное для поступления в Морской кадетский корпус и другие военные учебные заведения. Поэтому наличие в библиотеке учебной литературы, а также просто детских книг было необходимо. Из изданий, по которым владельцы Патина и их дети (у А.Купреянова было 13 детей) получали первые знания, можно назвать новиковский журнал «Детское чтение для сердца и разума», «История России в рассказах для детей» А.О. Ишимовой, знаменитый писемник Н. Курганова, пособия по математике и грамматике, труды М. Ломоносова и др. От «исторического отдела» патинской библиотеки попали в наши фонды труды Н. Карамзина, Д. Бутурлина и особенно много книг, посвященных описанию наполеоновских войн и Отечественной войны 1812 г. О том, что чтение в Патине посвящали часть досуга, говорит большое собрание произведений изысканной литературы: поэзия здесь представлена сочинениями Баратынского, Давыдова, Державина, Жуковского, Крылова, Пушкина, Катенина, Грамматина и др. поэтов-современников, проза - именами не столь известными, но популярными в XIX в. - романы Д. Бегичева, Ф. Булгарина, исторические драмы и романы М. Загоскина, К. Масальского, Р. Зотова и др. Венция европейской культуры долетали до усадьбы в Солигаличском уезде в виде философских и исторических произведений Вольтера, поэзии Шекспира и Мильтона, драматургии Корнеля, сентиментальных романов А. Лафонтена и Мармонтеля.

Многочисленные надписи на книгах патинской библиотеки рассказывают нам о судьбе этого большого книжного собрания, а некоторые представляют собой фрагменты семейной хроники Купреяновых. О чем же можно узнать, читая надписи на старых книгах? О том,

что библиотека собиралась на протяжении нескольких поколений и книги передавались по наследству, говорят такие надписи, как «после любезнейшего батюшки Якова Дмитриевича», имена детей Якова Купреянова - Александра, Петра, Павла, Николая, экслибрис «Библиотеки Н.А. Купреянова».

О родственниках Купреяновых с другими дворянскими фамилиями: «Вспомните 30 мая и любящего Вас брата. Андрей Юрьев», «А.К. 1817 года 6 июля С. Петербург. Подарена в знак памяти от любезного брата Андрея Николаевича Юрьева».

О том, что книги покупались в Москве, Санкт-Петербурге, Костроме Купреяновыми или их знакомыми. Надписи сохранили сведения о времени и обстоятельствах приобретения книг: «1923 года 20 сентября. Патино. У разносчиков», «С.-Петербург - Патино. Куплена любезнейшим Петром Николаевичем Авсом и очень им мне рекомендована», «Подарена 1809-го года августа 7-го дня Сергеем Семеновичем Котельниковым, когда я покупал у Павла Васильевича Чичагова книгу».

О том, что книги дарились друзьями-писателями: на книге П.Я. Гамалеи «Речь о науках вообще...» (1807) - «Подарена мне сия бесподобнейшая и прекрасная книга самим Платоном Яковлевичем Гамалею 1807-го года», на книге С.А. Ширинского-Шихматова «Ночь на размышления» (1814) - «Александр Яковлевичу Купреянову от сочинителя».

О том, что книги читали вслух всей семьей: «Читал с друзьями моими Лизой и детьми и с Николаем 1850 года февраля 6 дня. Ал. Купреянов», на книге П. Свиньины «Шемьяки суд...» (1823).

О том, что книги не только читали, но и переплетали: «Переплетал Петр Купреянов 1824 г. в Патине».

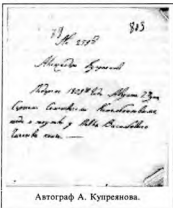
О том, что книги путешествовали с владельцами: «Александр Купреянов. 1817 года 8 мая. С.-Петербург. Начал читать 1823 г. 19 ноября в деревне Печенге по дороге в Вологду»;

Надписи на книгах содержат критические замечания, оценку прочитанного: о книге А. Лафонтена «Аристотели Горг, или Мишение и человеколюбие» (1803) - «Книга сия довольно хороша, но однако же читать ее девицам, а особливо одним, не советую, некоторые места слишком нежны!», на книге П. Гамалеи «Речь о науках вообще» Александр Купреянов о книге своего друга и сослуживца написал: «Превосходно! Превосходно! Бесподобно. После многих и

прежде чтений книги сей читал еще в Патине 1821 года 23 октября. Но кажется мало: надо бы ее выучить наизусть».

О службе и профессиональных интересах членов семьи Купреяновых рассказывают надписи, сделанные ими на многих книгах:

«Александр Купреянов. Подарена папичкою в 1801 году, когда я еще был в Корпусе»; «Я Павел Купреянов вступил в службу, то есть записан братом моим служащего во флоте гребном мичманом Александром Купреяновым в Инженерный корпус 1804 года февраля 15 дня. И вступил в 5-й нижний класс»; «Общий морской список» (1806) значительно до-

Автограф А. Купреянова.

полнен фамилиями моряков, которые вписаны рукой Александра Яковлевича Купреянова.

Надпись-эпитафия на детской книжке рассказывает о трагическом событии в жизни семьи: «Сия книга принадлежала бесценному другу Сашиньке, которую я подарил ей в 1845 году в феврале по возвращении моем из Петербурга. Записал же я сие на память по драгоценному дитяти нашем ангеле Сашеньке 1846 года 12 августа. Александр Купреянов», на обложке приписка: «И оберточка сия сделана самой Сашей».

Так более ста лет собиралась, дополнялась и служила семье Купреяновых патинская библиотека. О размерах книжного собрания Купреяновых можно судить по номерам на книгах. Только один из ее членов Александр Купреянов, большой любитель литературы и аккуратный собиратель, пополнил библиотеку более чем на 1000 томов (есть книга с № 1026, написанная его рукой).

О дальнейшей судьбе библиотеки можно сказать следующему: в 1914 г. ху-

дожник Н.Н. Купреянов, правнук А.Я. Купреянова, перевез фамильную библиотеку из Патино в усадьбу Селище. В советское время она была национализирована и многие книги попали в фонд библиотеки-читальни имени Луначарского, бывшую библиотеку имени Н.К. Михайловского, организованную в Селище в 1910 г. На некоторых книгах встречается штамп «Библиотека № 14 имени Луначарского» или просто надпись «Из библиотеки № 14 в Селищах». Сегодня часть этой когда-то большой фамильной библиотеки хранится в фонде редких изданий областной библиотеки.

В Селище же находилась другая дворянская усадьба - усадьба Мягковых, и в ней большая библиотека, собранная трудами нескольких поколений семьи Мягковых. Книги с именами Николая Леонтьевича, Василия Николаевича, Александра Васильевича и Геннадия Васильевича Мягковых часто встречаются в фонде редких изданий. Мягковых и Купреяновых объединяло не только соседство усадеб, но и родственные связи: Мария Геннадиевна вышла замуж за Н.Н. Купреянова, один из их сыновей - художник Н.Н. Купреянов. Судьбы библиотеки Купреяновых, Мягковых, многих других старинных фамильных библиотек, где бы они ни находились, как правило, очень похожи. Большая часть таких книжных собраний - плод труда нескольких поколений библиофилов распадается, утрачивается навсегда, часть книг растворяется в фондах государственных хранилищ. И лишь экслибрисы или иные знаки напоминают о владельцах книги. В условиях дефицита библиотечных площадей и «распыленности» изданий по разным библиотекам не представляется возможным восстановить целостность этих собраний, запечатлевших духовный облик их владельцев. Изучение надписей, экслибрисов и печатей на книгах из частных собраний может отчасти поправить положение, восстановить состав этих библиотек хотя бы теоретически, составив описи и картотеки книг, сделав эту информацию доступной исследователям и краеведам.

Григоров А.А. Из истории костромского дворянства - Кострома, 1993.

Купреянов Н.Я. Селище // Памятники Отечества. - М., 1991. С 115-124.

Алфавитный указатель дворянских родов. - Б.м., б.г.

Нина БАСОВА

Уникальное собрание¹

Свою историю Костромская областная универсальная научная библиотека им. Н.К.Крупской (далее КОУНБ) отсчитывает с 18 апреля 1918 года, когда местные власти подписали постановление об организации в г.Костроме Центральной научной библиотеки.

Инициатива по ее созданию принадлежала Костромскому научному обществу по изучению местного края (далее КНОИМК) и его председателю В.И.Смирнову, который много сделал для развития костромского краеведения и краеведческой библиографии, а также ряду общественных организаций города.

В.И.Смирнов давно мечтал об открытии в Костроме Дома науки, где бы разместились и университет, и научная библиотека, и архив, и музей. Позже мечта эта реализовалась: все вышеназванные научные учреждения в городе появились, но добиться их комплексного размещения так и не удалось из-за недостатка средств.

Центральная научная библиотека первоначально размещалась в бывшей духовной консистории на улице Мшанской (ныне ул.Островского,8). После открытия в ноябре 1918 г. Рабоче-крестьянского университета, занимавшего часть помещения бывшего Дворянского собрания, встал вопрос о переводе Центральной библиотеки поближе к университету.

Правление библиотеки рассмотрело несколько предлагаемых вариантов, пока не остановило свой выбор на бывшем Акцизном управлении, располагавшемся на улице Луначарского (ныне пр.Мира,11), так как оно отвечало всем предъявляемым требованиям: близость к университету, прочность конструкции (чтобы выдержали тяжесть многотысячного книжного собрания), достаточные площади для размещения книг и работы с читателями, безопасность в противопожарном отношении и т.д.

Таким образом, этот удивительный особняк, построенный в 1793 году купцом М.П.Дурным для собственных нужд, пережив многое и многих, с кон-

ца 1918 г. становится родным домом для Центральной научной библиотеки и продолжает оставаться таковым до 1965 г. - момента переезда библиотеки в новое, специально выстроенное по типовому проекту здание по улице Советской, 73, где она находится и поныне.

С чего началось формирование библиотечного фонда в том далеком 1918 г.?

Прежде всего Правление библиотеки, избранное на общем собрании предста-

библиотек.

Реквизированные дворянские библиотеки, состоявшие наполовину из нелегальных изданий XVIII-XIX вв., русской периодики и беллетристики прошлых лет, как правило, свозились в Кострому, где распределялись между Центральной научной библиотекой, губерским архивом и музеем местного края.

«Северная правда» в статье, посвященной 10-летию юбилею Центральной

научной библиотеки, писала: «Когда-то большинство этих книг занимали собою стильные шкафы и этажерки в библиотеках барских имений и кабинетах костромских помещиков. Революция собрала их воедино, в стройные ряды на простых полках книгохранилища»².

Широким и массовым реквизиционным положением начало два декрета Советской власти: «Об охране библиотек и книгохранилищ РСФСР» (21 июля 1918 года) и «О порядке реквизиции библиотек, книжных складов и книг вообще» (28 ноября 1918 года).

Руководствуясь этими документами, представители новой власти налаживали охрану книг, брошенных в разграбленных усадьбах, квартирах и на складах.

Одновременно со спасением гибнущего имущества, советское руководство решало идеологическую задачу перераспределения ценностей³.

На местах, в основном, оставалась литература, идеологически выдержанная, отвечающая духу времени. Все остальные книги ждали своего часа, то есть заключения авторитетных специалистов, сдвинувших по уздам и отбравших наиболее ценные издания для научных учреждений Петрограда, Москвы и Костромы.

Перераспределение книг шло медленными темпами из-за недостатка средств и людей, а потому растянулось на несколько лет.

В уездах и в самом губерском центре скопилось огромное количество книг, разобрать которые в короткий срок не представлялось возможным.

Библиотека им. Н. К. Крупской, пр. Мира, 11. 1950-е гг.

вителей культурно-просветительных учреждений, органов народного образования и общественных организаций, обратилось с письмами во все государственные учреждения и учебные заведения с просьбой прислать книги для вновь создаваемой библиотеки. При этом высказывалось желание первоочередной присылки книг, имеющих отношение к истории Российского государства в целом и к истории Костромы и Костромского края.

Таким образом, изначально перед библиотекой ставилась одна из главных задач - формирование краеведческого фонда.

Национализированные библиотеки дореволюционных учреждений и учебных заведений Костромской губернии, за исключением ценных изданий и рукописей, направленных в Центральную научную библиотеку, оставались на местах и служили основой для вновь создаваемых уездных общественных

Вот что писала газета «Красный мир» в 1920 году по этому поводу: «С 21 февраля в Костроме функционирует Центральная научная библиотека. Библиотека сосредоточила в себе колоссальное для Костромы количество книг самого разнообразного содержания на различных языках. К настоящему времени разобрано и предоставлено для пользования публики 38 тысяч книг с лишним и 18 тысяч томов периодических изданий.

Масса ценного книжного материала не разобрана, главным образом, из-за недостатка сил. Неразобранных книг скопилось в библиотеке до 60 тысяч⁴.

Для читателей была подготовлена выставка под названием «Книга в ее прошлом и настоящем», где они могли видеть «Житие Макария Унженского и Димитрия Царевича» (рукопись 1640 г.), «Житие Иосафа Царевича и Варлаама» (1529 г.) и другие.

«Вообще в библиотеке сосредотачиваются книги со всей губернии и из уездов: очень часто бывают крупные поступления книг. Недавно, например, много книжного материала поступило из Нерехтского уезда. С 1-го января 1920 по 1-е июня поступило в библиотеку 20769 томов.

Характер поступлений книг самый разнообразный.

Все время библиотекой приобретаются вновь выходящие книги⁵.

Книгам велся строгий учет, поэтому, спустя многие годы, можно без труда восстановить источники их поступления: 40 тыс. томов - от КНОИМК, 12 тыс. томов - от бывшего Дворянского собрания, 1,5 тыс. томов - от Кафедрального собора, около 1 тыс. томов - от бывшей Духовной консистории, 40 тыс. томов - из Ломбарда, 3 тыс. томов - от букинистов Ланина и Катаева и других организаций и частных лиц. Александр Александрович Антонов, ставший первым директором библиотеки, передал в дар 1200 томов из личного собрания.

Среди поступивших книг было немало краеведческих изданий самого различного содержания: по истории, статистике, педагогике, географии, архитектуре и т.д. Некоторые из них имели штампы прежних владельцев, а в сопроводительных документах указывались источники приобретения: «От Л.Л. Грандильского», «От В.А. Невского», «Куплено у Кузнецовой», «Из книжного склада «Кооперация», «Из библиотеки Петрова Макарьевского уезда», «Библиотека Зуина», «Магазин «Губпечати», «От Российской Академии наук», «Из 1-го социалистического клуба», «Куплены в от-

деле снабжения», «От горисполкома», «От Нерехтского отдела народного образования», «Библиотека подтехникума», «Из библиотеки князя Вяземского», «Пожертвована В.Д. Лебедевой» и другие.

Среди жертвователей были те, кто дарил единичные экземпляры из своих небогатых библиотек, но были и такие, которые приносили самое ценное и дорогое, что имелось в домашней библиотеке, как, например, упомянутый выше А.А. Антонов - первый директор Центральной научной библиотеки.

Но все же основная часть книг поступала из реквизиционных и национализированных библиотек.

Этап перемещения книг из своих родовых библиотек и от прежних своих владельцев - дореволюционных учреждений и учебных заведений в новые хранилища, в том числе и в Центральную научную библиотеку, завершился в 1922 г.

Следующий период знаменовался явлением другого порядка - перемещением в крупные книгохранилища страны, такие, как Государственная библиотека СССР имени Ленина (ныне Российская государственная библиотека), ценнейших рукописей и старопечатных книг, находившихся в фондах периферийных библиотек.

Из Центральной научной библиотеки г. Костромы были переданы: «Записки монаха Аполлоса» (XI в.), «Записки посадского человека, бывшего свидетелем убийства царевича Дмитрия в Угличе»⁶.

Взамен изъятых редкостей из Москвы отправлялись иногда целые библиотеки популярной литературы, предназначенной для массового читателя.

На протяжении нескольких десятилетий хорошим подспорьем в деле комплектования недостающими изданиями, в том числе и краеведческими, служили обменно-резервные фонды крупнейших библиотек страны и некоторых областных библиотек, которые направляли в КОУНБ краеведческие книги.

Вопросы текущего комплектования всегда были актуальными для библиотеки, поэтому правительство держало его в поле зрения. Постановление СНК СССР «О снабжении важнейших государственных книгохранилищ СССР изданиями, выходящими на территории Союза ССР, и о доставке обязательных и сигнальных экземпляров произведений печати» от 10 октября 1939 г. было как нельзя кстати. Оно успешно работало в течение десятилетия, а затем наступил спад и краеведческие издания стали приходиться в библиотеку нерегулярно.

Позже правительством принимался еще ряд постановлений по данному вопросу, но все они, как правило, по истечении какого-то времени прекращали свое действие.

В 1996 г. глава администрации Костромской области подписал постановление «Об обязательном местном экземпляре документов» (во исполнение Закона Российской Федерации «Об обязательном экземпляре документов» от 29 декабря 1994 г.), по которому все издающие организации Костромской области независимо от форм собственности должны присылать в КОУНБ два бесплатных экземпляра всех видов изданий, выпущенных на территории области.

За истечение два года со дня принятия этого постановления приходится с горечью констатировать, что не все издающие организации выполняют свои обязательства перед библиотекой, а потому и библиотека не может их выполнять перед своими читателями. Хотелось бы верить, что ситуация изменится к лучшему уже в ближайшее время и библиотека в день выхода в свет первой партии тиража будет получать все без исключения краеведческие издания.

В настоящее время краеведческий фонд КОУНБ насчитывает 21900 экземпляров. Это уникальное собрание - единственное в регионе, где представлены рукописи, первые книги о Костромском крае, изданные в XVIII в., различные справочники, путеводители, учебная и методическая литература по краеведению, периодические издания.

Главная задача библиотеки - сохранить и приумножить эти богатства, сохранив трудом и стараниями предшествующих поколений библиотекарей, сделав их достоянием читателей.

1. Данной теме посвящены следующие публикации: Зыкова Г.В. Источники мудрости и света // Библиотека. - 1993. - № 7. - С. 7-11; Сицинцева Л.И. Начало книжного пути // Губернский дом. - 1993. - № 2. - С. 13-16; Басова Н.Ф. 20 тысяч томов, или Что такое библиотечное краеведение. // Молодежная линия. - 1993. - 2 апр. (№ 13). - С. 5.

2. Книжный Е. Центральная библиотека - коллектор: Культурные богатства Костромы // Северная правда. - 1928. - 25 сент.

3. Анафасев М. Перемещенные коллекции и их судьба // Библиотека. - 1996. - № 10. - С. 12. (Спец. вкладки).

4. Н.П. Центральная научная библиотека // Красный мир. - 1920. - 11 июля.

5. Там же.

6. Смирнов И. В мире книг // Северная правда. - 1945. - 21 окт.

МУЗЕЙ

Елена ГРОМОВА. Свидетельство жизни русской провинции (русский провинциальный портрет).....	52
Ольга РУМЯНЦЕВА. Предметы усадебной старины (коллекция усадебной мебели)	55
Любовь НОВОЖИЛОВА. Ружья, шпаги, палаши... (коллекция оружия).....	58
Сталина МАСАЛЕВА. Костюм необычный, красочный и практичный (коллекция верхней крестьянской одежды)	61
Людмила ЖУКОВА. «Дорогому Ивану Александровичу...» (графика из коллекции И. А. Рязановского)	64

БИБЛИОТЕКА

Марина НЕДОМАРАЦКАЯ. Круг чтения - необычайно широк (библиотека Пановых)	68
Елена САПРЫГИНА. Библиотека гуманитария (библиотека Грамматиных)	71
Ольга ГОРОХОВА. Читая надписи на книгах (библиотека Купреяновых)	77
Нина БАСОВА. Уникальное собрание (из истории формирования красведческого фонда).....	79

Ответственный за выпуск — Николай СОЛОВЬЕВ.

Редактор — Ирина ГЛИФ.

Историк-консультант — Татьяна ВОЙТЮК (ЙЕНСЕН).

Редакция: Ольга Кивокурцева, Галина Давыдова, Лариса Ковалева, Любовь Поросятковская, Наталья Дружина, Марина Недомарацкая, Мария Кузнецова, Анатолий Елизаров.

Фотографии Георгия БЕЛЯКОВА.

Учредители — Государственный архив Костромской области,
Отдел по делам архивов администрации Костромской области.

Адрес редакции: 156026, г. Кострома, ул. «Северной правды», 24. Телефоны: 54-25-58, 54-59-45

Журнал зарегистрирован управлением печати и массовой информации
Костромского облисполкома 4 февраля 1992 г.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
Серия АБ.000097. Регистрационный номер 131

Печать офсетная. Объем 5 п. л. Цена договорная. Областная типография им. М. Горького
управления по делам печати и массовой информации администрации Костромской области,
г. Кострома, ул. П. Щербины, 2. Заказ 3604. Тираж 500.

ИЗДАНИЕ
ОБЛАСТНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА